

Александр Нотин

И С Х О Д

(Повесть в трех частях)

**«Не враг силен –
мы слабы!»**

Книга первая:

ЭКСКУРСИЯ В МЕГАПОЛИС

Москва
Переправа
2010

УДК ???
ББК ????
Н??

ИСХОД (Повесть в трех книгах). Книга первая: ЭКСКУРСИЯ В МЕГАПОЛИС. А.И. Нотин. М.: Переправа-издат, 2010.
— ?? с. Илл.

Здесь должна быть аннотация (ну, желательно, очень)

ISBN ???-?-?????-???-?

© Нотин А. И., 2010
© Замостьянов А. А. Литературный редактор, 2010
© АНО «Переправа», 2010
© Корнюков В. А. Оформление., 2010
© Корнюков В. А. Иллюстрации., 2010

Ретроспектива будущего

Беда нагрянула в двадцатых годах XXI века. После столетий относительной устойчивости планета погрузилась в хаос. Вспыхнувшие повсеместно нестроения и беспорядки по масштабам и чудовищным своим последствиям превзошли все прежние войны и катаклизмы вместе взятые. Ни один регион, ни один мало-мальски обитаемый уголок планеты не избежал общей горестной участи. У хаоса не наблюдалось ни границ, ни линии фронта, ни правил ведения войны, ни явных противоборствующих сторон. Не было даже четких, заявленных целей.... Словом, ничего, что укладывалось бы в устоявшиеся представления о порядке. Все против всех.

Будто чья-то незримая злая рука намеренно мешала и спутала былые смыслы и понятия.

Будто раскаленная магма, веками копившая ярость под спудом государственного насилия, неодолимым огненным потоком изверглась на поверхность, сметая государства и идеологии, хозяйственные устои и культурные формы, международные отношения и глобальные институты.

Будто само провидение предъявило падшему человечеству счет за ранее совершенные злодеяния, и «в неуплату» переломило ось, на которой держалась мировая стабильность со всей ее атрибутикой. Каркас мироздания рассыпался в прах. Бунты и эпидемии, глады и моры – по поводу и без, там, где их ждали, и где нет – поразили мир, словно весь род людской внезапно покрывлся сыпью и язвами неизвестной доселе болезни.

Настал час возмездия, час «Суда Божия».

Конечно, не обошлось без предупреждений. Их было немало. На рубеже 2000-х годов человечество стало свидетелем неслыханных техногенных катастроф, беспрецедентных террористических атак, эпидемий смертоносных болезней, глобальных кризисов, наводнений, цунами и засух (наподобие той, что постигла Россию в 2010–2012 годах). Но внимали ли этим божьим знакам люди, погрязшие в содомских грехах, увлеченные вселенским «пиром во время чумы»? Если и да, то лишь немногие – большинство же неумолимо отклонялось в сторону «скотов немысленных».

Последствия такого легкомыслия не заставили себя долго ждать.

Некогда всемогущие и заносчивые Штаты, пережив кошмар финансово-экономического дефолта, беспрецедентными по масштабам расовыми волнениями «расплатились» за свои исторические преступления против коренных индейцев и всех, кого они унизили и обманули по всему свету. Раньше других рухнули хваленые экономические устои американского образа жизни – банки, биржи и суды. С первых дней кризиса Америку потрясла эпидемия сутяжничества. Граждане самой свободной в мире страны всегда любили судиться – хлебом не корми. Когда же бизнесмены и простые граждане стали разоряться тысячами и ежедневно – суды затрепачили от новых дел. Выбитые из русла привычной жизни обыватели в суматохе атаковали судей и прокуроров, что-то от них требовали, кричали про кредитные обязательства, акции, облигации, договора. И вдруг все разом остановилось. Юридические документы обратились в хлам, в пепел. Вера в Фемиду испарилась из американцев. И оказалось, что эта вера тонкой плёнкой прикрывала огромную пустоту, чёрную дыру в душе целого народа. Не стало закона – и выяснилось, что только он один и удерживал

миллионы «добропорядочных американцев» от превращения в диких зверей. После краха судов в Америке были побиты все рекорды по самоубийствам. С улиц не успевали убирать трупы: разорившиеся банкиры и простые клерки выбрасывались с тридцатых и пятидесятих этажей небоскрёбов...

Содрогнувшейся от мирного, а затем и насильственного вторжения «исламской волны» старушке Европе пришлось посетовать о своих колониальных грехах. Приливные наводнения, вызванные подъемом уровня мирового океана (плата за экологический инфантилизм), накрыли все западное ее побережье, а также Скандинавию и добрую треть Великобритании. Всюду запылали расовые и религиозные пожары. В ряде стран – Германии, Франции, Италии вновь поднялся голову неонацизм.

Вечно голодная Африка, лишившись последних водных запасов, обратилась в один сплошной очаг голода, эпидемий и гражданской войны.

Дольше остальных регионов держался азиатский мир. Но и здесь хаос взыскал свое: в одночасье утратив западные рынки сбыта, Китай пережил жесткие экономические и социальные «ломки». В Японии застыл маховик «индустриального бума» и развернулось общенациональное самурайское движение под девизом «Назад в будущее!» Индия медитировала, возвращаясь в привычное лоно нищей аграрной экономики.... От окончательного, такого же, как на Западе, распада Азию уберегла вековая семейно-религиозная солидарность и врожденная привычка населения к скудным условиям существования.

В силу своего срединного евразийского местоположения Россия не имела ни малейшего шанса избежать влияния трагических бедствий, окруживших ее кольцом. Однако кризис здесь протекал иначе, чем на изнеженном Западе и перенаселенном Востоке. В России все происходит на свой лад. В мегаполисах и крупных городах, где постмодернистская западная

культура успела пустить глубокие корни в массовое сознание, хаос приобрел наиболее жесткие и агрессивные формы; в глубинке действие его ощущалось слабее. В какой-то момент сработали скрытые резервы и стратегические преимущества русского этноса: неприхотливость населения, огромные размеры территории и обеспеченность ресурсами. И все же главную роль сыграла феноменальная жизнестойкость русского человека, обусловленная, с одной стороны, извечным его пренебрежением земными благами; а с другой – близостью к природе и подспудным упованием (не всегда даже осознанным) на волю Божию. В отличие от Штатов и Европы, ухаби́стая российская история являла собой, по сути, краткие периоды относительного затишья в бесконечной череде катаклизмов и национальных бед – не зря хрипел Высоцкий: «История страны – история болезни!».

Особенно драматичным и кровопролитным оказался двадцатый век – предвестник Великого Исхода. В начале этого столетия Россия приняла на себя первые жесткие удары приближающейся вселенской катастрофы. Но нет худа без добра: отстав от «поезда цивилизации», несущегося под откос, она, сама того не желая (неисповедимы пути Господни!), оказалась лучше других стран подготовленной к болезненному финалу. Она не рухнула в кризис, как другие страны, – внезапно и болезненно, – а как бы сползла в него на брюхе, пройдя через цепь промежуточных и подготовительных потрясений. По воле Промысла русский мир получил своего рода прививку от Исхода, укрепив свой жизненный тонус и национальный иммунитет. Закалка есть закалка! Даже известные отечественные беды – коррупция, отсталость и низкий уровень жизни, – имели в известном смысле, положительное и промыслительное значение для судьбы нации, своевременно пробудив во многих честных людях национально-религиозное сознание.

Была еще и четвертая беда – пьянство. Но в эпицентре беды, как всегда в истории, русский человек стал меньше пить. Куда меньше, чем в «тучные годы» так называемого нефтяного благополучия. Да и что перепало простым людям от сырьевого «пирога»? Дешевая водка в круглосуточных магазинах, футбол по телевизору, игровые автоматы.... Когда же грянул гром – многие нашли в себе силы отвернуться от этих «удовольствий». Конечно, не всё протекало гладко. Тысячи алкоголиков умерли раньше срока, сошли с ума, лишившись привычной дозы. Но миллионы бытовых пьяниц сумели устоять и выжить. А выживание уже было несовместимо с пьянством.

... Быть может, именно отмеченная выше размытость глобальной картины Исхода так и не позволила историкам договориться о точной дате его начала в России. Одни отсылают нас к системным техногенным авариям и вызванным ими массовым волнениям в Москве и Петербурге осенью 2014 года. Другие – тоже не без оснований – считают, что русская смута взяла начало в англо-саксонском хаосе, и отсчет ее, следовательно, нужно вести с 2008 года, когда были зафиксированы первые мощные толчки мирового финансового коллапса. Третья и самая многочисленная группа историков, в основном православных, полагают некорректной саму попытку установить точную дату начала Исхода, усматривая в этом вселенском коллапсе праведный «суд Божий» над неправедной цивилизацией, основанной на лжи, насилии и пороке.

Что же, в каждом из этих подходов, возможно, присутствовала частичка истины. Но полное ее знание недоступно человекам. Оно – у Господа, ибо сказано: Пути Мои – не ваши пути...

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ЛЕСНАЯ ЗАСАДА

**«Сократ»,
12 октября 2021 года**

— Антон Ильич, товарищ генерал, очнитесь! Тут какой-то бородастый мужик с повязкой автоматом размахивает, велит остановиться. Тормозить... или как? В голосе водителя автобуса, сержанта Сеньки Ларина — неуверенность и тревога.

— Бригадный генерал Армии обороны ПВУР (Псковско-Великолукского укрепрайона) Антон Савин, к которому были обращены эти слова, отозвался не сразу. Утомленный однообразием дороги и тряской, он дремал, подложив под голову старую, распушенную каракулевую папаху.

Вот уже третьи сутки вверенный ему автобус марки «Ивеко» с сорока пятью пассажирами на борту, сорок из которых — молодняк в возрасте от шестнадцати до двадцати двух лет, пробивался сквозь ухабы и лесную глухомань по трассе, когда-то называвшейся «федеральной». Расстояние от их родного поселка «Подсолнухи» под Великими Луками до столицы — не более пятисот километров (слава Богу, хоть здесь ничего не изменилось!). Но добираться приходилось долго и мучительно. Ехали только в светлое время, места для ночлега выбирали загодя и непременно в стороне от столбовой дороги, автобус укрывали от чужих глаз в каком-нибудь полураз-

валенном коровнике или ангаре, на ночь выставляли боевое охранение.

Теперь эта «скоростная» трасса напоминала скорее испытательный полигон протяженностью... в несколько сот километров. Лишенное регулярного ухода, полотно дороги безропотно сдалось на милость победителя. Лес окружил его со всех сторон, разломал, вздыбил и расплющил чуждый себе материал. Он обглодал обочины, и теперь наседал на проезжую часть – вернее, на то, что от нее осталось. Лес плясал на трупе поверженного врага, нагло вторгшегося в его пределы. Время от времени измотанному тряской и однообразием пути Антону даже начинало казаться, что их машина вперевалку ползет не по рукотворной дороге, а по какому-то фантастическому тоннелю из сплетенных между собой веток, корней и стволов, и тоннель этот живой, и он вот-вот сожмет свои челюсти и проглотит их – свою законную добычу. А ведь еще прошлой весной эта дорога, по заключению привереды Сеньки, была «еще, куда ни шло».

«Все, баста, через Клин больше ездить нельзя! – подбадривал себя, как умел, генерал, прыгая и охая на очередной ухабе, и сквозь дрему краем уха улавливая смешки и шепотки неугомонной «детворы» за своей спиной, – А лучше бы уж совсем отменить эти поездки в Москву, будь они неладны! Всю душу измотали!»

– Что там у тебя там, Сень? Какой еще мужик? – сообразил, наконец, что к чему генерал, откликаясь на взволнованный вопрос сержанта-водителя.

Окончательно придя в себя, он первым делом огляделся и выделил самое главное. Главное состояло в том, что лес решительно переменился: из непролазного и хмурого, каким он был еще несколько часов назад, он стал редким и светлым. Что еще? Прямо по курсу движения – крохотная развилка. На ней – что-то вроде блокпоста: наспех, вкривь и вкось сколоченный вагончик, мешки с песком, торчащий дулом вверх крупнокалиберный пулемет, с пяток вооруженных людей довольно-таки неказистого вида. Кроме них и этого, с позволения сказать, «укрепленного поста», в пределах прямой видимости никого, слава Богу, не видно – ни единой живой души, ничего, что могло бы вызвать подозрения... Если не считать, конечно, одинокой придорожной фигуры того самого «мужика с повязкой», что так взволновала водителя Сеньку.

«По виду ни дать, ни взять – Сократ!» – с ходу окрестил про себя незнакомца Антон. (Чуть забегаая вперед, заметим, что прозвище «Сократ» так и закрепилось за «мужиком с бородой», кочуя позднее вслед за ним по многочисленным телеграммам, оперативным сводкам и отчетам Армии обороны).

В самом блокпосте – ничего особенного. Блокпост, как блокпост – мало их по трассе? Время нынче такое – смутное и неверное. Похожие на эту «временку» блокпосты и небольшие вооруженные отряды встречались им и раньше – не меньше десятка с того момента, как автобус с молодыми общинниками и офицерами сопровождения выехал из ворот центральной усадьбы «Подсолнухи», относящейся ко Второму Псковско-Великолукскому православному укрепрайону. Правда, до сих пор никто, нигде и еще ни разу не пытался их останавливать. Новенький с иголки, бронированный «Ивеко» с затемненными стеклами, боковой защитой колес, а главное – ярко подсвеченной эмблемой Армии обороны на лобовом стекле (меч, вонзенный в землю на фоне восходящего солнца) производил на встречных «участников движения» слишком внушительное впечатление, чтобы кто-то дерзнул преградить ему путь. Чем или кем были те, встреченные ими по пути разномастные отряды и группы – оставалось только гадать. Мародерами ли, которыми буквально кишели плохо контролируемые властями территории; осколками более крупных банд, бродившими по окрестностям опустевших городов и сел в поисках случайной поживы, регулярными «сборщиками податей», коих местные удельные князьки и батьки отряжали на большую дорогу для прокорма-грабежа? Кто знает? Одно слово – смутное время!

– Ты вот что, Сень, давай-ка, брат, притормаживай, но только помаленьку. Не спеши. По команде откроешь мне переднюю дверь. Крис – Антон обернулся в сторону неприметного пассажира в передней части автобуса – гляди в оба, пока я с бородачом толковать буду.

– О кей, босс – отозвался худощавый, лет сорока пяти мужчина в камуфляже, акцент которого с головой выдавал коренного англосакса.

Антон грузно поднялся с сиденья, и направился к двери. Он не торопился, не выдавал волнения. Почувяв на спине с добрую сотню любопытных глаз, следивших из глубины салона за каждым его движением, поднял руку и успокаивающе произнес: «Все в порядке. Ни-

чего не происходит. Все остаются на своих местах. Если мы с Крисом выйдем наружу, за старшего будет Семен».

Тем временем автобус, замедляя ход, накатывал на блокпост. «Сократ» с подчеркнутым спокойствием топтался на месте, демонстрируя мирные намерения и позволяя разглядеть себя со всех сторон.

Что же он за гусь, этот «двойник» древнегреческого философа? Судя по уверенной манере держаться – командир. Среднего роста, коренаст, широкоплеч, круглолиц. Окладистая русая борода. Одет явно лучше своих подчиненных: короткий светлый полушубок, шапка-ушанка, валенки – все относительно новое. Портупея с пистолетом и короткоствольный автомат, небрежно закинута за плечо. Повязка на рукаве. Рука поднята вверх – сигнал остановиться. Что еще? ...

В поведении «Сократа» и его подчиненных не чувствовалось ни малейшей натянутости – если это игра, то игра блестящая. Нет, не похоже на игру. Над всем этим Богом забытым пятачком в центре дремучего леса буквально витал дух неги и покоя. Издалека видно – люди «Сократа» необучены, одеты, как попало, вооружены дедовскими карабинами и самодельными обрезами. Впрочем, не будем спешить с выводами: первое впечатление может оказаться и обманчивым.

Для верности Антон еще раз взвесил все «за» и «против». «Инструкция по обеспечению безопасности дальних экскурсий», которую он в свое время сам же и утверждал, в принципе запрещала остановки в пути «по принуждению», тем паче в безлюдных местах; однако в каждом конкретном случае право окончательного решения оставалось за старшим офицером. Но здесь-то старший – он, генерал Савин. Ему и решать!

С одной стороны, очевидно (может быть, даже слишком очевидно), что ни сам блокпост, ни его «бравые защитники» никакой реальной угрозы для хорошо экипированного автобуса Армии обороны представлять не могли. Это факт неоспоримый... если, конечно, у них за ближайшим бугром не скрыто хорошо пристрелянное оружие... Но это было бы уж совсем из области фантастики.

С другой стороны, если формально следовать инструкции, и просто проскочить мимо Сократа и его людей, не обращая внимания на настойчивое требование остановиться, легко можно схлопотать вдогон шальную очередь из «станкача»: убойная же мощь этого крупнокалиберного «монстра» кому-кому, а Антону, ветерану двух чеченских кампаний, была известна не понаслышке.

Впрочем, сейчас его больше занимало другое. Терзало его какое-то прямо-таки мальчишеское любопытство: чего ради «Сократ» проявляет такую прыть? Какая муха его укусила? С какой целью он так бездумно лезет на проезжую часть, подставляя грудь под вполне реальную пулю? Все что происходило сейчас на глазах Антона, решительно не вписывалось в те волчьи порядки, что установились в этом мире после начала Исхода. Неписанные правила джунглей в духе пресловутых «законов Хаммурапи» (бей чужих, чтобы свои боялись!) действовали повсеместно и без изъятий, строго и неукоснительно. Нарушение их могло стоить жизни. И все-таки «Сократ» настырно пер на рожон.... Почему? Странно все это! Странно и нелепо!

Возможно, именно это острое желание до конца разобраться в ситуации, в конечном счете, и толкнуло Антона на внеплановую остановку....

Громко проскрипев тормозами, «Ивеко» замер на месте. Двигатель продолжал урчать на холостых обо- ротах. Антон незаметно снял с предохранителя именной пистолет-автомат «Кедр» и через открытую Сенькой дверь выглянул навстречу «Сократу». Начал он подчеркнута добродушно.

Непредвиденная остановка

– Здорово, земляк? Что-нибудь случилось?

– Ни Боже мой! Не извольте беспокоиться, господа хорошие.

– Тогда, чего семафоришь? Порядков не знаешь?

– Предупредить хочу. Обстановку, так сказать, обрисовать. Поделиться, значит, важной для вас информацией. Непокойно в наших краях, пошаливают тут всякие, а вам, поди, далеко еще ехать – почитай, до самой Москвы. Так что уж не обессудьте: милости прошу в штабе чайку отпить, да на карту-километровочку мою полюбоваться. Ей Богу, не пожалеете. Долго вас задерживать не стану – люди вы, я вижу, военные, серьезные.

«Грамотно излагает, Сократ-то наш. Оправдывает свое высокое имя. Однако с чего это он решил, что мы едем именно в Москву, – молнией мелькнула мысль в голове у Антона, – или это всего лишь случайное совпадение – трасса-то московская?» Но, как говорится, слово не воробей, вылетит – не поймаешь. В глубине души генерал

понимал: случайность это или нет, сомнение будет теперь тревожить его мозг, пока загадка не разрешится.

– Ладно, земляк, айда до твоего штаба. Только гляди у меня – без глупостей!

Сократ даже руками всплеснул от возмущения.

– Да, ни Боже мой, господин офицер! Какие глупости?! Что я слепой – эмблемы не вижу, что ли? Не басурмане же мы, в самом деле! Стоим тут в дозоре почитай четвертую неделю, жизнью своей рискуем – ни помыться тебе, ни обсушиться, ни горячего чего поесть. По бабам да деткам истосковались – сил нет....

Любезно пропустив вперед словоохотливого бородача, Антон с Крисом проследовали к «штабу». Обоим им «Сократ» решительно не понравился – навязчив, суетлив, избыточно услужлив. Про себя Антон лишь похвалил умницу-американца: тот не прошел вслед за всеми внутрь «штабного» вагончика, а благоразумно тормознул в дверях, чтобы в случае чего держать в поле зрения и самого словоохотливого хозяина, и его подчиненных, по-прежнему слонявшихся возле своей боевой позиции. К автобусу с общинниками никто из этих «вояк» пока не приближался: не смели, робели, жались к мешкам с песком, стараясь не угодить на линию прямого перекрестного огня между Крисом и Сенькой-водителем. Последний скучал за рулем, с подчеркнутым равнодушием через открытую дверь автобуса наблюдая за развитием событий и баюкая на коленях новенький автомат Калашникова.

Остальные пассажиры терпеливо ждали окончания «переговоров». Многие ребята и даже девчата, случись чего, смогли бы постоять за себя: в православной общине, откуда они были родом, все подростки старше десяти лет состояли в движении «витязей», и в обязательном порядке обучались владению оружием и приемам рукопашного боя. Но сейчас эти навыки едва ли могли пригодиться: оружия у ребят не было. В автобусе висела напряженная тишина. Песни и смешки смолкли сразу после того, как на пустынном перегоне между Тверью и Клином из тумана вынырнул этот злосчастный блокпост, и отделившаяся от него фигура, поводя автоматом, сделала знак остановиться.

Между тем, в «штабе» разворачивалась почти дипломатическая церемония.

– ...Пардон, так сказать, за любопытство – куда вы, если не секрет, путь-дорогу держите? – «Сократ» был сама любезность.

– В город, милейший, в Москву-столицу, по делам, – отрезал Антон, по опыту зная, что с подобного рода людьми лучше разговаривать сухо; сам же принялся исподволь изучать рефлексии бородача, стараясь составить представление о его характере и намерениях. В глаза бросился засохший листик капусты, застрявший в неопрятной, будто смазанной жиром бороде собеседника. «Давненько вы, видать, ребятки, бани не видели, – заключил генерал, – кто ж вы такие, горе-войки? Каким богам служите?».

– Что ж, в столицу – так в столицу. Дело, как говорится, житейское. Вам, значит, виднее – люди вы, я вижу, положительные. Сами-то издалече будете?

При этих словах на лице «Сократа» вновь изобразилось живейшее участие, но в самом вопросе его, в том, как быстро он отвел глаза и, резко повернувшись к столу, хлопотал возле старенькой буржуйки, угадывалось некоторое смущение: похоже, он знал, кого задержал, а спрашивал так – для отвода глаз, чтобы не вызвать подозрений. Оставалось лишь понять, к чему весь этот цирк? Захватить автобус «Сократу» и его команде явно не по зубам – это понимали, конечно, обе «договаривающиеся» стороны. Разведать, разнюхать, что к чему? Это, пожалуй, ближе к истине, но дальше-то что?

– А сам, выходит, не догадываешься, кто мы и откуда? – слегка поддел собеседника Антон, подходя к столу с потрепанной картой – Или не разглядел эмблемы Армии обороны на лобовом стекле?

– Как же не разглядеть, ваше благородие! Еще как разглядел! И эмблему сразу признал. «Фирма» ваша на всю Россию известная. Здорово вы, эта, значит, поднялись. Я имею в виду общины ваши православные – хозяйство, воинство, и все такое.... У нас в округе только и разговоров, что о поселениях к северу: и порядок там, и покой, и сытость. Даже школы и больницы, говорят, работают. Красота! Не то, что у нас! Люди-то в наших краях все больше пришлые – местных, почитай, и не осталось. Перебиваемся с хлеба на воду – не всякий день и поешь досыта.... Бандиты опять же шалят, будь они неладны! То коровенку сведут, то сено сожгут, то лабаз вскроют. Иной раз ложишься спать и не знаешь, проснешься ли поутру. Дороги в наших местах опять беспокойные – третьего дня километрах в пятнадцати отсюда какие-то изуверы три легковушки ограбили и сожгли. Людей побили, сволочи. Дела-а! А случилось это вот здесь – «Сократ» ткнул каранда-

шом в точку на карте и, для пущей важности, показал еще пару мест по трассе, где были зафиксированы нападения.

...Э-эх, рази ж это жизнь? – рубанул он в сердцах, колдуя над картой – надоело все, обрыдло, сил нет! Взять хоть меня. Не последний вроде человек: не пью, грамоте обучен, должность у меня нормальная. А все одно – нет спокойствия на душе, нет достатка, нет уверенности. Я уж грешным делом подумываю – не податься ли мне с женой и детишками к вам, в общину православную. Из наших многие туда уже ушли – чай, люди верные вам завсегда надобны, а мы бы уж, как водится, отслужили, хлебушек зря есть не стали бы....

Нащупав сентиментально-доверительную интонацию в разговоре, «Сократ» заметно приободрился и осмелел. Речь его зажурчала тихой речкой, но ощущение недоговоренности и двусмысленности от этого не только не исчезло, но еще и усилилось: без умолка болтая, он умудрился не сказать ничего определенного.... То ли выжидал чего, то ли....

От предложенного угощения – чая с сухарями – Антон решительно отказался: играть по правилам мутного и скользкого «Сократа» ему как-то не улыбалось. Скучавший в дверях Крис на лету уловил смену настроений командира: напрягшись, он незаметно коснулся прижатого к бедру пистолета-автомата. Но даже это легкое, как дуновение ветра, движение не ускользнуло от зорких глаз «Сократа».

– Люди-то, я вижу, у вас служат не только русские! – с ехидцей заметил он. – Совсем, выходит, у них там, за кордоном, дела плохи, коли они в наши Палестины бегут! Хотя, нам, что за беда? Хлеб, да кашу жуем, в чужие дела нос не суем, и то, слава Богу!

«Да, – уважительно признал Антон, – Сократ наш – тот еще фрукт! Ох, не прост, бродяга! Не Сократ, а прямо Сократище какой-то! Станиславский! Но все же местами перебарщивает: для простого мужика – слишком правилен. За каждым словом и жестом – недюжинное актерство и усилие просвещенного ума. Ловко, однако, он Криса вычислил! В два счета! Вот тебе и мужичок с ноготок!»

– Что ж, земляк, пора и честь знать! – подвел черту Антон, намекая «принимающей стороне», что дипломатический раут завершен, а переходить к фуршету и сигарам повода как-то не находится.

– Сам-то из местных будешь? – вскользь поинтересовался он у «Сократа» уже в дверях вагончика. На честный ответ, впрочем, не рассчитывая.

– Тутотные мы, с Березок, народное, так сказать, ополчение. Главный у нас – батка Шпи... – в этом месте бородач как-то запнулся, смутился, и вроде бы даже слегка покраснел – Шпиль. Может, слышали? Мужчина видный, в авторитете. Из кадровых офицеров. Строгий – жуть! Войска и оружия у него не меряно! А главный штаб наш не здесь – и опять он слегка стушевался, опасаясь, видимо, сболтнуть лишнего. – В общем, не здесь... в Москве. Тут у нас что-то вроде местного командования. Оно нас сюда, значит, и отрядило. Мы на трассе, почитай, уже с месяц торчим, чтоб, значит, порядок был, чтоб всякие подонки не шалили....

И вновь укол сомнения: блокпост ветхий, давным-давно брошенный. Стоят они тут от силы дня два-три.

– Ну, будет, служивый, поговорили, и ладно. – Генерал прибавил шагу, вынудив заспешить и «Сократа». – За информацию спасибо. Больше к нам, надеюсь, вопросов не имеется? Автобус досматривать не будем, не так ли?

– Боже упаси, какой досмотр? И мысли нет. О чем разговор? Такая честь! Зря, выходит, вас и потревожили. Вы, поди, дорогу-то не хуже нашего знаете. А с другой стороны – как посмотреть. Лишнее предупреждение – кому помешает? Да и мы тоже люди живые – когда еще доведется побалакать с культурным человеком? Совсем ведь одичали тут в лесу, будь он неладен. Доброго вам, значит, здоровычка. Поосторожней там, на трассе.

Провожаемые пристальными взглядами бородача и его подчиненных Антон и Крис без помех вернулись в автобус. Двери захлопнулись. «Ивека», сердито зарывав, рванула с места, и через пару минут блокпост сгинул с глаз, будто его и не было.

Крис православный

– Ну, какие мысли? – Антон устроился на переднем сиденье, снял папаху, скинул куртку-камуфляж, ободряюще подмигнул юным попутчикам с задних рядов, и теперь с нетерпением ждал ответа Криса, полагаясь на его наблюдательность и интуицию.

– Не знаю, что и сказать, босс, – американец сохранял невозмутимость, но Антон, знавший его как облупленного, улавливал в его

словах смятение. – Неспроста они нас тормознули. Рация в углу, карта на столе, клоун этот ... Что-то они задумали, boss, be sure.

– Но что конкретно, Крис? Чего добивался этот клоун? Как думаешь? Ведь ни слова по делу....

Оба умолкли. Понимали: вынужденная остановка в лесу была не случайной. В ней явно был смысл. Но какой?

Антон украдкой посмотрел на друга. Гладко выбритое, чуть вытянутое, скуластое лицо американца и серые, жесткие его глаза, глядевшие в упор из-под густых бровей и русого, с проседью, ежика прически, выражали смятение. Но адресовано и понятно оно была исключительно одному Антону. Ни Сенька, сражавшийся за рулем с разбитой дорогой, ни, тем более, молодые общинники пока ни о чем не догадывались. Крис умел «держат лицо» – не зря его в «Подсолнухах» за глаза иногда называли «сфинксом».

Антон любил и высоко ценил этого человека, воплощавшего, в его понимании, лучшие черты своего народа – верность слову и бульдожьей деловой хватку. К православной общине Крис прибил в 2015 году после долгих скитаний по горячим точкам планеты в амплуа незванного «посланца западной демократии». Воевал в Кувейте, Ираке, Афганистане. Затем ранение, демобилизация и возвращение в Штаты, сотрясаемые уже к тому времени тектоникой мирового кризиса. Впрочем, Криса мало заботили подобные «нюансы». Орден за мужество, развод, «травка» и притоны, где вином и платной любовью он глушил пробудившуюся на войне совесть – вот, что составило суть и содержание его послевоенной жизни. Были еще мучительные – в короткие просветы ума – поиски себя и смысла жизни, завершившиеся двумя неудачными попытками самоубийства и долгими бесплодными блуждания в дебрях эзотерики. Был случайно встреченный на пути монах-буддист, почти год проживший в его «берлоге» на окраине Сан-Франциско, платя за гостеприимство глубокомысленными байками об атмане и брахмане. В общем, рядовая судьба рядового американского «хорошего парня» эпохи постмодерна. В конце концов, милостью Божьей, он набрел на книжку своего соотечественника, православного иеромонаха Серафима Роуза. «Из любопытства», как и тот, заглянул в православный храм. Постоял у иконы Божьей матери, помолился. И прямо там же, в храме решил стать православным. Как солдат – раз и навсегда.

Никто уже толком не помнил, каким ветром американца занесло в «Подсолнухи». Ходили слухи, что с группой соотечественников он приехал на экскурсию в Псково-Печерский монастырь, неведомо почему отбился от группы, бродяжничал где-то в окрестностях Великих Лук, и, в конце концов, осел в центральной усадьбе. Старейшины приняли необычного «паломника» довольно прохладно: «инкубаторов» (приютов для новичков) тогда еще не строили: куда девать американца? как с ним поступить? – никто толком не знал. Не гнать же?! Долго мучились, крутили так и этак, спорили до хрипоты: может ли иностранный подданный, да еще «американской национальности», почти ени слова не знавший по-русски, и вдруг стать членом русской православной общины? Потом запал как-то иссяк: наговорились – будто дело сделали. Один из членов Совета весьма кстати напомнил коллегам, что во времена трагического рассеяния после 1917 года тысячи наших соотечественников – русских беженцев нашли приют и в Америке, и в Европе, и в Азии.... Этот аргумент решил все: Криса «записали» в общину. Приняли тоже по-русски, всем сердцем. Первоначальное недоверие быстро рассеялось. Молчун и добрая душа, он вместе со всеми вкалывал в мастерских и на поле. А пришло время – так же молчаливо взял в руки оружие, и встал в строй.

В лице Криса никогда не отличавшийся сентиментальностью Антон неожиданно для самого себя обрел не только верного соратника, но и близкого друга, родственную душу. Дело было не только в схожести их взглядов на жизнь и общности военных судеб. Даже не в духовнике о. Досифее, исповедовавшем и причащавшем обоих. Истоки их дружбы, вероятно, уходили много глубже – в ту сокровенную сферу неизъяснимого духовного родства, которая управляется высшими силами и началами. Эти-то силы и начала, надо полагать, и побуждали их держаться ближе друг к другу в бесчисленных стычках с мародерами и бандитами, ставшими сутью и естеством их совместного служения православной общине в тяжелейшие годы Исхода.

Молитва Антона Савина

Генерал потрянул головой, обрывая поток воспоминаний, и постарался сосредоточиться. История с внеплановой остановкой в лесу не выходила у него из головы. Он снова и снова возвращался к вопросу: «Зачем?» Чего хотел от них хитрому-

дрый «Сократ»? Антон вновь и вновь пытался собраться с мыслями, но рассудок не повиновался. Мысли, как шальные, скакали и путались в голове....

...«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!» – шепотом произнес он, и начал повторять эти слова снова и снова, вызывая к помощи свыше. Святая Иисусова молитва, как всегда тихо и блаженно, всплыла в его сознание. Она заполнила собой все уголки его растревоженного ума, и утешила так, как может утешить только благое Божье прикосновение. Еще немного, и все внешнее куда-то исчезло: не стало серой, разбитой и залитой осенними дождями дороги, уныло вихлявшей среди болот и перелесков, прекратилась тряска, стих скрип тормозов. Даже Сенька с Крисом куда-то подевались.... Нет, конечно же, внешний мир с его «картинками» остался на месте – там, где ему и положено быть. Антон продолжал ясно все видеть и сознавать. Но не как обычно. По-другому – словно кадры на киноплёнке....

С молитвой в его душу вошло властное успокоение. Ментальный гвалт постепенно стих, уступая место густой всеохватной тишине. Шальные мысли, как дворняжки, поджав хвосты, попрятались в конуру рассудка. Он знал это состояние, знал, что с ним происходило: под действием Иисусовой молитвы ум возвращался в свою природную обитель – сердце, и словно раскаявшийся «блудный сын» подчинялся исходящей от сердца силе, припадая к источнику преемственной мудрости. Отлепляясь от калейдоскопа внешнего мира, ум – орудие души – входил в фазу максимальной концентрации.

Как часто бывало с ним и раньше в подобные моменты «погружения в глубины души», Антон вдруг ощутил себя одиноким ребенком, пытающимся в кромешной тьме жизни нащупать утерянную руку небесного Отца. Именно этому на одном из первых «уроков святости» обучал его отец Досифей. «Друг мой, – говорил он, – мы ничего не знаем о будущем, даже если оно отстоит от нас всего на мгновение. Мало того: мы, увы, почти ничего достоверно не знаем и о настоящем. Этого не надо стесняться. Это надо просто принять как факт, как данность, и об этом надо постоянно помнить. Что бы с тобой ни случилось в жизни – испытываешь ли ты страх, нужду или уныние, тревогу или, наоборот, ликование, – сокрушенно и благоговейно зови к Господу. Помни: *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит.*

Не верь своим мыслям – они лукавы, легковесны и изменчивы. *Всяк человек ложь*. Твори Иисусову молитву, и скоро увидишь, как зыбкий обманный туман, навеянный твоими мимолетными эмоциями, рассеется, мысль прояснится, силы придут, пути откроются. Пока мы живы и пока веруем в Господа, безвыходных ситуаций быть не может. Господь прямо говорит – а Он ничего и никогда не говорит зря: *и волос не упадет с головы вашей без воли Отца Моего*. Какой же вывод следует нам сделать отсюда? Если ты в тупике, если ощущаешь страх, растерянность, безысходность, разочарование или уныние, знай – в этот самый момент в твоей душе просто мало веры, а вместо нее там заправляют духовная слепота, невежество и самонадеянность».

Антон поначалу еще пытался спорить с духовником. Горячился, приводил веские, как ему представлялось, научные доводы. Беседы их, которые, по настоянию отца Досифея никогда не носили общего (обо всем и не о чем) характера, а были посвящены какой-либо конкретной теме, напоминали порой острые дебаты. Правда, если по совести, из них двоих горячился и нервничал всегда один Антон. Его рациональный ум и «председательская железа» никак не желали принять всем сердцем идею бытия Божия. И хотя втайне он уже сознавал, что Бог реально существует, хотя в Чечне, под пулями не раз прямо взывал к Нему (а к кому еще было взывать – не к комбату же?), какое-то глупое мальчишеское упрямство, помноженное на городскую образованность, мешало ему по-настоящему вслушаться в спокойные аргументы священника. Даже позже, когда к нему пришла, наконец, настоящая вера, привычка во всем полагаться только на себя и свои силы, нет-нет, да и брала в нем верх, возбуждая былые сомнения, страхи и... чувство одиночества. Он знал за собой эту слабость и эту уязвимость, и учился молитвенно упреждать такие мгновения. Знал, что без молитвы благодать отступит – не удержишь! – а с нею и спасительный покров Божий. Знал, какая это невосполнимая утрата. Знал и то, что одной веры в Бога, оказывается, мало, а должно быть еще полное доверие к Нему – как к отцу родному, особенно в пограничных, рискованных для жизни ситуациях....

Молитва и сейчас выручила его: стреножила шальные мысли-скакуны, укрепила волю, вернула душу в настоящее – то единственное место, где течет река жизни и где только человеку и дозволено

внимать Богу. За окнами все так же медленно плыли осенние пейзажи, двигатель мерно гудел, салон мотало и болтало, молодежь тихо дремала, и Антону ничто не мешало «советоваться» с Творцом. Странное, ни с чем не сравнимое чувство овладело им. Чувство смирения и щемящей тревоги. Тревоги заигравшегося мальчугана, который, оглядываясь по сторонам, вдруг не находит рядом с собой отца, и детское сердечко замирает и трепещет, но еще теплится надежда: отец где-то тут, недалеко, он рядом, и вот-вот выглянет из-за качелей, рассмеется и подхватит на руки... .

Это состояние Антона не имело ничего общего ни с робостью, ни с неуверенностью. Оно вообще было «нездешним», не от мира сего. Душа его действительно общалась с живым Богом! Суетный мир никогда не поймет и не примет этой реальности, будет считать ее помешательством. И пусть!

Для воина Христова, как, впрочем, и для любого верующего человека, молитвенное правило является не ритуалом, а жизненной потребностью, естественным оружием и защитой *на всякий день*. Нет, даже не от внешнего мира с его бесчисленными вызовами и угрозами – прежде всего от себя самого, от мелкого своего тщеславия и столь же легковесной самонадеянности, от главного внутреннего врага всякого *грядущего в мир* – гордыни. Кто-кто, а Антон сполна изведal цену и напыщенному тщеславию, и плодам его – порокам и одиночеству. Рубцы от старых душевных ран еще будоражили его сердце, но он даже по-своему был благодарен им: на фоне былых ошибок рельефнее и полнее высвечивались бесценные смыслы его второй, заново обретенной жизни в «Подсолнухах».

– Антон Ильич – прервал размышления генерала Сенька, – сколько мы в этот раз пробудем в Москве?

– Думаю, как обычно, денька три – четыре. А в чем дело? – Генералу очень не хотелось покидать свою молитвенную гавань, но, во-первых, по опыту он знал, что «настройка души» так скоро не собьется; а, во-вторых, Сенька тоже заслуживал внимания: парень с раннего утра за рулем: не дай Бог, заснет на ходу.

– Да так, к слову пришлось. Я вот думаю – может, мне заглянуть в родные края – на Таганку, а?

– Решай сам, Сеня, я не против. Только стоит ли тебе ворошить прошлое?

– Да я понимаю, товарищ генерал, что никто меня там не ждет. А душа все одно болит: тянет меня туда, и все тут.

– Ладно. Тянет – съезди. Время увольнительной уточним на месте. Может, в сопровождение кого тебе выделить – места-то там не самые спокойные?

– Справлюсь, товарищ генерал, не впервой. Главное в нашем деле – по сторонам не зевать.

– Не зевать, это ты здорово подметил, Сень! Вот и не будем зевать. Устанешь, потянет в дрему – не терпи, скажи. Лучше пришвартуемся где-нибудь в укромном месте, и покемаришь минут десять-пятнадцать.

– Понял, Антон Ильич, не маленький.

Антон откинулся на кресле и закрыл глаза. Постарался вернуться к «загадке Сократа», но поток сознания повлек его в другую сторону – вернул к первым дням и месяцам его пребывания в «Подсолнухах»....

Генерал всем сердцем любил общину, почитая ее, как родную мать. Десять лет назад его, спившегося и потерявшего человеческий облик ветерана бесконечной чеченской войны, подобрал на столичном Казанском вокзале отец Досифей. Привез в «Подсолнухи» – тогда маленький хутор в десяток покосившихся изб, – отмыл, отогрел и несколько месяцев тайными народными средствами лечил от запоя, радикулита и наркотической зависимости. Смутно помнились Антону те дни. В памяти лишь рваные фрагменты: дикие ломки по ночам, рези в желудке от снадобий старого священника, синяки от периодических жестких «вразумлений» помощника отца Досифея – здорового увальня Пофнутя. Но всему в подлунном мире однажды приходит конец. Поправился и Антон. Пришлось ему через «не могу» и «не хочу» осваивать непривычный для горожанина монотонный и изнуряющий сельский труд.

Ох, и намаялся же он тогда! Тяжелее всего дались ранние, до рассвета будничные хлопоты с обязательными хлопотами по хозяйству: заготовкой воды и дров, уходом за скотиной, исполнением мелких поручений сварливой шестидесятилетней старухи, бабы Кати, у которой он тогда столовался. «Давай-ка, давай, поднимайся, лежебока! Ишь, разлегся, варвар!» – бурчала она в утренней темноте, нарочито громко шаркая ногами и громя заслонками русской, во всю хату печи. И он му-

чительно разрывал сладкую пелену сна, «на автопилоте» сползал с деревянных полатей, нащупывал в темноте старые укороченные валенки, которые привык таскать по дому зимой и летом, предпочитая их всякой другой обуви, и на ощупь, как заведенный, отправлялся исполнять очередной круг своих ежедневных обязанностей. За утро с непривычки наламывался так, как будто проработал без отдыха двое суток – а ведь впереди еще ожидал целый общинный «трудодень» с его *«гневами и нуждами»!*

Все-таки труд – великая целительная сила! Нет, он, конечно, не он сделал из обезьяны человека (кто-нибудь видел или может себе представить работающую обезьяну?), а вот его отсутствие точно способно превратить человека в гамадрила. Теперь-то Антону было ясно, как божий день: в те первые, решающие месяцы реабилитации отец Досифей (разумеется, по тайному уговору со «злой» бабой Катей) сознательно загружал его всяческими делами. Чтобы, во-первых, исключить малейшую праздность, и, во-вторых, встряхнуть молодой организм Антона и заставить его работать на полную катушку.

Впрочем, очищением плоти дело не ограничивалось. Все свое свободное время старый священник посвящал в те дни пробуждению окаменелой души Антона. Долгими зимними вечерами, а то и ночами напролет вели они душеполезные беседы о случае и судьбе, свободе и ответственности, смысле жизни и смысле смерти. Возвращаясь под утро к себе в каморку, взволнованный Антон по въедливой институтской привычке переосмысливал услышанное, раскладывал все по полочкам, а позже, для удобства, даже начал кое-что набрасывать на память. Новые, незнакомые взгляды и суждения, непривычное восприятие мироздания как единого и живого Божьего организма, где все во всем и все связано со всем, накапливались в его духовно-девственном сознании, переквашивая и перемалывая былую узколобую рациональность. И однажды он словно бы очнулся и прозрел – ощутил всю свою душу, всего «себя в себе» и «себя во вселенной», почувствовал себя Божьим. Объяснения отца Досифея, казавшиеся еще вчера туманными, отвлеченными и спорными, в одночасье обрели резкие и стройные очертания, выстроившись в безупречный логический ряд. Перед ошеломленным мысленным взором Антона словно рухнули стены бывшего невежества (да, да, невежества – а как еще назвать незнание объективных истин?!), и во всем своем блеске и великолепии предстала

картина Мира Божия. И всеблаготворитель Бог, который есть сущее, истина и любовь, и он, Антон Савин – малое, но столь значимое творение и образ этого Бога, и стихии, создающие плотность, устойчивость и повторяемость бытия, и всякая тварь, мучающаяся и стонающая вследствие человеческого грехопадения и распутства. Он навсегда запомнил то поистине волшебное мгновение: как дрогнуло, ахнуло и зашлось от неопишуемой радости его сердце, какая в него вступила сила и полнота. (Похожее чувство, только в неизмеримо более слабых формах, он испытал лишь однажды, проплутав в тайге под Якутском почти трое суток, измучившись до костей, отчаявшись, но выйдя, наконец, по чистой случайности на займку охотников).

В свете своего озарения Антон познал тогда и многое другое. Например, то, что в тот пасмурный день, когда на московском вокзале незнакомый могучий старик в потертой рясе, бурча себе что-то под нос, вытащил его из ночлежки и безжизненным кулем вволол в пригородную электричку, чтобы увезти прочь от постылого и невыносимого существования, сам Господь Бог осенил его, падшего, крестным Своим знаменем, и установил на путь спасения. Уже войдя в церковную ограду, и приняв Бога в плоть и кровь свою, Антон заново определил свое истинное назначение, свою миссию в жизни: он – воин Христов.

Предчувствие

...– Крис, – Антон осторожно тронул плечо друга – свяжись-ка, будь добр, со штабом. Только потихому, чтобы «дети» – он кивнул в сторону попутчиков – не догадались. Пусть там наведут справки насчет батки этого, как бишь его? – Шпиля (если таковой вообще существует). И еще пусть «пробьют» бородатого по приметам, а заодно изучат безопасные варианты объезда до Клина. Ну, и вообще передай в штаб: всем нашим службам – готовность номер один, пока отсюда не поступит сигнал отбоя. Маршрут не менять (это уже Сеньке)... и смотреть в оба.

– В оба – так в оба. Тут не в оба – тут в целых четыре глаза надо смотреть, Антон Ильич – не отводя глаз от разбитой трассы, пробурчал Сенька. – Не дорога, а какой-то геморрой в острой форме. Если и дальше так пойдет, скоро совсем станем. Тогда на вертушке придется до Москвы добираться. Ходовую жалко! Только-только протянул ее, родимую, смазал, а, чую, вернемся домой – опять на яму. Солярка,

вон, и та исходе.... Эх, зря я с вами увязался, зря... – последнюю фразу он произнес уже вполголоса, как бы для себя.

– Будет тебе ворчать, Семен Иванович! – Антон знал: если Сеньку в такой момент не подбодрить уважительным обращением, горестные его сетования по поводу действительно ужасной дороги могли быстро перекинуться на весь белый свет. – О солярке не тужи: заправим мы твою «Ивеку», как миленькую, под самую завязку. Но не здесь – у дяди Миши. И вообще, гляди веселей, сержант. Война план покажет!

Антон, как умел, успокаивал Сеньку, а сам испытывал все большее беспокойство. Загадка блокпоста не выходила у него из головы.

Местность тем временем окончательно обезлюдела. Леса и перелески, овражки да заросшие бурьяном, давно не паханные, желто-бурые унылые поля сменяли друг друга в бесконечной обреченной череде. Асфальт местами совсем исчезал, будто смытый осенними дождями, и автобус еле полз, переваливаясь, как утка, на глубоких ухабах. Немалых трудов стоило форсирование бесчисленных речек и ручейков, которыми изобиловали здешние ландшафты. Хорошо, если от первоначальной конструкции моста оставались хотя бы бетонные опоры и часть перекрытий – по ним автобус проползал еще более или менее сносно. Хуже хуже обстояли дела с самодельными переходами-временками, собранными на скорую руку неизвестными «умельцами» из грубо набросанных и кое-как скрепленных между собой бревен. Если на пути возникала преграда такого рода, приходилось останавливаться и браться за работу всем миром: делились на бригады, вооружались топорами и пилами, рубили и укладывали стволы вековых елей, скрепляли их заранее припасенными коваными скобами. Всем гуртом потом лихо отплясывали на свежесобранном «мосту», проверяя его на прочность, и только после этого с замиранием сердца пускали вперед многотонную махину «Ивеки».

Редкие встречные грузовики и легковушки – все с уродливыми следами вынужденного «тюнинга» – защиты на случай внезапного нападения – не останавливаясь, проносились мимо. Никто из них и не думал предлагать помощь: слишком опасно, да, и не принято как-то совать нос в чужие дела. Скрытое безразличие, царившее на российских дорогах в течение многих десятилетий до Исхода, с началом смуты вылилось в открытый вандализм и беспредел. Максимум, на что еще хватало терпения и совести донельзя ожесточившихся людей, – миг-

нуть «встречнику» фарами, предупреждая о подстерегавшей впереди неприятности. Впрочем, на этом раз ничего такого замечено не было.

А ведь еще лет двадцать назад эта местность выглядела совсем по-другому. Сияли по ночам яркие огни неоновой подсветки городов и элитных поселков, тут и там сновали роскошные иномарки, теснили друг друга назойливые вывески и рекламные щиты. Теперь от всего этого изобилия и великолепия остался пшик – одни лишь воспоминания да бесформенные руины... Сталинград! Бесконечный лабиринт из битого кирпича и стекла, ржавых труб, обугленных остовов машин, спутанных мотков проволоки, поваленных линий электропередач. И повсюду джунгли подлеска и «триффиды» – так еще в те, «доисходные» времена с легкой руки Герберта Уэллса окрестил для себя Антон могучий и неистребимый борщевик, проникший в Россию где-то в 90-х годах одновременно с либеральной сорной заразой. В его глазах это ядовитое и безобразное растение, вызывавшее у каждого нормального человека чувство почти физического отвращения, странным образом ассоциировалось со всем чужим и бесцеремонным, что просочилось в эти же годы в его Россию. Чужими словами-паразитами, оскорблявшими русский слух, воспитанный на великом и могучем пушкинском языке. Чужими продуктами-суррогатами в ярких упаковках, один вид которых заставлял с ностальгией вспоминать о тех временах, когда выбор еды в магазинах был невелик, но вся она была чистой и полезной. Чужими новостями, в которых центральное место почему-то заняли курсы иностранных валют, цены на нефть и индексы мировых фондовых рынков. Чужими песнями, чужими, насквозь лживыми и пошлыми телевизионными сериалами. Чужими ценностями, представлениями о жизни, убеждениями....

Бездушный, пропахший плесенью западный мир, облаченный в яркий хитон «рыночной экономики», продавший и предавший Христа, увязший в новомодных ересьях, мечтавший о реванше в своей вековой схватке с Россией, возомнивший себя строителем царства небесного на земле – этот поверженный демонами Запад вторгся на обескровленные вековым безбожием российские просторы. Как и этот «триффид», некоторое время он кичливо властвовал, отравляя через своих клеветников все русское и живое. Но недолго длилось это лукавое торжество: смертельная проказа человеко- и богоненавистничества обернулась неотвратимым финалом – Исходом. Пир на поверку оказался «валтасаровым».

До Москвы оставалось еще километров сто.

...– O' key, done, boss, – Крис снял наушники, выключил и зачехлил походную рацию, и вопросительно посмотрел на командира. – Может, мальчики – налево, девочки – направо, а?

– Давай, – кивнул Антон, и Сенька, будто ожидая этой команды, начал сбрасывать скорость, прижимаясь к низкорослому сосняку у края дороги.

Автобус ожил, зашевелился, захихикал, загудел молодым разноголосьем, в котором чудилась разрядка от пережитого (вовсе и не такого уж страшного!) недавнего приключения у блокпоста. Сенька распахнул двери, и юность хлынула из тесноты и недвижья на волю, разлетелась по дальним кустам, а потом, счастливая, сгрудилась на небольшой полянке, развернула нехитрую снедь, пропела «Отче наш» и «Благослови» и предалась беззаботному отдыху.

«Взрослые дети, – подумал о них с нежностью Антон, ощущая щемящий холодок ответственности за каждого из них – первых детей общины, не видевших Большого города. – Ишь, расхрабрились, чижики. Надо же, как всех их тянет в Москву!».

Нет, он и не думал осуждать их. Боже упаси! Просто для него, пятидесятилетнего ветерана и потомственного москвича, город никогда уже не будет загадкой. Его не тянуло назад. Он оторвался от него, а с ним и от всей своей нескладной прежней жизни, как осенний лист отрывается от засыпающего в зиму дерева: тихо и невозвратно. А они? Многие из них вообще никогда в жизни не выезжали за пределы «Подсолнухов». И на тебе! – сразу в столицу, о которой взрослые рассказывали неохотно и урывками, всегда с налетом какой-то дразнящей таинственности. Недомолвки старших только распаляли юные умы. О «Большом городе» среди общинной молодежи ходили разные слухи – большей частью неверные, а то и вовсе надуманные. Мегаполис являлся им во снах, будил их воображение, пугал, манил и отталкивал. Далекий загадочный мираж, тридевятиное царство – он представлялся им, то адом, то землей обетованной. Возможно, это в них говорили гены – ведь отцы и матери большинства молодых общинников когда-то считали город своим. Их жизнь протекала в квартирах новостроек и в старых коммуналках. Каждое утро они спускались в метро или

разогревали «Жигули» во дворе, ходили в школу и на службу. Женились и хоронили родителей. Всё это отзывалось в памяти молодого поколения смутными образами и отголосками прошлого...

Так или иначе, но в один прекрасный день – было это лет пять тому назад – Совет старейшин принял поистине сомоново решение: невзирая на все трудности и риски, организовывать для молодых что-то вроде экскурсий в столичные Москву и Петербург, чтобы они могли своими глазами увидеть, где и как жили их предки. Чтобы поняли – не умом только, но и всем сердцем, почему их отцы и матери навсегда оставили свою «малую родину». Поездки в мегаполисы казались невероятно сложной и опасной затеей, но иного выбора у Совета не было: как еще объяснить юным общинникам реальную подоплеку Исхода? Как естественным путем разрешить давно зревший в недрах общины «конфликт поколений»? Старшие прекрасно сознавали, что дряхлеющие «вавилонны» никогда не оставят их детей в покое – будут будоражить и манить к себе их неопытные души; запреты же и уговоры только разогревали интерес к «запретному плоду».

Город, создание Каиново, во все времена являлся средоточием зла – таковым он остался и до сих пор. Но зло, гнездившееся в нем, так искусно маскировалось, так соблазнительно и разнообразно переливалось яркими неоновыми огнями, так заразительно призывало «испытать удачу», «проявить удаль» и «познать новое», что большинство юных душ просто не могло устоять перед этим дьявольским искушением.

Поездки в города, как скальпелем, вскрывали истинное нутро этого «создания». Не на словах – на деле и зримо – они помогали молодым общинникам ощутить концентрированный ужас одиночества и беззащитности, испытываемый маленьким человеком в механическом чреве мегаполиса – цену его добровольного отпадения от природы и Бога. Экскурсии не стали панацеей от бед, однако с их помощью с Большого города удалось сорвать ореол таинственности и мнимого величия. Свободное от иллюзий, простое и здоровое сознание детей общины не могло не содрогнуться от соприкосновения с «каменными мешками», кишачими всеми известными человечеству болезнями, страстями и пороками. Собственно, именно такого психологического эффекта добивался – и добился-таки! – премудрый Совет.

До начала экскурсий случаев добровольного бегства из православных общин было не так уж и много; отдельные «бунтари», с избытком хлебнув лиха на вольных хлебах, покаянно возвращались домой, другие так и пропадали в пучине лихолетья, оставляя по себе глубокие незаживающие раны в духовной памяти обитателей «Подсолнухов». Потеря каждого члена, каждой живой клетки единого православного организма воспринималась как общее горе и общая вина.

После начала регулярных выездов в Москву самочинных уходов из общины стало еще меньше – одно это с лихвой оправдывало все издержки подобных предприятий. Но город и тут нашел способ взимать свою законную кровавую дань: потерями и травмами сопровождался едва ли не каждый такой дальний выезд. Для Антона и его товарищей по оружию экскурсии в мегаполисы стали настоящей головной болью. Каждая из них выливалась в самостоятельную боевую операцию, вылазку в тыл врага – с той лишь оговоркой, что в обременение придавалась группа необстрелянных «чижигов», которых необходимо было вернуть домой любой ценой, хотя бы и ценой собственной жизни. Что ж, назвался груздем – полезай в кузов! В сопровождение экскурсий отряжались наиболее опытные, боевые офицеры, маршруты движения держались в строжайшем секрете, к обеспечению безопасности привлекались лучшие силы и средства Армии обороны.

...Помигав на выезде из города милиционеру – первому с момента их выезда из «Подсолнухов»

официальному представителю федеральной власти, автобус оставил за собой полуразрушенную Тверь. Дорога немного оживилась: убогие деревушки сменились поселками городского типа, тут и там начали встречаться останки былого величия – «новорусские» коттеджи. Но вид их производил не менее удручающее впечатление: разрушенные и разграбленные дома, обугленные свечи кирпичных печей, поваленные заборы и напоминавшие скелеты доисторических ящуров угольно-черные стропила кровель – все живо напоминало о не столь уж давних (кое-где не утихающих и поныне) боях за землю, пищу и крышу над головой. В атаку шли вчерашние горожане – обездоленные и отчаявшиеся, изгнанные из своих «вавилоннов» невиданным взрывом урбанистской цивилизации, в одночасье разметавшим

Рождение первых общин

наспех, без Бога построенное и позолоченное благополучие. До сих пор в этих развалинах можно было натолкнуться на иссохшие, иногда обезглавленные останки человеческих тел – страшные свидетельства страшных времен.

Антону и его спутникам не довелось стать прямыми участниками тех событий: православная община, по счастью, находилась в стороне от эпицентра смуты, и ее обитатели могли судить о масштабах происходящего только по федеральному радио (пока оно работало) да рассказам очевидцев.

За пять первых лет смуты, то есть с середины второго десятилетия двадцатого века от рождества Христова, эта небольшая община на краю земли заметно выросла и окрепла. К деревушке «Подсолнухи» добровольно примкнули несколько великолукских колхозов; десятками, а затем и сотнями семей сюда начали стекаться, оседая в близлежащих хуторах и селах, беженцы из разных уголков России. Все силы и скудные резервы «Подсолнухов» были тогда брошены на возведение жилья для вынужденных переселенцев. Благодаря запуску нескольких цехов по производству быстровозводимых зданий (технологии загодя завезли из Канады), новые поселки – будущие усадьбы укрепрайона – росли, как грибы после дождя.

Планировка поселений выглядела просто и практично. Центральная часть состояла из обширной площади, храма, клуба, школы, поликлиники и штаба Армии обороны. Вокруг административно-общественного центра располагалась жилая зона, застроенная по радиальному принципу сотнями приземистых рубленых домов – с виду незатейливых, но в практическом отношении удобных, теплых, экологически чистых, а, главное, оснащенных всеми необходимыми инженерными коммуникациями. Тепло и энергия производились на месте из возобновляемых источников – торфа, гранулированной древесины и теплообменников. В свое время один из отцов-основателей общины, нынешний глава Совета Степан Ушаков, инженер-электрик по образованию и «Кулибин» по призванию, решительно настоял на том, чтобы с помощью новейших технологий навсегда избавиться от гнета грабительских тарифов и навязчивого сервиса государственных монополий – Газпрома, РАО ЕЭС и иже с ними. Задолго до начала смуты стало ясно, что безмерная алчность этих олигархических гигантов, прикрытая фиговым листком госсобственности, не просто удушала

национальную экономику и свободное предпринимательство – она еще и исподволь нагнетала колоссальное социальное напряжение, грозившее обернуться (и обернувшееся таки) русским бунтом – бессмысленным и беспощадным.

За пределами административно-жилого центра, по внешнему кольцу размещались мастерские и теплицы, коммунальные и сервисные службы, хранилища и скотные дворы, рыборазводные комплексы и цеха по переработке биоресурсов, зерносушилки и мельницы, машинно-тракторные станции и другие производственные единицы – сообразно местной специфике. Еще дальше – вплоть до внешних границ поселения следовали природные уголья: поля и пастбища, естественные водоемы и леса. Каждый элемент единого природно-хозяйственного комплекса общины всесторонне осваивался и с максимальной отдачей использовался на совместные нужды: пруды, озера и реки давали рыбу и гумус, леса – грибы, ягоды, мед, дичь, дрова и деловую древесину, поля и луга – злаки и целебные травы. С малых лет каждый общинник приучался ценить и беречь чистоту и богатство родной природы-кормилицы, навикал не только пользоваться ее дарами, но и помогать ей, лечить ее, оберегать от бед. Эти навыки не давались сами собой. Святые отцы учили, что ребенка *к добру понуждать надо*; и община, следуя вековой, проверенной на практике мудрости предков, по крупицам воссоздавала столь легкомысленно и даже преступно (будто бы в пику своему же великому прошлому!) разрушенную либералами лучшую в мире русскую систему воспитания и образования. В ней, в этой системе, не было места ни лукавой искусственной толерантности, ни пропаганде порока и греха, ни духовным суррогатам «от бесов» – ничему из того, что на протяжении последних ста лет душило и уродовало национальную культуру и самосознание, едва не доведя Россию до национальной катастрофы. Зато утвердились в общинных школах и вузах такие предметы, как русский народный фольклор и Аристотелева логика, история мировой культуры, философии, науковедение и патристика, закон божий и история Церкви и еще многое-многое другое. Появилось в ней то фундаментальное, душеполезное, что усилиями человеконенавистников – а за их спинами духами злобы поднебесной! – было намеренно оболгано и исторгнуто из отечественной школы (а, значит, и из душ ее воспитанников), чтобы вместо воспитания

свободных, божьих людей штамповать офисный планктон, биомассу, «скотов несмысленных».

Изгнанный из каменных трущоб горожанин, как выяснилось, сумел довольно быстро восстановить в себе вековые навыки естественной жизни – благо, исторически не так уж давно Россия перестала быть аграрной страной. Если взрослым поначалу еще трудновато было менять свои городские привычки, то дети счастливо и естественно влились в нехитрый и благодатный поток нового бытия. Постепенно возродились и вернулись в повседневный обиход, казалось бы, навсегда утраченные обычаи и традиции, царившие в русских деревнях испокон века: «ночное» и покосы, общинный суд и круговая порука, бортничество и охотничьи загоны, сватовство и хороводы, посиделки и чайные церемонии. Откуда что взялось? Словно таинственная могучая сила, вырвав людей из «вавилонского пленения», взялась на свой лад вразумлять и наставлять их – через рассказы бабушек, старые книги, воспоминания, а кое-где – и природную смекалку русского сердца. Эта же сила открыла людям тайные кладовые их родовой памяти. Все мы – дети первородного Адама. Все до единого – действительные (а не только для красного словца!) братья и сестры по крови и духу. И все когда-то, в том или ином поколении ютились по хижинам, поднимали целину, отбивались от хищников и захватчиков. Цивилизация с ее избыточными и по большей части мнимыми удобствами, не стерла, а всего-навсего заглушила эту генетическую память, эти врожденные навыки выживания. Лихие же ветры Исхода потряхнули этот налет забвения и обнажили во вчерашних обывателях инстинкты охотников, земледельцев и воинов. Как часто, очутившись лицом к лицу со смертью, человек не только не гибнет, но, напротив, возрождается и преображается, дивясь своему новому обличку, силе и способностям. «Все, что нас не убивает, делает нас сильнее» – писал философ – это наблюдение в полной мере отразило то чудо перевоплощения, которое произошло со вчерашними горожанами.

Удивительно, но даже в самые тяжкие годы распрей и смуты хозяйственный потенциал «Подсолнухов» и отпочковавшихся от этой общины других православных поселений неуклонно возрастал. Три момента привлекали к себе внимание в этом феноменальном явлении.

Прежде всего – сам факт подъема общин на фоне всеобщего хаоса и упадка.

Далее – необычайно и необъяснимо высокие темпы развития общинной экономики. В отсутствие инвестиций, планирования, практического опыта и часто элементарных инструментов и механизмов люди буквально творили чудеса: инфраструктура новой жизни поднималась словно бы «из ничего», служа живым доказательством тому, что отнюдь не мамона служит подлинным двигателем прогресса.

Наконец, третье и главное: община не просто сумела приютить и накормить беженцев – она в корне изменила их взгляды на жизнь, наплатила новыми знаниями, опытом и миропониманием, бережно перенаправила стихию пережитых ими страданий в русло глубокого и личного преображения во Христе. В недрах этого возродившегося людского общежития, в условиях крайней нужды, стесненности и добровольно принятых на себя ограничений вершилось таинство рождения нового русского народа – народа одумавшихся «блудных сынов», народа «второго принятия» Христа.

В самом деле, чем не чудо Божие! Православные островки не просто выжили – они выросли и окрепли в самом эпицентре вселенской бури, несмотря на бесчисленные помехи и хроническую нехватку всего и вся: техники, удобрений, семян, стройматериалов. Дефицита словно бы никто и не замечал. Да и корректно ли само понятие «дефицит», если люди по-настоящему вверяют себя Богу и воле Его. Как в личной, так и в общественной жизни Господь, по несказанному человеколюбию, отпускает Своим чадам всего, что им потребно, но, согласно учению Святых отцов, как бы с недодачей, с потягом, с «дефицитом». Так было во все времена – не только в годину Исхода. Так лучше и для самих людей, ибо достаток прилепляет душу к пагубной самоуспокоенности, а переизбыток толкает ее в самое губительное – алчность и гордыню. Излишек одинаково бесполезен как для души, так и для тела. Великий русский писатель, врач по профессии А.П. Чехов учил: если выходишь из-за стола с легким чувством голода – значит, поел; если сытым – переел; если тяжестью в желудке – отравился. Человек достоверно не знает не только будущего. Он не знает даже самого себя: ни собственной души, ни действительных ее сил и способностей, ни потребностей ее. Ведает обо всем этом *только один Бог* – всех нас Пастырь духовный, рассекающий душу человеческую взором Своим, словно мечом. Поэтому верующий с такой легкостью и даже облегчением вручает Господу судьбу свою, достаток и самую свою жизнь, не сетуя на преходящие неуда-

чи и дефициты. Он радуется тому, что есть, и не печалится по тому, что у него могло бы быть, да нет. От разумной достаточности, которой всегда свойственен некоторый привкус «дефицита», в человеке рождается уверенность и радость – чувства, увы, неведомые бездушному и страстному миру, мудрость которого *«есть безумие пред Богом»*.

Чувство общей ответственности и солидарности перед лицом общей беды соединило и сплотило людей, умножив их силы. Как по мановению волшебной палочки, пошли на убыль казалось бы неистребимые в России общественные недуги – лень, коррупция, равнодушие, пьянство, корыстолюбие, – что веками пленяли и подавляли волю великой нации. И, наоборот, из таинственных кладовых Святой Руси явились необходимые народу энергии и ресурсы. Что или, лучше сказать, Кто стоял за этими удивительными переменами? Господь и «немногие верные Ему» – другого источника не было. И быть не могло! Отзываясь на горячие мольбы верующих в Него, Господь тысячами разных, Ему одному известных и угодных, порой самых неожиданных и опосредованных путей направлял в мир, своему *«малому стаду»* требуемую помощь. Не обязательно материальную – иногда хватало и моральной. Дефицит времени? Выяснилось, что и время – управляемый ресурс в руках божьих людей: важно только не разменивать этот бесценный, невосполнимый и ограниченный запас на лукавые уловки, пустые прожекты, греховные начинания и губительные иллюзии. Верной душе Господь непременно укажет и откроет кратчайшие пути к благой цели, отведет от нее беды и соблазны.

Так или иначе, но к началу Исхода извечный «квартирный вопрос» первыми общинами в основном был решен. Более того, высокие темпы ввода нового жилья позволили создать небольшой резервный фонд (очень скоро пригодился и он). Община научилась обеспечивать себя всем необходимым. Молитва и труд, объединив людей, стали главным их упованием перед лицом грядущих испытаний.

И те не заставили себя долго ждать.

Москва сорвалась в штопор системного кризиса в 2015 году – раньше прочих российских городов.

Сначала транспортные заторы и техногенные катастрофы, вызванные критическим износом ветхих, созданных еще в советский период, ин-

Крах мегаполисов

женерных сетей и коммуникаций, спровоцировали серию системных аварий, перебоев со снабжением и остановок жизненно важных производств. За этим неудержимо последовали вспышки гражданского неповиновения, акты вандализма, паники и анархии. Первыми потеряли терпение, и вышли на улицы жители беднейших кварталов и рабочих поселков. Погрязшие в коррупции и разврате некомпетентные власти ничего не смогли противопоставить растущему хаосу, кроме слезоточивого газа и омовских дубинок. Но традиционные «спецсредства» на этот раз оказались малоэффективны. Против народа ОМОН не пошел. Накопленные за десятилетия либеральной «перестройки» пары социального гнева вырвались наружу. И город пал, раздавленный плодами своей же горделивой заносчивости. Хаос поглотил его. Драгоценное двадцатилетие относительной стабильности и сытости, дарованное России на стыке второго и третьего тысячелетий, было бездарно растрчено, проедено, разменяно на балы и помпезные политические шоу. Никто и ничто не могло уже остановить обезумевших маргиналов в их неизбывной жажде насилия и мести. Роскошный обленившийся центр Москвы в одночасье сгинул с лица земли. Сотни тысяч его обитателей – молодых и старых, бедных и богатых – погибли в пекле многомесечных пожаров, беспорядков и грабежей. Миллионы людей в панике бежали из своих домов, спасаясь от погромов и насилия. Так с «вавилонской блудницы» и «столицы греха» стартовал Великий Исход, смерчем прокатившийся позднее по всем городам и весям России.

Со временем первая, самая острая и кровавая фаза смуты пошла на убыль. Но города уже обезлюдели, потеряв значительную часть населения и жизнеспособности. Фактически к этому моменту они уже были обречены – и не только по сугубо техническим причинам. Людские муравейники лишь на словах считались вершиной прогресса. Да, и может ли вообще идти речь о каком-то прогрессе, если из-за чудовищной перенаселенности и полной зависимости от источников внешнего снабжения, сложности и уязвимости коммуникаций, множества других «слабых мест» мегаполисы изначально существовали как гигантские дремлющие вулканы, где каждая пядь земли, каждая станция метро, площадь, рынок, вокзал или стадион в мгновение ока могли превратиться в кровавое ристалище или братскую могилу? Достигнув исполинских размеров и противоестественной плотности за-

стройки, эти монстры напоминали скорее болезненные наросты на поверхности земли, нежели места, достойные проживания человека.

С распадом столичных городов, веками служивших административными, финансовыми, экономическими и культурными центрами общественно-политической жизни, в объятая ужасом стране утвердился странный, не имевший исторических аналогов порядок. Словно чья-то невидимая рука сорвала покрывало показного достатка, показной демократии и столь же показной законности с источенного грехом и пороком общества. Вчерашние чиновники и бандиты, не таясь, ринулись сколачивать собственные вотчины и банды. Самые крупные и опасные преступные сообщества сложились на обломках бывших федеральных структур – МЧС, МВД, ФСБ, Минюста и им подобных, располагавших – по умыслу ли или по преступной халатности властей – собственными вооруженными силами. Те, что помельче, возникли из остатков разномастных корпоративных и частных охранных предприятий, без счета нагнаившихся на больном теле дикого русского капитализма. Формально присягая на верность ослабленному федеральному центру, «временно эвакуированному» (читай: сбежавшему) за Урал, эти криминальные анклав фактически не подчинялись никому и ничему, кроме силы. Жили по уголовным понятиям. В цене только наглость и насилие. Тем самым, Исход обнажил язвы безбожной России, показал глубину тех социальных недугов, что копились в ней веками и были вызваны забвением исконных национальных ценностей и бездумным копированием чужого образа жизни. Виртуальный мир постмодерна, мир развлечений и наслаждений, теплых квартир и Интернета в мгновение ока испарился, исчез с лица земли, как электронная запись с дисплея компьютера. На его месте зримо и страшно явила себя огненная библейская реальность: *Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг.*

Антон не любил вспоминать о тех событиях – возможно потому, что сам в них непосредственно не участвовал, и многого лично не пережил. Для него вселенский хаос свелся к одному – изменению характера и объема его, генерала Савина, боевой задачи. На его глазах происходило чудо: из жалкой деревушки и медвежьего угла «Подсолнухи» в считанные годы превратились в центр православного укрепрайона, простиравшегося от Пскова до Твери с населением свыше пяти мил-

лионов человек, многоотраслевым хозяйством и собственной армией в составе трех дивизионных групп (одной из них он и командовал). В разгар общенационального кризиса руководство укрепрайона в лице Совета старейшин заключило с федеральным правительством, к тому моменту уже покинувшим Москву, «Соглашение о взаимопонимании и взаимодействии». Согласно этому секретному документу, община на бессрочной основе наделялась особыми правами и свободами – наподобие казачьей вольницы времен царского самодержавия; взамен она обязалась поддерживать стабильность и безопасность на Северо-западе России, а также охранять внешние рубежи государства. Этим же соглашением в полное распоряжение укрепрайона были переданы материально-технические средства бывшего Северо-Западного военного округа Российской Федерации с остатками личного состава....

Засада

– Пора, boss, – негромко сказал Крис, присаживаясь рядом с другом на поваленное дерево. – Курнем

на дорожку.

Американец смачно затянулся «Мальборо». Сладкий с горчинкой дым поплыл над лесной полянкой, дразня обоняние Антона, бросившего курить лет восемь назад. Стрельнув у изумленного приятеля сигаретку, он попытался ею с минуту «без затяга», и картинно затушил о каблук. Минутная слабость отступила: заядлый в прошлом курильщик, Антон не терпел пустого «баловства» с табаком. Вот и приходилось временами идти на самообман – играть с застарелой привычкой в «кошки – мышки»: курить – не курил, а желание гасил.

Повинуясь короткой команде Криса, «чижики» дружно прибрали полянку, прикопали остатки «пиршества», и заняли свои места в автобусе. До Клина оставалось еще не менее часа езды, и все по той же, безлюдной местности. На карте объездов не значилось. Центр молчал – значит, и там вариантов объезда пока не нашли. Крис на всякий случай еще раз посмотрел на Антона. Вперед? Тот утвердительно кивнул, и полез в автобус.

... Засада ожидала их в глухом лесу, перед самым въездом в город.

Сначала глазастый Сенька заметил армейский джип, повисший на хвосте автобуса. Тот двигался за ними на почтительном расстоянии,

не отставая, но и не приближаясь. Доложив командиру, сержант сделал попытку оторваться, но безуспешно.

– Гляди-ка, хм, даже не скрывается – уважительно прокомментировал действия преследователя Сенька! – Ерой! Уж не тот ли это пижон, что прятался на обочине, километра за два до блокпоста. Я еще удивился, товарищ генерал: навороченный такой «джипяра», а спокойно «курит» на самом видном месте. Что же, выходит, они нас «пасли» чуть не всю дорогу?

– Получается так. А сам-то, почему не доложил, как положено?

– Так вроде и нечего было докладывать. Джип как джип, стоит себе в сторонке – нас не кусает... .

– Похоже, впереди ждет «теплая встреча», шеф – включился в разговор Крис.

– Похоже – Антон круто повернулся к американцу – Радиуй, брат, в штаб: пусть срочно высылают подмогу. И скажи им – чтоб без проволочек!

Командиры вели разговор вполголоса, но молодежь держала ухо востро. Обернувшись, Антон увидел серьезные лица ребят – страха в них он не заметил. «Молодцы, – похвалил про себя «чижики», – эти не подведут. Орлы!»

Выполняя приказ «не гнать», Сенька сбросил скорость километров до тридцати. «Сопровождение» не отставало, но по-прежнему не предпринимало попыток сблизиться. Так проехали еще с пяток километров.

Прислушиваясь к себе, Антон с удовлетворением отметил привычную тишину в душе. Молитва еще жила там, еще царила, и никакие страхи и отвлеченные мысли не нарушали ее владычества. Даже волнения последних часов лишь легкой рябью пробежали по поверхности сознания. Из опыта он знал: это лучшая подготовка к бою. Лучше крепкого сна, лучше физических упражнений. В схватке не останется места мыслям, думать некогда, от сомнений же и терзаний – один только вред. Действиями и решениями осознанного бойца в минуту смертельного напряжения руководит Господь, а для этого душа солдата должна быть чиста, и полностью молитвенно вверена Ему. Это не досужие фантазии, а часть регулярной боевой подготовки личного состава Армии обороны – кому, как не генералу Савину было это знать?! Суворовская школа! «Русский солдат, – не уставал повторять леген-

дарный полководец, – потому никого не боится, что Бога боится!» И добавлял для особо непонятливых: «Неверующего солдата учить – что пережженное железо точить!»

Страх оскорбить Всевышнего своей трусостью, помноженный на любовь к Родине и к ближнему своему, выше страха физической смерти. Двум смертям не бывать, а одной не миновать! Дело ведь не в смерти как таковой, а в том, в каком состоянии душа преодолевает этот рубеж... Именно страх Божий, страх, основанный на любви, а не на рабской покорности, делает каждого верующего воина заведомо сильнее любого противника....

Поваленное поперек дороги бревно Антон разглядел метров за двести.

– Сидеть тихо! Не рыпаться! – рявкнул он, не оборачиваясь, в глубину салона. Мозг лихорадочно работал, оценивая сложившуюся ситуацию.

«Так, давай по порядку, Место для засады выбрано неплохо: сразу за крутым поворотом, видимость ограничена. Справа и слева – кюветы с водой, не объедешь. Прорываться с ходу, через бревно? Останемся без подвески. Позицию для боя, возможно, и улучшим – они такой прыти явно не ждут, – но как двигаться дальше, без колес?... Не пойдет! Ищи, брат, ищи другие варианты!... Теперь люди. Сколько их, чем вооружены? Пятеро справа, один, выходит на дорогу, все с автоматами. Слева тоже трое или даже четверо, пулемет в кустах. Все? Пока все, а там видно будет. Война план покажет...».

– Сенька, не вздумай дергаться, дышать будешь строго по моему приказу – Антон не видел лица сержанта, но побелевшие костяшки его пальцев, сжимавших руль, говорили сами за себя. – Крис, что у нас с тыла?

– Подъезжают, босс. Все о' кей.

«Сфинкс» не зря носил свою кличку. Ничто на этом свете, казалось, не могло поколебать его поистине олимпийского спокойствия. Как ни в чем не бывало, едва уловимым движением рук он проверил автомат, закрепил на нем оптический прицел и, сняв с предохранителя, аккуратно уложил на торпеду. Потом, нагнувшись, вытащил из подсумка и деловито рассовал по карманам гранаты, небрежно сунул за пояс миниатюрный «кедр» и растянул чехол ртутного десантного ножа. Вся процедура заняла у него несколько секунд. «Рембо» был во всеоружии.

Для полноты образа не доставало, пожалуй, еще немного боевой раскраски на лицо, но если бы кому-нибудь в тот момент пришло в голову спросить американца, почему он этого не делает, ответ, скорее всего, был бы таким: «Велика честь ... для деревенской шпаны!»

До бревна оставались считанные метры, когда, по команде Антона, Сенька начал тормозить.

– Крис, твои – слева, мои – справа. Выходишь сразу за мной. Сержант, ты вот что: эти, на джипе, как остановишься, скорее всего, начнут поджимать тебя сзади. Не позволяй им выбраться из джипа, иначе нам с Крисом хана. Врубай задний ход и выдавливай их в кювет. Будут стрелять, не останавливайся. Потом отводи автобус как можно дальше назад, и жди нас. Ребят наружу не выпускать.

Что-то в движении автобуса, видимо, не понравилось человеку у дороги. Он вдруг резко отскочил к придорожным кустам, и оттуда сразу хлестнула первая очередь. Пули звонко зацокали по асфальту – били по передку и скатам, но Антона это мало заботило – он знал, что большого урона броне и бескамерным покрышкам «Ивеки» эти шальные выстрелы нанести не могли. Уже готовясь выйти из автобуса, он засек на асфальте искры от выстрелов чуть впереди и слева от себя. Огонь велся со спины и, похоже, с высоты. «Стрелок, может, два на деревьях», – крикнул он Крису, и на ходу, сгруппировавшись, выкатился на обочину через открытую Сенькой переднюю дверь. В лицо ударила воздушная волна, и мир наполнился терпкими запахами прелого леса и беспорядочной, шумной трескотней выстрелов.

Очутившись в придорожной канаве, он, что было сил, не глядя, метнул в сторону джипа дымовую шашку. Краем глаза засек долговязую тень: пригибаясь и стреляя на ходу, Крис вслед за ним перебежал дорогу. Из джипа по нему вели огонь, но, похоже, не прицельно – дым мешал.

Генерал перевел дух и ощупал руки-ноги – вроде целы. Попытался сориентироваться. «Так, те, что впереди, пока не в счет. Их цель – автобус. С левыми разберется Крис; если их всего трое, шансы почти равны».

Больше всего беспокоили невидимые снайперы. Помня о них, Антон начал аккуратно смещаться к придорожным кустам, но в этот миг прозвучал резкий хлопок. В плечо вонзилась тупая боль, рука онемела и повисла плетью. С противоположной стороны ответно щелкнула

«оптика» американца. Что-то грузное, ломая ветки, с шумом ухнуло на землю метрах в двадцати от Антона. «Один есть, молодец, старик! Срезал-таки гада! – подумал Антон, – и рывком перебросил сразу ставшее непослушным тело глубже в спасительные кусты. Еще одна очередь срубила ветки у него над головой, но беспорядочная пальба с противоположной стороны дороги даже приободрила его: он жив, и второму снайперу теперь куда труднее будет его вычислить. Отыскав небольшую ямку под сосной, Антон затих: надо перевести дух и осмотреть рану. Он чувствовал, как рукав гимнастерки наполняется липкой, теплой кровью, но почему-то был уверен: «дырка» – несерьезная, сквозная. Стараясь не дышать, осторожно выглянул из-за сосны: близилось время Сенькиного «выхода».

И момент настал. Джип уже победно подкатывал к автобусу, когда трехсотсильный дизель «Ивеки» взвыл во всю мощь, покрышки завизжали, и многотонная громадина в клубах сизого дыма с неожиданной легкостью пошла назад, сметая с пути и закручивая волчком игрушечный грузовичок и сидевших в нем людей. Два, три оборота вокруг оси, и джип, словно уткнувшись в невидимую преграду, встал на дыбы, перевернулся и со всего маху рухнул в кювет. Стоны и отчаянные вопли сидевших в нем людей смешались со звуками боя. «Два – ноль», – удовлетворенно хмыкнул Антон, но дальше следить за увлекательным зрелищем было некогда. В том-то и состоял его «золотой шанс»: как только Сенька «врубил задний», и этим привлек к себе всеобщее внимание, генерал начал короткими перебежками, прижимая раненую руку к груди и еле сдерживая стоны, смещаться вдоль опушки леса к месту предполагаемой засады второго снайпера.

...Вот он!

Человек в камуфляже, удобно устроившись на развилке низкорослой криворукой сосны и прижавшись к стволу, вел прицельный огонь по уходящему автобусу. Нападения снизу он не ждал – наверное, себе на беду, счел Антона убитым. Навскидку, почти не целясь, Антон прошел его короткой очередью, и, когда тот упал, быстро ощупал пульс – готов! Судя по внешнему виду, стрелок был явно не из простых: средних лет, армейский камуфляж, крепко сложен, жесткое, волевое, бритое лицо. Наемник-профессионал!

Обыскав убитого и разрядив его винтовку (оптика и та хитрая – цейсовская!), Антон вновь нырнул в чащу, и по широкой дуге начал

выходить на «свою» пятерку, которая, судя по доносившимся оттуда звукам, продолжала беспорядочно обстреливать позицию Криса. Американец огрызался вяло, но методично. Жив, жив, курилка! Антон понимал смысл действий друга: ввиду неравенства сил на поле боя, тот сознательно «поддразнивал» бандитов, отвлекая их внимание от командира. Во что бы то ни стало нужно нейтрализовать «пятерку», пока они не оправились от первого шока, и не сообразили, что к чему.

Рука слушалась все хуже и хуже. Рана сквозная – не Бог весть что! – но крови теряется много. В глазах Антона темнело. Он понимал: с каждым шагом силы будут оставлять его, а потом погаснет и сознание. Это только в боевиках продырявленный пулями, изувеченный «плохими парнями» герой, как ни в чем не бывало, бежит, дерется, целуется. В жизни все по-другому. И раны болят – аж, дух вон! – и руки-ноги отказывают. Ну, ладно, еще рывочек, еще один... давай, родимый, дотянем вон до того холмика, а там поглядим!

Окоп возник на его пути так неожиданно, что по инерции он чуть было в него не свалился. Четыре спины в камуфляже (почему не пять? – машинально удивился Антон) сотрясались от непрерывной стрельбы. Он выхватил гранату, сорвал чеку, и хрипло, что было сил, закричал: «А ну, сволочи, бросай оружие, руки вверх, морды в землю. Всех положу!» Дважды уговаривать не пришлось: автоматы полетели на дно окопа, стрелки, пораженные видом громадного окровавленного мужика со вскинутой над головой гранатой, безропотно подняли руки. Стрельба сразу смолкла.

Но до развязки еще было далеко. «Командир, – донесся издали гортанный, будто надломленный голос Криса, – будь осторожен! Двое – от тебя справа! Держу их на мушке. И те, что из джипа, могут объявиться...».

Первый раунд схватки вроде бы остался за ними. Но Антон понимал: это еще не факт. Диспозиция-то не однозначная. Патовая, прямо сказать, диспозиция: не нашим – не вашим. Генерал держал на мушке «своих окопников», но и сам «светился» со всех сторон – как тополь на Плющихе. Бандиты справа огня по нему пока не вели: скорее всего, опасались угодить в своих или под ответный огонь Криса. А тут еще возможное подкрепление из джипа!... В общем, ясно, что ничего не ясно. С учетом быстро убывающих сил и крови – совсем скверная диспозиция!

«Дело швах! – подытожил Антон, обдумывая свои дальнейшие шаги, – еще пара-тройка минут, и эти вояки, если они, конечно, не последние олухи, перещелкают нас, как куропаток». Выхода не оставалось. Собрав остатки сил, он уже готовился крикнуть Крису, чтобы тот уходил, и напоследок угостить «хлебосольных хозяев» противопехотной гранатой, но тут ...

...Взрезая воздух винтами и маневровыми турбинами, из-за кромок деревьев черной хищной птицей вынырнул и тяжело завис над поляной боевой вертолет-разведчик Армии обороны. Ракетные установки и дуло тяжелого бортового пулемета грозно уставились на поле боя. Усиленный динамиками голос приказал всем сложить оружие. Антон сделал шаг в сторону и опустился на землю, наблюдая, как пятеро его «подопечных» с поднятыми руками сбиваются в кучу, а Крис выгоняет с противоположной стороны дороги обвешанных пулеметными лентами троих «своих» бандитов.

Тем временем, на шум винтов подкатил целехонький автобус. Ребята постарше выскочили на поляну: пятерка во главе с Крисом и сержантом Сенькой, отправилась прочесывать лес в поисках уцелевших бандитов, остальные взяли под охрану пленных и принялись собирать раскиданное повсюду оружие. С вертолета доставили аптечку. Антона перевязали и подкрепили ста граммами «фронтowych». Командир «борта» доложил, что поверхностный осмотр дороги с воздуха ничего подозрительного не выявил: блокпост на месте, но бородатого с его людьми не видно. По данным, полученным из штаба, в округе действительно орудует крупное бандформирование, возглавляемое неким полковником Шпилевым (вот откуда «Шпиль» – догадался Антон), численностью до трехсот человек. Но зачем, с какой целью бандиты решили организовать сложную, двухуровневую засаду на шоссе – по-прежнему оставалось загадкой. (Внутренний голос подсказывал Антону, что эта история еще далека не завершена, и с господами «Сократом», Шпилевым и иже с ними ему еще придется встретиться).

Пока санитарка хлопотала над раной, Антон снова и снова мыслями возвращался к странной двухходовой комбинации, навязанной ему таинственным и жестоким противником. Конечно, «игрой» происшествие в лесу не назовешь: все могло закончиться и гораздо плачевнее, чем окончилось. Очень даже плачевно могло все закончиться! Но теперь, когда планы врага так или иначе сорваны, отчего бы и не

поломать голову над этим ребусом, принимая за основу хотя бы тот немаловажный (и неприятный для врага!) факт, что все они в итоге остались живы.

Итак, что мы имеем?

Первое – связь «Сократа» с вооруженной засадой в лесу можно считать установленной. «Сократ» – человек пресловутого Шпиля – Шпилевого, и его задачей – теперь это ясно, как дважды два четыре, – было на какое-то время задержать автобус, визуальное удостовериться в том, что это именно «экскурсия», а не что-то иное, и по радиации сообщить об этом наверх – организаторам основной засады.

Второе – некто очень влиятельный и очень настырный доподлинно и загодя знал о времени и маршруте очередной экскурсии общинников в Москву. Уже сам по себе этот факт заслуживает серьезнейшего внимания, ибо такого рода информация относится к разряду строго секретной, и допущенных к ней офицеров штаба Армии обороны можно пересчитать по пальцам одной руки. Отсюда вытекает весьма неприятный вывод: в ближайшем окружении Антона орудует (и, похоже, давно!) хорошо законспирированный «крот». Этот зверек тесно связан с бандой Шпиля и даже, возможно, ею же и внедрен. Что же, грустно, конечно, но для начала лучше, чкм ничего!

Третье – целью операции в лесу, очевидно, был не вульгарный налет с целью уничтожения автобуса – в подобном случае они легко могли бы обойтись обстрелом с расстояния или минирование полотна дороги. Нет, добивались они чего-то другого. Но чего? А что если они пытались добыть «языка» или заложника из «Подсолнухов», причем явно не рядового звена? Однако, в таком случае самой подходящей кандидатурой на «языка» оказывается ни кто иной, как он, генерал Савин Антон Ильич, собственной персоной. «Может, ты и льстишь себе, – с грустной ухмылкой резюмировал Антон, – но логически-то все сходится!»

Четвертое – если им все-таки понадобился заложник, то с какой целью? Информация, шантаж? Дальше этого пункта мысль Антона не продвигалась, дальше сплошной туман. Строить же догадки, не имея под рукой объективных фактов, генерал не любил, и подчиненным не позволял. Он знал: настоящий смысл сегодняшнего инцидента еще

Первые просветы

долго будет оставаться загадкой. Но она, эта цель, конечно же, существует, ведь это ради нее неведомый противник потратил столько усилий и положил столько людей! Каким же должен быть масштаб поставленной задачи, если для ее достижения делается попытка взять в плен старшего офицера Армии обороны? Кто и, главное, зачем мог отважиться на такой отчаянный шаг? Псковско-Великолукский укрепрайон, конечно, не слывет самым тихим местом на земле, но и явных врагов, готовых вести против него открытую войну, пока тоже не наблюдалось – во всяком случае, до сего дня. И потом: вряд ли те сведения, которыми Антон располагал по должности (численность, состав и расположение подразделений АО в укрепрайоне, коды систем безопасности... что еще?) кому-то могли понадобиться настолько, чтобы этот «кто-то» отважился на подобную авантюру. Тут что-то другое, тут что-то еще! Какой-то совершенно иной, скрытый и тонкий расчет скрывался за всей этой историей....

Все, баста! Антон поморщился от боли и усилием воли переключил рассудок на другие заботы: «мозговой штурм» на фоне «протестов» раненой руки изрядно утомил его. Рассуждения и выводы, сделанные им по свежим следам, отправились в кладовые памяти; он был уверен – теперь они надежно хранятся в его «архиве», и в любой момент, без малейшего изъяна могут быть вызваны «пред мысленные очи». Эта способность удерживать в оперативной памяти большие массивы ценной информации тоже появилась у него как некий дар Божий, обретенный по мере выработки навыков молитвенной сосредоточенности и духовной дисциплины. В целом Антон был вполне доволен собой: хотя ситуация во многом еще оставалась неясной, теперь он, по крайней мере, четко представлял себе направления дальнейшего поиска.

– Товарищ генерал, товарищ генерал! – коснулся его плеча и отвлек от мыслей молоденький лейтенант, командир вертолёта. – Пора возвращаться на базу. Там ждут.

– Я остаюсь с экскурсией! – отрезал Савин.

– Но вы же знаете – инструкция!

– Тогда будем считать, что моя рана уже зажила. Так?

– А вы умеете убеждать, товарищ генерал!

– Еще бы!

Антон заверил командира «вертушки, что это решение окончательное, и лично ему, старшему лейтенанту АО, оно никакими ослож-

нениями не грозит, и приказал доставить в штаб захваченное оружие и одного из нападавших – по виду главаря – для допроса. Рядовых бандитов решили отпустить на все четыре стороны. Сдавать их местным властям смысла не было: во-первых, те вполне могли оказаться заодно с бандитами Шпилевого (дело для этих времен самое обычное); во-вторых, в любом случае держать арестованных в тюрьме и кормить лишние рты никто не станет: хлопотно и накладно.

– Are you o'key, boss? – услышал Антон бодрый голос Криса. – Слегка прихрамывая (кто-то из бандитов все-таки успел задеть его ножом по бедру), он конвоировал из леса двоих связанных наемников; рядом с ним гордо вышагивали обвешанные трофейными автоматами юные общинники.

Друзья обнялись под восхищенными взглядами молодежи. Крис вопросительно взглянул на перевязанную руку Антона. Тот в ответ лишь слегка поморщился, что означало: «Не бери в голову, пора в путь», – и на лице «Рембо» впервые за весь день промелькнула улыбка.

Распогодилось. В рваных серых облаках золотистым краешком показалось холодное осеннее солнце.

Воспользовавшись передышкой, «чижики», щебеча и на все лады и обсуждая очередное приключение, развели костер, и в котелках разогрели ароматный суп из тушенки. Антону, как ни отбивался, досталась целая миска, да еще с куском теплого ржаного хлеба в придачу. Рука изрядно ныла, но он старался не замечать боли.словно в полудреме, разомлев от костра и горячей еды, он парил душою над этой не приметной лесной полянкой, радуясь, что все так удачно обошлось, что «чижики» целы и здоровы, и они, Бог даст, без помех доберутся, наконец, до этой треклятой Москвы. И ему, конечно же, было невдомек, что в эти самые благодатные минуты чьи-то любящие девичьи глаза из шумной толпы этих самых «чижииков» ласкали и утешали его усталую душу. Оттого-то, быть может, и летала, не чая себя, его душа!

Безучастно провожая глазами вертолет-разведчик, уносивший на своем борту захваченные трофеи, наблюдая, как Крис отбивается от какой-то юной «экскурсантки», вооруженной бинтами, йодом и самыми серьезными намерениями (американец при этом смешно подпры-

Антоновы думы (продолжение)

гивал, удерживая брюки руками, а юная санитарка наседала и наседала на него на потеху всем окружающим), как Сенька деловито осматривает своего «стального друга», огорченно цокая и ковыряя пальцем отметины от пуль, Антон, неожиданно для самого себя, мысленно в очередной раз вернулся к Исходу. А ведь это он, Исход – и ничто другое! – забросил всех их в это Богом забытое место на карте, поставив на грань жизни и смерти. Он, окаянный, переломал, перемолол, переиначил судьбы множества людей, лично знакомых генералу, ... да и его собственную судьбу тоже. Но, с другой стороны, не будь катастрофы Исхода, не было бы и «Подсолнухов», и Криса, и этих ребят, и их новой жизни во Христе. Многого чего не было бы! А интересно, выжил бы он сам, не случись того, что случилось?

Будь Антон Савин философом, он, конечно бы, не упустил случая развить эту глубокую и многообещающую мысль. Но он был простым воином, и в своих рассуждениях предпочитал не отходить слишком далеко от настоящего. Да и кто, кроме Бога, мог доподлинно знать, что всех их ожидало в будущем? Как настоящий профессионал Антон превыше всего ставил выполнение своего прямого воинского долга; если этому мешали рассуждения – долой рассуждения! Путь его не был легким, но каждый шаг на этом пути, с каким бы трудом он ни давался, утверждал его в главном: вера его наливалась силой, обогащенная новым опытом душа крепла и мужала, сердце и разум начинали все лучше различать манящую цель бытия, сообщая жизни небывалую осмысленность и цельность.

Волчьи нравы окружающего мира уже не травмировали, как прежде, его душу. Он просто принял эту реальность такой, какая она есть, смирился с нею, сознавая, что все от Бога или по попущению Его. Теперь он точно понимал природу болезни, поразившей людей времен Исхода, ибо и сам в свое время сполна настрадался от той же духовной напасти – «духовной нищеты», как ее величал отец Досифей. Сталкиваясь с подлостью, жестокостью и несправедливостью окружающего мира, он уже не ожесточался ответно: не прятался и не огрызался, как раненый зверь. И даже прибегая по необходимости к насилию, он не испытывал больше сладостного чувства злорадства и мести. К нему пришла удивительная способность совмещать вроде бы несовместимое: воспринимать мир и себя в нем отстраненно, как бы со стороны, но при этом ощущать страдания других как свои собствен-

ные. Исихастские упражнения под руководством отца Досифея вкупе с молитвой и причастием, с одной стороны, закалили его душу, научив отстраненному наблюдению и дозированному усвоению информации; с другой – смягчили и обнажили ее, сделав небывало чуткой к чужому горю. Стала ли она, его душа, от этого слабее? Нисколько! Ибо *сила Божия в немощи обретается*. Отныне Антон и не смог бы, даже если бы захотел, ответить оскорблением на оскорбление, обидой на обиду. Очищенное и окрепшее его сердце теперь искало в обидчике не объект для агрессии, а, в первую очередь, тяжелобольную и тяжело страдающую родственную душу. Вместе с тем, Антон все отчетливее сознавал: чтобы достичь способности подлинного сострадания (не выдержки, достигаемой усилием воли, а именно сострадания), душа должна с Божьей помощью сначала освободиться хотя бы от части собственной боли и страстей, которые переполняют ее, мешая различать чужое страдание и отвечать добром даже на зло. Весь мир – больница, и большинство ее пациентов не ведают, что творят, и не имеют возможности хоть чем-то помочь друг другу.

По мере духовного возмужания к Антону пришло более глубокое понимание оправданности применения силы там и тогда, где и когда человеческое начало совершенно иссякает, уступая место началу звериному. Впрочем – тут же одергивал он себя – стоит ли обижать ни в чем не повинных животных, сравнивая с ними падших человек? Ведь даже звери в самых лютых и безвыходных ситуациях все же не способны на зверства, которые порой сознательно совершаются некоторыми так называемыми разумными людьми. Антону вдруг вспомнились слова, которыми Господь охарактеризовал состояние человечества накануне Потопа: *человек, пребывая в чести, не понял ее – приложился скотам несмысленным и уподобился им*. Когда однажды он попросил отца Досифея растолковать ему выражение «скоты несмысленные», тот на миг задумался, а потом глубоко и как-то уважительно, по-новому посмотрел на своего ученика: «Знаешь, а ведь это ты здорово подметил! Как же раньше-то мне это в голову не приходило? Скоты несмысленные!... Заметь, не просто скоты, а именно несмысленные скоты. Поразительно! Господь этими словами подчеркивает, что все допотопное человечество, все целиком, кроме Ноя благочестивого и его семейства, в духовном смысле опустилось ниже уровня скотов... Скоты – они ведь по-своему осмысленны: у них

есть начатки души – иной, конечно, чем у человека, но все же души. Есть и инстинкты, которые управляют их волей, ограничивая ее божественным законом блага и целесообразности. Свободы выбора в том значении и в том масштабе, в каком ее имеет человек, у них нет. Получается, что «несмысленный скот» – это и не скот, и не человек! Но что же это тогда такое? Существо, добровольно подавившее в себе все человеческие и богоподобные качества – светлый разум, любовь к ближнему, стремление к совершенству, – это действительно не вполне уже человек. Или даже вполне не человек! Скорее, зомби, мутант, нелюдь, лишенный активной совести и нравственных ориентиров, способный на тягчайшее злодеяние, и, вместе с тем, сохраняющий дарованный ему Творцом ангельский ум, который всею мощью своей начинает служить злу. Следовательно, заливая планету водой, Господь, строго говоря, не убивал «человеков» и не карал человечество в подлинном значении этого слова. Бог есть любовь, и, конечно, в любом случае Он предпочел бы пощадить и спасти свое творение, свое «любимое чадо», пока в нем, в чаде то есть, остается хотя бы капля человечности, хотя бы искорка любви, хотя бы намек на возможность личного покаяния и исправления. Бог потоком никого не убивал! Ни одного настоящего человека! Он хирургически вырезал из тела планеты страшную раковую опухоль, омертвевшие клетки, в каковые люди, внешне оставаясь похожими на людей, превратили самих себя преступными и злонравными своими «тайными делами»...

Следуя тернистым путем исполнения воинского долга, Антон все крепче утверждался в правильности своего духовного выбора. В царстве зла не выстроить дворца счастья. Без веры, молитвы, покаяния, терпения и смирения, без должного внутреннего преображения и несения скорбей, без хождения пред Богом и сознания величайшей ответственности перед Ним род людской был обречен на самоуничтожение. Об этом кричала, об этом стенала вся залитая кровью история человечества. Это без устали проповедовало христианство, напоминающая непонятливому человечеству, что попытки построить царство Божие на земле заведомо обречены на провал, что Христос не обещал воцарения любви и правды на этом свете. Нет, Он сказал иное – что «под конец оскудеет любовь». Так оно и случилось!

На этом историческом фоне Исход стал лишь очередной вехой на том опасном и скользком склоне, по которому обезумевшее челове-

ство, то ускоряясь, то притормаживая, сползало в адскую пропасть. Неумолимая логика всеобщего духовного растрепания, прикрытая риторикой свободы, демократии, гуманизма и прогресса, сделала этот кошмар явью. Провозглашая целью исторического развития любовь к человеку, философы и политики – апологеты безбожной цивилизации отказывались принять и признать простую, в сущности, истину: любовь своевольная, корыстная, земная, хотя бы и внешне обращенная к нуждам и бедам отдельного человека или всего человечества, неизбежно, в силу своей болезненной, эгоистической, не знающей Христа природы вырождается и выдохнется.... А в окончании своей деградации – сколько тому примеров в истории! – подобная ложная любовь не сможет избежать перерождения в нечто куда более страшное – любовь к революции.

Но – поразительно! – та же непостижимая Божья логика придала уродству Исхода привкус целесообразности и даже полезности. Исход стал Голгофой, призванной утвердить в правде одних и открыть глаза другим, уберечь и соединить избранных и, возможно, в последней предсмертной попытке вразумить заблудших.

...Что же, пора в путь. Командир поднялся и, стараясь не выдавать боли, шагнул к автобусу. Впереди – за километрами дорог, гарью пожарищ и неведомыми испытаниями ждала все еще далекая Москва.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ – К БОГУ

Юность генерала Савина

Пока наши путешественники пробиваются к Москве, сделаем небольшое отступление и из любопытства заглянем в прошлое нашего героя. Прошлое неповторимое (как и у каждого человека) и, вместе с тем, довольно типичное для людей, выросших в советскую эпоху и ставших очевидцами сначала краха «красной империи», а затем и начала Исхода.

В жизни Антона Савина имело место нечто, очень похожее на чудо: родился и вырос он в воинственно безбожном обществе, а в итоге превратился, правда, уже на склоне лет в глубоко верующего человека. Сказать, что это произошло по чистой случайности, – значит, не ска-

зать вообще ничего. Большую часть своей бурной и ухабистой жизни Антон прожил, не ведая Бога, точнее, имея о нем самое общее, слабое и поверхностное представление. Однако, оказывается, сам Бог ни на мгновение не забывал о его, Антона, существовании, и исподволь вел к Себе, попуская по ходу целительные лекарства: скорби и болезни. Оглядываясь назад, генерал не мог не признать: в его судьбе, оказывается, произошло немало встреч и событий – своеобразных вешек и знаков, которые, с одной стороны, неслучайно и вопреки всему подталкивали его к Истине, а с другой – возвращали назад – на «узкий путь», если (и когда) он слишком далеко отклонялся от него. Такими вешками, в его представлении, стали смерть родителей, приключение

с «Пичугой», чеченская кампания, встреча с отцом Досифеем, исповедь старцу Адриану и дружба с дядей Мишей.... Были, конечно, и другие встречи и события – возможно, не менее важные и судьбоносные, но пока ему важнейшими казались именно эти....

В школе (еще советской) Антоша учился хорошо – на твердую «четверку». Но больше как бы по обязанности, нежели из любви к знанию. Все делал, как положено: ходил на комсомольские собрания, выполнял поручения, готовился к урокам и контрольным работам. Впрочем, общественная жизнь его не влекла. Он нашел себе другое занятие: с другом детства Валеркой Закиевым обеспечивал родную двадцать седьмую, специальную, с английским уклоном школу столь нужными ей медалями и кубками на районных соревнованиях по легкой атлетике, конькам и лыжам. За это им с Валеркой прощались периодические прогулы и даже ошибки в спряжении неправильных английских глаголов – то есть то, что для всех прочих «особо одаренных детей», удостоенных чести учиться в этой престижной спецшколе, считалось совершенно возмутительным и недопустимым. В общем, шел юный Антон вместе со всей страной по дороге, проложенной «партией Ленина», ни секунды не сомневаясь (как учили старшие), что никакого Бога нет, а те, кто Ему молятся, – просто дремучие и отсталые люди, что СССР это лучшая страна в мире, а коммунизм – светлое будущее всего передового человечества.

Первая любовь пришла к нему в четвертом классе. Не любовь даже – скорее, наивная и трогательная заочная влюбленность в девочку из их класса по имени Галя, жившую в одном с ними доме по Кутузовскому проспекту, через подъезд. Окна ее квартиры со второго этажа глядели прямо на каток, и Антон, зная это, каждое утро до завтрака, в любую погоду и непогоду, в одиночестве нарезал на коньках бесчисленные круги на пустом в эти часы катке, уповая на то, что однажды она его заметит. Каждый раз, когда они случайно встречались в школе или на улице, сердце его тревожно екало, и огромная волна радости и смущения окатывала его с ног до головы. Знала ли она, догадывалась ли о его чувствах? – так и осталось загадкой. Года через три с начала их «романа» родители навсегда увезли Галю в Сибирь на очередную «стройку века». Он поскучал, конечно, как водится, но не сильно и недолго, а потом и вовсе успокоился – переключил все свое внимание на учебу и спорт. Девчонками с тех пор всерьез не увле-

кался, пока на втором курса престижного МГИМО не был почти насильно «посвящен из мальчика в мужа» одной разбитной девицей из эстонского стройотряда.

В семье Антона в Бога верила одна мама – Нина Ивановна. Но верила скрытно от всех – от начальства (работала она обычным библиотекарем, но не где-нибудь, а в аппарате всесильного ЦК под пристальным надзором КГБ), от мужа – Ильи Кузьмича Савина, фронтовика и коммуниста, и даже от своих детей, которых крестила тайно от всего белого света. Илья Кузьмич, разумеется, знал об убеждениях жены и крещении детей – Антоши и Зои, но виду не подавал и ни разу на памяти Антона разговора на эту тему не заводил – ни с посторонними, ни с домочадцами. В семье не то, что о Боге, – не полагалось говорить вообще ни о чем, что отец считал бы «пустым», «никчемным» и «ерундовым». А считал он таковым почти все, что выходило в его понимании за рамки учебы, работы и строго аскетического советского отдыха. Было ли введенное отцом в их семье «табу на доверительность» ледяным отголоском сталинских репрессий (от коих родителей Антона, похоже, уберегло только социальное происхождение: рабочих в 30-х годах сажали все же реже, чем остальных) или это стало побочным следствием стоического воздержания Ильи Кузьмича от спиртного, которое он, запойный алкоголик как крест возложил на себя – и дотерпел-таки до самой кончины – после рождения Зои в 1960 году? Сказать трудно. Вероятнее всего, несгибаемый и неприступный характер Ильи Кузьмича ковался под действием многих жизненных обстоятельств, включая и названные. Так или иначе, но стена отчуждения, сложенная, с одной стороны, из вполне искренней и самоотверженной заботы старших Савиных о здоровье и образовании своих детей, а с другой – из старательного, но замкнуто-отстраненного послушания этих самых детей суровой родительской воле, из года в год становилась все толще и прочнее. Любые и, надо сказать, все более редкие попытки то Антона, то Зои пробить в этой стене хотя бы маленькую брешь – вызвать родителей на откровенность, получить их совет или на худой конец просто поплакаться в жилетку – натывались либо на обреченное молчание Нины Ивановны, смилившейся в конце концов с подобным положением дел, либо на стандартную суровую отповедь самого Ильи Кузьмича: «Оставь, Антон (Зоя), эту ерунду. Займись-ка лучше чем-нибудь стоящим!»

После демобилизации из армии в 1953 году фронтовик Илья Кузьмич Савин почти четыре десятилетия проработал на одном и том же месте – в секретном московском электротехническом НИИ, расположенном где-то на Сущевке. Там он сделал феноменальную для человека с неполным средним образованием карьеру – от слесаря-инструментальщика до главного инженера. Горбачевская «перестройка» застала его уже на пенсии. Как и миллионы других ветеранов войны и труда, этой «новой» и чужой России, пораженной вселенским вирусом олигархической алчности, пошлости и погони за дешевыми удовольствиями, он не понял и не принял. И дело тут не в косности старческого ума. Либеральная трескотня прошла мимо его сознания не только потому, что отвергла и осмеяла все то, чем он жил и ради чего проливал кровь, но потому еще, что в ней, при ближайшем рассмотрении, не оказалось ровным счетом ничего настоящего, цельного и позитивного, что могло бы тронуть и увлечь его умудренный опытом разум. Не принимать же всерьез болтовню о свободах на фоне бесовского ограбления и унижения миллионов соотечественников!

Смерть Нины Ивановны, случившаяся в начале 2000-х годов, прошла для него тоже почти незамеченной – к этому времени он уже страдал тяжелой формой рассеянного склероза, и с трудом узнавал даже детей. Время от времени Антону казалось, что в редкие моменты относительной ясности ума отец порывался о чем-то с ним поговорить, но в последний момент та же сила, что навеки запечатала ему уста, вновь брала верх над его угасающим разумом, и он только сокрушенно и растерянно вздыхал, возвращаясь к своим неведомым думам.

Перед смертью его причастили. Во время исповеди Илья Кузьмич что-то шептал и непрерывно горько плакал. Проводивший обряд старенький священник из храма Петра и Павла позже признался Антону, что, вопреки ожиданиям, он понял почти все, что хотел сказать ему и Богу Илья Кузьмич, и что такой горячей и покаянной исповеди слышать ему доводилось не часто. А за несколько минут до ухода умирающий вдруг открыл глаза и в присутствии детей еле слышно прочитал «Символ веры». Последним его вздохом были слова благодарности неведомой «бабе Ксении», научившей его, трехлетнего, молиться Богу. Он ушел ночью, без мук, и в гробу лежал с какой-то загадочной и растерянной улыбкой, словно в самый последний момент увидел или узнал что-то для себя невыразимо приятное.

Потеря матери, а следом за ней и отца потрясли Антона, но реальный масштаб утраты он начал сознавать не сразу: боль от первого шока, по-видимому, была приглушена многолетней отчужденностью их взаимных отношений. С уходом Нины Ивановны он лишился не столько даже ее всегдашней (часто казавшейся ему мелочной и лишней) заботы о себе, сколько какого-то смутного, почти мистического ощущения защищенности, которое не покидало его ни разу, пока она была жива, и которое происходило, как он понял со временем, из ее неустанных молитв за него и оградительных крестных знамений, незаметно посылаемых ему вослед всякий раз, когда он надолго уходил или уезжал из дома.

Прочная, хотя и не реализованная до конца, духовная связь с тайно верующей матерью и по-своему святым отцом (как святы все герои, пролившие кровь за Родину на полях сражений), строгое, почти аскетическое воспитание, основанное на верности слову, критическом отношении к себе и безусловном уважении к другим людям, возмужание в идеалах советского морального кодекса, представлявшего собой, по сути, заповеди божьи (но без Бога!), – все это незаметно, но настойчиво подталкивало атеиста Антона Савина к принятию правды Христовой. Однако, путь его к Богу был особым – извилистым, тернистым и долгим. За плечами Антона, как и большинства его современников – вольных и невольных строителей коммунизма, – не имелось ничего такого, что можно было бы счесть религиозной традицией. Ни бабушкиных сказок и родительских наставлений, ни уроков закона Божия и жарких споров с одноклассниками о бытии Божьем, ни вдумчивого чтения Евангелия и Святых отцов.... Ничего! Наоборот, все, что их окружало и формировало с малых ногтей и до взрослой жизни, было призвано убедить в обратном: Бог – поповская выдумка, мир – не продукт творческого Разума, а устоявшийся хаос, который может и должен быть покорен на благо человека, конечная цель бытия – коммунизм. Эти представления столь последовательно и прочно вбивались в юные мозги, а любое инакомыслие (и не только религиозное) столь жестоко подавлялось, что о каком-либо естественном «вращении» в христианство в этих условиях и речи быть не могло. Если, по словам святых отцов Церкви источников богопознания три: слушание слова Божия, укоры совести и скорби-страдания, – то на долю советских поколений (к каковым, несомненно, относился и он, Антон) фактически

остался только один – а именно страдание; первые два были намертво зацементированы воинствующим безбожием и идеологией «коммунистического завтра», в основе которой лежала антихристианская, по сути, идея построения царства Божия на земле.

Послевоенное поколение советских людей двигалось к Богу по-одиночке, тайком и неровно. Шло как бы с «чистого листа». Шло через завалы заблуждений, предубеждений и общественных стереотипов, через разочарования и потери, горе и боль, предательство и лицемерие. *Человеческая душа – по природе христианка*, но обретает она свое истинное «я» лишь ценой невероятных мучений и трудов, особенно, в переломные исторические эпохи. Антон, в этом смысле, не стал исключением. Его путь к Богу тоже получился рваным и путаным, с огромным количеством остановок, срывов и попятных движений, блужданий и ошибок. Пытливый и не в меру скептический его ум, движимый прикровенным зовом Всевышнего, всякий раз отчаянно противился сам себе, силясь всему происходящему найти, прежде всего, «разумное» объяснение. И, только разочаровавшись, делал очередной несмелый шаг в сторону Истины.

Встреча с «Пичугой»

Это происшествие могло бы навсегда стереться из его памяти, растворившись в бесконечной череде малозначимых встреч и событий, которыми насыщена жизнь каждого человека. Но не растворилось. Напротив, при всей своей внешней обыденности оно стало судьбоносным и даже поворотным для Антона. словно чья-то невидимая воля сочла целесообразным подвести черту под всем предыдущим этапом его жизни, и в качестве вектора дальнейшего движения избрала эту жалкую и нелепую провинциалку, которую он случайно повстречал на подмосковном шоссе. И почему-то сразу про себя окрестил «Пичугой».

Шел 1994 год. После возвращения из Сирии Антон всего за один год успел сделать многое. Первое – уволиться из МИДа, ибо жить на грошовую зарплату клерка было трудно, но еще невыносимее оказалось наблюдать изнутри «системы» за истеричными и непрофессиональными эскападами ельцинских министров – Панкина, Козырева и иже с ними. Второе – стать очевидцем «грязных революций» 1991 и 1993 годов. Третье – вполне удачно, «по блату» устроиться начальни-

ком охраны в небольшой коммерческий банк. Поправив свои материальные дела, он даже купил по случаю небольшой деревенский дом на берегу Рузского водохранилища, в ста километрах от Москвы, и теперь почти каждые выходные проводил на даче за любимой рыбалкой.

В то воскресенье он решил попытать счастья на песчаных карьерах в Шаховском районе. Путь предстоял неблизкий, но торопился смысла не было: ранней весной рыба либо клюет целый день, либо не клюет вовсе. Выехал из дома часов в семь утра. «Пичугу» заметил на выезде из Осташово.

...На вид ей было лет четырнадцать, от силы пятнадцать. Она стояла на пустой автобусной остановке. Наметанным водительским глазом Антон «засек» ее сразу. Сработал рефлекс – внимание необычный пешеход! Впрочем, явной угрозы для его старенькой «Тойоты» девчушка не представляла – на самоубийцу не тянула, и сигнал автоматической тревоги погас.

Привычка фиксировать любые дорожные «мелочи» выработалась у него еще в студенческие годы. Лет тридцать назад, в бытность свою стажером корпункта одной из центральных газет в Праге, Антон на почве общего увлечения рыбалкой сошелся с почти семидесятилетним палестинским писателем Эмилем Хабиби. Тот и научил его золотому правилу вождения: «Ты должен постоянно представлять себе самое худшее, что может произойти на дороге в данный момент, Энтони. Видишь человека, жди от него броска под колеса, проезжаешь под мостом – представь, что на крышу твоего автомобиля того и гляди упадет камень». На искренний вопрос, зачем это делать, палестинец заговорщицки подмигивал: «Это чтобы ты не расслаблялся. И не бездельничал». С тех давних пор Антон не раз имел возможность убедиться в правильности и полезности советов своего арабского друга. Привычка заранее готовиться к худшему со временем вошла к нему в кровь и плоть. Несколько раз его виртуальные ожидания сбывались, но он неизменно оказывался начеку. Позднее эти навыки перекочевали на другие планы бытия: отношения с людьми, выбор пути, решение спорных ситуаций. Разбуженная палестинцем интуиция после небольшой тренировки начала показывать весьма впечатляющие результаты.... Возможно, именно она уберегла его от многих серьезных неприятностей за рулем. И не только за рулем...

Итак, явной опасности на этот раз не наблюдалось. Антон проскочил мимо. Тем не менее, фигурка у обочины не выходила у него из головы. Скоро он понял, почему: она не просто стояла на месте, а мелко приплясывала, напоминая своими движениями лесную тонконогую птичку-пичужку, Бог весть каким ветром, занесенную на безлюдную трассу Руза – Волоколамск. И еще: одета она была вопиюще не по погоде. Короткая цветастая майка-безрукавка и летние брюки в клетку выглядели несуразно на фоне серого октябрьского утра и злого, пронизывающего до костей ветра.

Посмотрев в зеркало заднего вида, он начал сбавлять ход. В зеркале отразилась ее жалкая фигурка, смешно перебиравшая ногами и подпрыгивающая. Дорога позади, сколько хватало глаз, была пуста. «Да, – вздохнул он, – шансов на попутку у нее почти нет». Решительно развернув «Тойоту», Антон вернулся к остановке.

– Куда тебе? – спросил он.

– До Волоколамска подбросите? – Голос у «Пичуги» (именно так он решил называть ее про себя) был простуженный, с хрипотцой, по-детски ломкий.

– Извини, не по пути, – с некоторым облегчением ответил он. Поворот на Шаховскую действительно был несколько раньше Волоколамска.

Досадую на непредвиденную задержку, Антон уже взялся было за руль, но тут в глаза ему бросилась последняя, ранее не замеченная им деталь. Точнее – отсутствие детали ... «Пичуга» была боса! Посиневшими от холода ступнями она переминалась, дробно подпрыгивая на ледяном асфальте, отчего и возникало впечатление хаотичного птичьего танца, сразу привлечшего его внимание.

Вообще-то Антон не считал себя впечатлительным человеком. Тем паче сентиментальным. Скорее, наоборот. В заграничных турне при осмотре памятников мировой культуры он скучал, зевал, томился и тайно вздыхал по упущенной возможности провести это время с удочкой где-нибудь на берегу подмосковного водохранилища. Шедевры и красоты мира, равно как и некоторые другие детали и мелочи, столь дорогие сердцам большинства людей, почему-то не трогали его души и не запечатлевались в памяти. Первая, «мидовская» жена Антона, зная об этих странностях его натуры, неизменно дулась и называла его «сухарем». В свою очередь, он, как мог, подлаживался под

переменчивый нрав «дражайшей половины», изо всех сил стараясь изображать интерес к заграничным красотам и внимание к ее особе, но, как говорится, шила в мешке не утаишь. Промашки все равно случались, и промашки порой непоправимые. По необъяснимым, даже для него самого, причинам, он систематически забывал то поздравить жену с очередным семейным торжеством, то встретить тещу на вокзале. Справедливости ради стоит сказать, что и о своих собственных днях рождения он периодически забывал тоже, но это обстоятельство, увы, в оправдание не принималось.

Впрочем, данный случай – особый. Тут не до сантиментов. При виде босых окоченевших ног ребенка что-то дрогнуло в душе Антона, и он, более не раздумывая, скомандовал: «Полезай!».

«Пичуга» мгновенно впорхнула на переднее сиденье, и «Тойота» помчалась в сторону Волоколамска.

– Зовут-то тебя как? – словно чего-то стесняясь, поинтересовался он, незаметно поглядывая в сторону нежданной попутчицы. Детское, довольно миловидное, немного заспанное лицо с припухшими синеватыми от холода губами и следами расплывшейся вульгарно-яркой косметики. Кожа тонкая, «папирусная». Коротко стриженные волосы неряшливо окрашены в рыжий цвет.

«Совсем ведь еще ребенок, – отметил про себя Антон, не забывая следить за дорогой, – и что их только гонит из дома в такую-то даль?»

Тем временем «пичуга» немножко отогрелась и пришла в себя. Только напряженная поза и импульсивные движения тонких рук выдавали в ней остатки нервозности и тревоги.

– Катя, – по-детски послушно ответила она.

– И что с тобой стряслось, Катя? – задал он следующий вопрос, хотя тут же в сердцах одернул себя: «Тебе-то, старому дурню, какое дело?» Но вопрос уже прозвучал, вырвался он непроизвольно и искренне, и она, похоже, уловила эту искренность.

– Да так, изнасиловали, короче, еле вырвалась. В темноте, вон, кроссовки не смогла найти, и куртку где-то потеряла.

Антон утратил дар речи: то ли от смысла услышанного, то ли от того, как буднично прозвучали ее слова. Совершенно растерявшись, чтобы не молчать, он снова спросил.

– А живешь ты, где? В Волоколамске?

– Не-а, мне дальше, в Ярополец. Это километров пятнадцать от города, в сторону Лотошино.

– Как же тебя занесло в эти края? Потихоньку он оправился от первого потрясения, и уже начал улавливать в себе ростки досады по отношению к этой дурёхе, так глупо и бездумно угодившей в лапы к подонкам.

– Короче, с подругой решили сгонять в город – ну, там проветриться и все такое. Подвернулись два пацана с тачкой. Одного подруга типа знала. Предложили поехать к ним...

Она помолчала и зябко повела худенькими плечами:

– Холодно там было, сыро, простудилась вот...

Больше вопросов Антон не задавал.

Некоторое время ехали молча. За окном тянулся унылый, типичный для этого времени года подмосковный пейзаж. Только что выглянувшая из-под снега мерзлая земля была укрыта бурой прошлогодней травой вперемежку с черными проплешинами горелого сухостоя. В пробегающих мимо деревнях свинцовые лужи подпирали выдавшие виды облезлые дома, еще не потесненные – по причине удаленности от столицы – надменными коттеджами «новых русских». Привнесенная в эту жизнь новизна – ларьки и магазины с невиданным изобилием прилавков – только оттеняли скудость этих мест и горькую безысходность жизни их обитателей.

«Тоска зеленая! – не в первый раз, со щемящей обреченностью подумалось ему, – Ну, почему страна, занимающая шестую часть планеты и в изобилии одаренная всеми мыслимыми ресурсами, загоняет свое население в «хрущобы» и убогие хибары, недостойные звания жилья? Почему при большевиках селянам не разрешали иметь паспортов, рубить лес на избы, а городским садоводам ограничивали наделы оскорбительными шестью сотками и запрещали устанавливать в убогих щитовых домиках кирпичные печи? Кто-то ведь придумывал все эти издевательства?! Теперь «их», большевиков то есть, давно нет и в помине, а лучше не стало: совсем деградирует и вымирает русское село».

За думами он немного остыл и успокоился. Словно и не прозвучало здесь, в его машине шокирующего признания этой непутевой. Будто не должна была в нем сейчас klokотать справедливая ярость, требующая от него – взрослого мужчины и будущего отца – немедленных и решительных действий, вмешательства, а то и возмездия.

Девчушка сидела тихо, видимо окончательно согревшись, поджав босые ноги под сидение и сложив худенькие ручонки на тощих коленках.

«А вдруг она все это придумала? – испугался он, неосознанно нащупывая спасительную лазейку, где можно было бы укрыться от собственного бессилия и щемящей тоски – Нет, – возразил он сам себе, вспоминая ее босые ноги и полураздетый потрепанный вид – не похоже!» Но тогда откуда в них, нынешних, это тупое равнодушие к собственной боли и к событию, которая в его, Антона, молодые годы считалась страшной, почти непоправимой бедой.

Они въехали в Волоколамск. Мелькнув промокшими домами, улицами и скверами, он скоро остался позади. И снова потянулись поля и деревни.

Неожиданно для самого себя Антон вдруг отчетливо представил жизнь сидящей рядом девчушки-пичужки – такую же унылую и серую, как пейзаж за окном. Наверняка неблагополучная семья, бедность, грязь, беспросветность. Сельская школа, ... в каком она классе – девятом, десятом? По вечерам «Дом – 2», провинциальные полупьяные дискотеки, вылазки в город «за приключениями». Слава Богу, хоть наркотиков здесь пока нет в тех масштабах, что в Москве. Книг она, скорее всего, не читает, во всяком случае, серьезных. (С грустью он признал, что и сам немногим лучше). Да и вообще за последние лет десять из обихода людей как-то незаметно исчезли хорошие книги и фильмы, на которых раньше воспитывалось не одно поколение. А следом за книгами в небытие канули и романтика, и подвиг, и честь, и достоинство, и трепетная юношеская любовь. Место же этих возвышенных чувств и понятий, получивших при либералах клеймо «отстоя» и «жести», оккупировали «ценности века сего»: культ насилия, мамоны, порока. Советское «нравственное безбожие» сменилось тотальной безнравственностью и открыто пропагандируемым сатанизмом. Общество в итоге не просто отвернулось от своих детей – оно превратилось в их гонителя и палача. Под залпами «медийного напалма» – от телевизионной «иконы сатаны» до новомодного Интернета – неопытные и беззащитные души таких, как эта «Пичуга», падали снопами, сгорая в пламени официально превозносимых смертных грехов. Демократия, толерантность, свобода... красивые пустые лозунги! А на деле – свобода разврата, новая страшная по своему содержанию,

человеконенавистнической направленности и системной технологичности «культура греха». Использование того, что святые отцы называли «удопреклоненностью человека к греху», в целях безграничной наживы и государственного контроля. Отмена всех и всяческих нравственных норм и ограничений, сдерживающих сползание общества в дикость. Отказ от вековой мудрости предков, считавших, что *ребенка к добру понуждать должно*.

Не удивительно, что в ответ на такую «заботу» и «воспитание» молодежь ощетинивалась вызывающе уродливым сленгом, «травкой» и яростной подростковой преступностью. А если приглядеться еще внимательнее, то за всем этим «прикидом» можно было разглядеть глубинный страх и растерянность юных душ, лишившихся понимания добра и зла, вообще смысла жизни.

Девчушка заворочалась, и чему-то вздохнула. Палыч притормозил на повороте. Чувство вины, ужасающей личной вины вдруг сотрясло его до самой глубины души.

«Это мы, – подумал он с пронзительной ясностью, – мы, старшие, отгородившись от нравственной ответственности за происходящее эгоизмом личного достатка, лишили их последней надежды, и теперь зло без помех забирает у нас наших же наших детей!» Странно, но ум его не удовлетворился этим, казалось бы, жестким и нелицеприятным объяснением, а требовал чего-то большего. И тут в голове Антона возникла прямая и ясная мысль о Боге: именно Его не хватает в этом гибнущем мире, именно с Ним утрачена связь. Бог – последняя надежда для них всех. Надо молиться ему, просить о прощении и помощи!

Он даже крикнул с досады.

– Ярополец, это где усадьба Гончаровых? – мотнул он головой, чтобы отогнать гнетущее чувство вины.

Катя расслабленно повернулась к нему.

– Почему только Гончаровых? У нас есть еще одна усадьба, только вот забыла, чья. И старая электростанция. Я ее всю облазила, когда поменьше была, дед мой там работал сторожем. Прикольно! А еще – пруд насыпной.

– Как это, насыпной?

– Ну, короче, его руками давным-давно, при царе выкопали, а женщины в подолах землю выносили. И еще у нас есть памятник кремлевским курсантам. Около него всегда живые цветы. А одна женщина

каждый год девятого мая у памятника читает одни и те же стихи. И плачет. Неужели нельзя выучить какие-нибудь другие? Чудная!

Подробно рассказывая о родном городке с древним названием Ярополец, она на время забыла о своих неприятностях, ожила и покраснелась. Видно было, что непосредственного, детского в ней оставалось еще немало. В наблюдениях и сравнениях «Пичуги» угадывался живой природный ум, который не могли скрыть даже часто повторяемые «типа» и «короче».

— А церковь у вас имеется? — осторожно поинтересовался он.

— Целых две, старая церковь и новая.

— Бывала там?

— Ну, так ... заходила с мамой пару раз.

— Знаешь, дочка, — собрался с духом Антон, — ты только не обижайся! Сходи туда сегодня, пожалуйста. Побудь там, а если захочется, помолись. — Он удивлялся сам себе. Откуда в нем такая уверенность? С чего это он решил ее поучать? Что с ним происходит?

— Помолиться, о чем?

— Да, ни о чем. — Откуда-то он знал, что надо говорить ей, и даже был уверен, что говорит правильно. — Просто постой у иконки и помолись Иисусовой молитвой. Знаешь ее? Меня так молиться мама научила. Она несложная: «Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, грешную!»

Краешком глаза он следил за ее реакцией. «Пичуга» слушала, и, похоже, слушала внимательно. Лоб ее морщился, губы слегка шевелились, повторяя слова главной христианской молитвы. Быть может, в этот момент она с присущей ее возрасту мечтательностью уже воображала себя стоящей в горестном покаянии, при романтическом свете свечей пред ликом Божьей Матери. Страхнув оцепенение, она обратилась к нему с встречным вопросом.

— А если батюшка спросит, зачем я пришла, чего ему сказать?

— Ты помолись, а там видно будет. Да и вряд ли он спросит. В церкви принято исповедоваться добровольно. Не перед священником, а перед Богом.

— А вам молитва помогает? — спросила она серьезно и заинтересованно.

— Помогает, но, если честно, я пока редко молюсь. Недостаточно. Вот сейчас смотрю на тебя, и, знаешь, мне тоже захотелось помолить-

ся. А вообще я где-то читал, что Иисусову молитву можно произносить везде и всегда. Она помогает, даже если ты еще не очень верующий. Помогает стать верующим, стать ближе к Богу. Молиться лучше вслух, но, если возможности нет, хотя бы про себя. Она и утешит, и от мыслей дурных отведет, и защитит. Если произносить ее искренне, всем сердцем, Бог обязательно услышит. Он всех нас любит, и про всех знает, читает в наших душах, как в открытой книге. Беда в том, что мы Его забываем. Отсюда и происходит зло в нас и вокруг нас.

Ему было приятно сознавать, что она слушает его. Пусть сам он был еще далек от Бога, но в тот момент в нем откуда-то взялась уверенность в нужности и правоте этих слов. Будто говорил не он, а Кто-то другой его устами, говорил именно то, что сейчас больше всего требовалось этой глупой, легкомысленной девчонке, попавшей в беду. Антон благодарно ощущал токи живой энергии своих «не своих» слов, и где-то в самой глубине души чувствовал, что эти слова достигают намеченной цели. Пусть не сразу, пусть суeta завтрашнего дня привычным вывихом её испорченного сознания и столь же нездорового бытия заслонит сегодняшний разговор с «чудиком из иномарки», но что-то ведь обязательно останется, что-то осядет в уголках ее дремлющей, не до конца еще заблудшей и испорченной души. И это «что-то» будет ждать того часа, когда жизненные передрыжки или потаенный зов совести откроют ей путь к Истине.

Они молчали до самого Яропольца, размышляя каждый о своем. Выходя из машины, она даже забыла сказать ему «спасибо», но он и не думал обижаться. Он молил Бога, чтобы она подольше оставалась в волне своих раздумий.

Потом еще некоторое время он следил за ней — как она вприпрыжку бежала к покосившемуся домику на окраине городка, как открывала покосившуюся калитку на заднем дворе.... Вот в последний раз мелькнула ее майка, и из-под нее, ближе к пояснице показалась цветастая татуировка, изображавшая то ли бабочку, то ли восточного дракона. У Антона упало сердце. Ему вновь стало отчаянно грустно и одиноко — словно это добровольное «клеймо греха» ехидно и победно ухмыльнулось напоследок его наивности.

В тот день на рыбалку он так и не попал. Расхотелось. Бесцельно бродил по берегу сам не свой, думая о ней и тысячах других, подобных ей «пичуг», ежедневно выпадавших из родительских гнезд на

потеху страшному и безжалостному строю, установившемуся в свихнувшейся стране. Вечером отправился в соседнее село Спас, и заглянул в местный храм. Литургия шла к концу. Знакомый батюшка, отец Игорь уже заканчивал проповедь. Кивнув Антону и, словно угадав его настроение, он вдруг заговорил о мироносицах ГУЛАГА, святых и павших, жертвах и палачах, судьбы которых промыслительно переплелись в страшных Соловецких чистилищах.

– Дивны дела Твои, Господи! – воздел он сухонькие руки к куполу храма.

Перед самым сном Антон снова вспомнил свою попутчицу. И снова почему-то – ее татуировку.

– Надо что-то делать с этим беспределом! – решил он, засыпая.

В тот день ему исполнилось ровно сорок. Как такового дня рождения он не отмечал: забыл, да и не с руки считается праздновать сорокалетие. Была ли та встреча с «Пичугой» случайным совпадением, нет ли? – он так и не понял. Но сердцем почувствовал: в тот стылый апрельский день закончилась целая глава его жизни. И еще к нему пришло твердое понимание: отныне борьба с беспределом в его собственной стране становится для него, Антона Савина, делом личной ответственности и жизненной целью.

Чеченский трамплин

Участником двух чеченских кампаний он стал по двум причинам: по недомыслию и по призванию.

По недомыслию – из-за своего неумного характера. Сытая и бесцельная жизнь в Москве однажды опостылела. Его потянуло на подвиги, и тут, как назло, подвернулся его старый знакомый по Псковским десантным сборам, полковник Николай Бритвин, направленный для прохождения дальнейшей службы в непокорную Чечню. Пока оформлялись документы, полковник пару дней жил у Антона, и этих двух вечеров за «чаркой чая» им хватило, чтобы синхронизировать ближайшие планы. Формальности не заняли много времени, и уже через неделю, выйдя из запаса и получив очередное воинское звание, командир разведроты капитан Савин отправился в Ставрополь в распоряжение полковника ФСБ Бритвина.

За пять лет, проведенных в Чечне, перед лицом сотен смертей и неопикуемых людских страданий он успел пережить и перечувство-

вать многое. Своими глазами видел, как после хвастливых и бравурных обещаний ельцинского министра обороны, временщика «Паши-Мерседеса» (П. Грачева) за считанные дни полегла десятитысячная Майкопская бригада ВДВ. Встречал на своем пути разных людей. Немало героев и романтиков, пришедших в Чечню защищать Россию (многие из них стали его друзьями и... выжили-таки в этой войне). Но попадались и отпертые мародеры, предатели, садисты-наркоманы, которые рвались на Кавказ, чтобы грабить и убивать, – большинство из них, заметил Антон, там же находило свой конец.

На его глазах происходили подлинные чудеса. Однажды трое бойцов из его разведроты попали в засаду «чехов». Их доставили в медсанчасть едва живых, буквально изрешеченных пулями. Вызвали местного священника.

– Крести ребят! – велел Антон.

– Как же крестить – они же не дотянут до конца! – чуть не плакал в ответ батюшка.

– Крести, говорю, это приказ! Крести, как положено, полным чином. – Антон почти кричал, но – странно! – в тот момент ему казалось, что он едва шевелит губами, а распоряжается за него кто-то другой.

Потом состоялось само таинство, и все трое раненых, как ни странно, дожили до его завершения, а под занавес один даже пришел в себя и попросил закурить.... И все в итоге выжили, хотя врачи отказывались верить своим глазам....

Сталкиваясь с подобными явлениями Божьей силы и власти, взывая – и вполне искренне – к Господу всякий раз, когда смерть наступала на горло, Антон, тем не менее, не сумел превратить свое зарождающееся религиозное чувство в глубокую и последовательную церковность. Что-то мешало ему тогда. Но что? – он и сам не мог понять. Вполне вероятно, виной всему был концентрированный ужас войны, ответственность за которую он, по неведению, косвенно возлагал и на Бога. Этот ужас и эти «претензии» к Создателю сковывали его волю, мешая духовному прорыву. А может быть, все дело было в том чувстве омерзения и ненависти, которое захлестнуло его уже по возвращении в сытую, наглую, раздувшуюся, как клоп на чужой крови, Москву. В ослеплении и ярости, оглушенный сознанием собственного бессилия, проклиная небеса и преисподнюю, бродил он, пьяный и потерянный, по столичным притонам, мечтая только об одном: раздо-

быть где-нибудь по случаю пулемет... и стрелять, стрелять, стрелять эту тыловую сволочь.

Вот из этой-то беспросветной ямы и вытащила его крепкая рука Досифея. Божья рука.

Пришедшее в конце концов к Антону понимание цели своей жизни как земного служения Богу тоже отнюдь не явилось простым и одномоментным актом. Оно соткалось из множества сомнений, стало следствием тяжкого и противоречивого – со срывами и разочарованиями – процесса воцерковления, явившегося, по сути, Божьим откликом на его мольбы о помощи. Оно органично выросло из нового, по заповедям, бытия и нравственного взросления. Однажды в ночи ему послышался голос: «Ты рожден быть воином, и должен остаться им!» Как солдат, Антон отчетливо понимал: подлинной высоты духа, о которой так вдохновенно говорил отец Досифей, ему не достичь никогда: слишком «опасно ходит» человек с ружьем, слишком близка его жизнь к греху, слишком часто солдату приходится действовать наперекор собственной совести, проявляя хитрость и жестокость, балансировать на грани, а то за гранью непререкаемых божьих законов. А потом исповедно смывать прилипшее к душе зло, и, как в давние времена, ждать – иной раз месяцами – разрешения духовника приступить к Святой Чаше.

Предвестие старца Адриана

Не менее важной вехой на его пути к Богу стала встреча с отцом Адрианом.

Тот день – пятнадцатое марта 2008 года – навсегда врезался в память Антона. Однако, как и в других подобных случаях, наш герой осознал это не сразу. Как часто, прикасаясь действием Промысла Своего к избранной душе, Господь остается для нее совершенно невидимым! Как обыденно порой в первом приближении выглядят события, меняющие впоследствии всю нашу жизнь! Это ли не доказательство всемогущества Божия, с одной стороны, и нашей всегдашней слепоты – с другой?...

Но вернемся, однако, к нашему герою.

После долгого запоя Антону удалось вынырнуть на поверхность – правда, увы, ненадолго. Он даже устроился к другу детства на работу

в транспортную кампанию, и впервые за многие годы выехал на служебном джипе в командировку в Псков. Трехдневная поездка подошла к концу, дел в городе больше не оставалось, и он решил возвращаться в Москву. Но, как это часто бывает, в человеческие планы вмешались высшие силы. Ночью накануне его отъезда из Пскова разразилась сильнейшая метель, и дорогу до Пустошки замело. Даже его могучая «Тойота» с шипованой резиной, отъехав от города километров сто, забуксовала на крутых подъемах с метровыми заносами. Пришлось возвращаться назад. В его распоряжении оказался целый свободный день, и он решил съездить в Псково-Печерскую лавру. Пития его пока не тянуло.

Лавра встретила Антона весенним щебетанием птиц, тишиной, ласковым солнышком, периодически выглядывавшим из-за свинцовых туч, и лубочным колоритом своего архитектурного ансамбля – непередаваемо сочным на фоне укрытых снегом крепостных стен и голубых монастырских елей. Отстояв утреннюю службу и поклонившись праху отца Иоанна Крестьянкина в «Богом зданных пещерах», он уже вознамерился уезжать восвояси, когда к нему подошел молодой монах с просьбой помочь в заготовке дров для пекарни. Почему монах избрал именно его – подивился тогда Антон, но с удовольствием принял «послушание». Через пару часов, изрядно наломавшись с колуном и получив в награду за труды авоську душистых свежеевыпеченных хлебов, он сидел на завалинке и наслаждался «Мальборо». «Не желаете ли заглянуть к отцу Адриану? – спросил его давешний монах – Старец сейчас у себя, и посетителей у него, на удивление, мало».

Почему бы и не зайти? Времени, хоть отбавляй! Антон проследовал за послушником в братский корпус, поднялся на второй этаж, прошел, вдыхая немного затхлый и сыроватый воздух, по длинному темному коридору, и очутился перед невзрачной деревянной дверью, возле которой висела подсвеченная лампадкой небольшая иконка Казанской Божией Матери. Только тут он сообразил, что не знает, о чем, собственно, говорить со старцем.

– Молитвами святых отец наших, Господи, Иисусе Христе, помилуй нас! – произнес монашек вместо стука.

– Аминь! – донеслось из-за двери, и они протиснулись в маленькую узкую келью, все стены которой были плотно увешаны иконами. В углу под ликом Спасителя мерцало несколько свечей. В комнате было

изрядно натоплено, пахло ладаном, но дышалось на удивление легко. В кресле у окна сидел грузный человек лет восьмидесяти в простой домашней рясе с массивным нагрудным крестом. Полное лицо его выглядело немного усталым и отечным, редкие седые волосы прилипли к вспотевшему лбу. Толстыми негнувшимися пальцами он перелистывал последние страницы объемистой Библии в старинном переплете, и, казалось, не обратил никакого внимания на вошедших.

– Хм, батюшка Адриан, как вы велели, я привел раба божьего Антона – послушник произнес эти слова так тихо, что, кажется, муха на окне жужжала громче.

«Ничего себе! – ошарашено подумал Антон – Что значит, «как вы просили»? Кто просил – этот старик? Но отсюда, из окна кельи пекарни не видно. Когда же он успел меня разглядеть? И потом – откуда ему известно мое имя? Чудеса, да и только!»

Но чудеса только начинались.

Отец Адриан аккуратно закрыл Библию, положил ее на столик возле себя и, повернувшись к посетителям, жестом указал на низенький диванчик у стены. Монашек извинился и, получив благословение, неслышно оставил келью.

– Не волнуйтесь. Вижу, вы не знаете, с чего начать, Антон...?

– Ильич. Антон Ильич, батюшка. Но как вы...?

– Как узнал ваше имя? Сейчас это не важно, сын мой. Важно другое... – старец поднял голову, и Антон впервые увидел его глаза. Они его поразили: не блеклые и тусклые, какие можно было бы ожидать у человека его лет, а ясные, острые, пронзающие душу до дна. Глаза двадцатилетнего юноши. И сейчас эти глаза в упор разглядывали на Антона – не с вызовом, не с напором, а с каким-то детским любопытством и добротой. Разглядывали так открыто и непринужденно, что он невольно отвел взгляд.

– А что важно, отче?

Старец уклонился от прямого ответа. Вернувшись к Библии, он неожиданно для Антона начал вслух зачитывать куски из Откровения Иоанна Богослова. Огненные реки, по его словам, уже разверзлись, ожидая грешников – прежде всего, отступников-евреев и священников, забывших о своем долге перед Господом и паствой. Народ, утверждал он, в основной своей массе потому и оставил веру после революции, что пастыри более пасли самих себя, нежели его, и вместо духовного

назидания часто превращались в механических требоисправителей. Все их научение состояло в призыве к исполнению того, «что положено»: креститься, венчаться, отпевать умерших, ходить по праздникам в храм, соблюдать посты, причащаться раз в год. Народ почти ничего не знал о духовной жизни, о борьбе со страстями, его редко кто учил этому. Поэтому, как только ему сказали, что Церковь – это поповский обман, очень многие перестали верить и в Бога. Ибо если Церковь – обман, то и Бог – выдумка.

– Время нынче особое, Антон Ильич! – продолжал он, вглядываясь в лицо собеседника, и словно стараясь то ли проникнуть в его мысли, то ли навсегда запечатлеть свои собственные в его сознании – В Евангелии оно называется «последним»....

– А отчего так, отец Адриан? – Антон впервые услышал подобное определение современной ему эпохи, и был им не на шутку заинтригован.

– Ну, если совсем просто... вот, гляди, сколько страничек недочитанных в Библии осталось: с десяток. И все! Земля живая, она Божья, и согревается она не столько теплом солнца или ярда своего, сколько теплом людских сердец, любовью человека к человеку, человека к природе, а, лучше сказать, человека ко всему сущему. Но прежде всего – любовью к Богу, вмещающей и превосходящей всякую другую любовь. Когда убывает эта, последняя любовь, все прочее тоже убывает: природа, дела человеческие.... Не зря же предсказано, что однажды и «знание упразднится». Тогда земля остынет, и наступит конец. Такие времена мы сейчас все вместе и проживаем. Жалко нас всех. Что-то еще ожидает? Живые будут скоро завидовать мертвым.

– И что же, ничего нельзя с этим поделать?

– Думаю, мало чего. Из-за одичания и ожесточения людей зримый и незримый миры сблизилась настолько, что граница между ними стала тонкой, хрупкой, почти прозрачной. Невидимая атмосфера любви, защищающая нашу духовную жизнь и наше здоровье наподобие атмосферы воздушной, истончилась и ослабла. Врата ада и рая распахнуты настезь, и человек шатается между ними, как на краю обрыва. Теперь все решается мгновенно: одна мысль, один шаг, один поступок, и выбор совершен. Господь в эти времена уже не требует от нас сугубого подвига – да и мы по скудости своей на него не способны. Дай Бог, соблюдать нам хотя бы немного – хранить веру, смиряться,

молиться, терпеть скорби и носить тяготы друг друга. Господь целует даже слабый порыв души человеческой к Себе... даже это уже сродни подвигу в нынешнем капище бесовском....

Россию – продолжал старец, обращаясь не к Антону уже, а как бы к своей душе или к неведомой, ему одному доступной духовно-пространственной дали, – ждут три страшных засушливых года, а потом смена власти.... Дальше... поля перестанут родить, и прилавки в магазинах опустеют. Люди потеряют покой и сон, и во множестве оставят свои дома, спасаясь от насильников и убийц....

Последние слова старец произнес еле слышно. Склонив седую голову над Священной книгой, он, кажется, задремал.

Антон сидел на диванчике в каком-то странном оцепенении, не смея шелохнуться. Умом он понимал всю необычность, если не сказать, нелепость происходящего: древний, как мир, монах, оплавленные, чадающие свечи под образами, убогая келья, невнятные и мрачные пророчества, так разительно несовместимые с сытой и беспечной жизнью, бурлящей за стенами монастыря. Впору было пожать плечами и уйти, оставляя этому чудаку и дальше грезить своими темными фантазиями. Но сердце не позволяло «просто так» взять, и уйти. Оно отчего-то волновалось, не принимая здравых доводов рассудка, и, похоже, жаждало узнать больше от другого, родственного ему сердца, бывшего в этой же комнате. Оно болело и страдало, Антоново сердце, измученное депрессиями и пьянством, разочарованиями и жизненными тупиками. Но при всем том оно все еще билось, все еще не сдалось, все еще жаждало правды, безотчетно угадывая в бормотании старца какие-то важные для себя подсказки.

Потом они еще минут двадцать пили чай и просто общались. Испытывая какое-то неизъяснимое облегчение вкупе с доверием к этому странному человеку, Антон, неожиданно для самого себя, поведал ему о самом тайном и сокровенном в своей жизни. О том, чего не доверял никому на свете: гибели жены и первенца, сложных своих взаимоотношениях с родителями, пристрастия к алкоголю, наркотикам и блуду, приступах суицидального отчаяния, бесконечных разочарованиях и бесплодных поисках смысла жизни, нежелании возвращаться к нормальному существованию. Старец слушал его молча и как бы отрешенно, а, дослушав, поднялся, властно установил на колени, накрыл его голову епитрахилью и произнес: «Господь и Бог наш Иисус

Христос, того благодатью и человеколюбием, да простит те, чадо Антон, грехи твои...».

Так Антон, помимо воли, впервые в жизни исповедался священнику. Потом в его жизни случилось многое: и падения «ниже плинтуса» в бездну отчаяние и греха, и сокрушенный, до слез вопль покаяния. Но, дивны дела Твои, Господи! – та, первая, сбивчивая, неподготовленная, почти случайная исповедь Псково-Печерскому духовнику оказалась глубже и проникновеннее многих других, что были в его судьбе. Она до самого основания потрясла его грешную душу, развернув ее от тьмы к свету, и в дальнейшем, в самые, казалось бы, темные и безнадежные моменты именно она лучиком надежды освещала его скорбный путь, не позволяя окончательно пасть и окаменеть много-страдальной его душе.

– Было нас тут, в Псково-Печерской лавре, десять – доверительно и будто невзначай продолжал свое повествование старец. – Отец Иоанн Крестьянкин, Николай Гурьянов, другие. Однажды собрались мы все вместе, и отец Николай, он среди нас один прозорливый был, сказал, что последним из всех умрет Адриан, и... доживет до царя. А я вот сижу тут, копчу небо, и думаю: как же мне дожить-то до этого царя, если мне уж восемьдесят три годочка стукнуло? Так-то, Антон Ильич, дорогой мой, так-то....

И опять: не понял тогда Антон глубинного смысла слов, произнесенных старцем. Не был готов понять. Но, выходит, сам того не ведая, уже был готов нести эти слова в сокровенных тайниках сердца своего: вот что, оказывается, угадал в нем (вместе с именем) отец Адриан, вот почему позвал в свою келью! Подлинное, глубинное понимание этого предвестия пришло к Антону лишь позже. Про «страшную трехлетнюю засуху» он вспомнил в 2010 году, когда Россию накрыла чудовищная, рекордная трехлетняя жара: по всей стране пылали торфяники, города задыхались от ядовитого чада, и впервые за многие десятилетия во весь рост встала угроза голода. Тогда-то он и сообразил: пророчество псковского старца потому не задержалось в его памяти, что в том, 2008-м, как и в последующие два года, ничего неординарного и трагического в стране не произошло; но ведь и Адриан не называл ему точных дат, а о засухах говорил лишь в привязке к смене власти. Она-то, эта смена, как раз и случилась в переломном 2012 году, а в течение трех лет до этого в России действительно бушевали

предсказанные Адрианом засухи и пожары. И еще: фактически уже тогда старец прозревал начало Исхода.

А эта история с царем, до которого, по предсказанию праведного Николая (Гурьянова), должен был дожить восьмидесятитрехлетний Адриан? Какого царя он имел в виду – долгожданного православного лидера России или антихриста...?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

В МОСКВЕ

На въезде в Москву, октябрь 2021 года

птицу занесло в наши края!

Капитан Федеральной службы охраны порядка (ФСОП), поеживаясь от утреннего холода, внимательно изучал предъявленные ему бумаги – путевое удостоверение и проездные документы. Он шевелил пышными буденовскими усами, качал круглой, как арбуз, курчавой головой, и время от времени даже причмокивал от усердия. Крупное, чуть одутловатое его лицо и грузная фигура, облеченная в черный мешковато-неряшливый мундир, мятые офицерские сапоги и потер-

– Хм-м, что мы тут имеем...?
Савин Антон Ильич, генерал Ар-
мии обороны... Ишь, какую важную

тую фуражку с двуглавым орлом на кокарде, совершенно не вязались с напускной важностью. Даже перекинутый через плечо «Калашников» не добавлял капитану желанной солидности. Все в его фигуре как бы говорило: за минуты до появления «Ивеки» он сладко дремал в стоявшей тут же, неподалеку будке, которая вместе с массивным бетонным дотом, зенитной установкой, шлагбаумом, несколькими бойцами ФСОП и мостом через Москву-реку отделяла столицу от пригородного района Химок. А заодно – и от всего остального мира.

Появление автобуса с общинниками в столь ранний час, очевидно, никак не вписывалось в представления капитана о счастье, и теперь вся его нелепая, бесформенная, переминавшаяся с ноги на ногу и со-

пящая на ветру фигура выражала по этому поводу сильнейшее негодование.

– Интересно было бы знать, с какой такой целью офицерам Армии обороны срочно понадобилось пожаловать в столицу? – ворчливо бурчал он, косясь на перевязанную руку Антона. В словах и манерах «бравого вояки» явно присутствовало что-то невоенное, развязно-гражданское. «Вероятно, из бывших чиновников или учителей», – предположил Антон, осведомленный о кадровых проблемах «федералов»; тот и впрямь напоминал погрузневшего школьного учителя физкультуры или труда.

– Во-первых, коллега, не офицерам Армии обороны, как вы изволили выразиться, а молодым членам нашей православной общины. Подростающему, так сказать, поколению. Это раз. Едут ребята, конечно, не одни, а в сопровождении и под защитой офицеров Армии обороны – здесь вы, безусловно, правы. Это два. Ну, а три – в бумагах же ясно сказано: цель поездки – «ознакомление с достопримечательностями города-героя». Экскурсия, в общем.

– Было бы, на что смотреть в этом городе, будь он неладен..., – немного сбавил обороты капитан и приступил к чтению заверенной копии приказа Главного штаба ФСОП, в которой всем военным и гражданским властям предписывалось оказывать представителям Армии обороны «всемерное содействие». – И чего вас только носит туда – сюда? Покоя от вас нет. Мало нам тут своих проблем; взять, к примеру, хоть наш КПП – который день без смены, ребята изголодались, помыться, пардон, и то негде...

Удостоверившись в подлинности бумаг и личности Антона, капитан продолжал ворчать уже по чистой инерции, делясь со свежим собеседником тяготами «военной службы». Досталось от него на орехе и далекому «командованию», бросившему вверенное его заботам подразделение на произвол судьбы, и бездельникам-подчиненным, и городским властям: «Снюхались с мафией и жируют, крысы тыловые». Служить в ФСОП, по его свидетельству, было делом хлопотным и неблагодарным, но все же лучше, чем сидеть без работы на копеечном пособии или перебиваться с хлеба на воду в муниципальной школе («Все-таки бывший учитель» – удовлетворенно отметил про себя Антон). «Да, и как, скажите Бога ради, прокормить семью – жену и трех детишек, если перебои нынче во всем. Даже, представьте себе, с

обычной водой. На улицу мальцов не выпустить – не знаешь, вернутся ли живыми?» Капитан не на шутку разволновался. Он пыхтел, сопел, вытирал со лба капельки пота, искательно заглядывал в глаза Антону, и, в конце концов, затребовал адрес «Подсолнухов» – единственного, по его мнению, места в центральной России, где еще можно было существовать «порядочному гражданину с семьей».

Антон почти не обращал внимания на брюзжание «коллеги» – лишь время от времени посматривал в бинокль на ближайшие окрестности: во-первых, опять разболелась раненая рука, которой, как и начальнику КПП, не по нраву пришелся промозглый утренний смог; во-вторых, капитану явно нужно было позволить выговориться; и, в-третьих, грешно упускать возможность незаметно изучить местность.

В окуляре бинокля город резко увеличивался в размерах, обнажая свои ужасные язвы. Он умирал, и с каждым годом признаки этого умирания становились все более заметными. На месте некогда шикарных торговых центров громоздились похожие на гигантских механических пауков нагромождения ржавых металлоконструкций; на одной из них виднелась чудом уцелевшая неоновая вывеска «Гранд». Кварталы элитных высоток по обеим сторонам Москвы-реки зияли пустыми окнами-глазницами, на крышах некоторых из них – обсыпанные золотистой осенней листвой березки и топольки. Если приглядеться еще внимательней, можно было увидеть, что жизнь кое-где еще теплилась и в этих руинах: на первых этажах некогда престижных домов из зарешеченных оконных рам торчали уродливые трубы вполне пролетарских «буржоек» и вился сизый дымок. Поднимаясь вверх, он прозрачной вуалью укрывал потемневшие от копоти и дождей облезлые фасады, усиливая ощущение запустения и упадка. Потомственному горожанину, Антону было больно и горько созерцать этот «локальный апокалипсис». Ему казалось, что дым из буржоек поднимается к березкам на крышах, не просто повинуюсь физическим законам, а специально для того, чтобы оттуда, с высоты птичьего полета, на пару с вечно живой природой посмеяться над наивностью людей, уверовавших, что строят свои хоромы на века, и будут преуспевать в них вечно.

«Как же быстро матушка-природа берет свое!» – подумалось Антону. Еще год назад здесь кипела жизнь – пусть нищенская, пусть беспросветная, пусть несуразная, но все же людская жизнь. Еще властво-

вал человек.... И вот всему конец! Теперь уже так не скажешь! Люди проиграли битву. Они долго держались, цепляясь за насиженные места и вспоминая о кучах купюр, потраченных на покупку этих роскошных апартаментов. Они еще уповали на чудо. Но чуда не случилось, и вот они ушли, ушли навсегда, устав от насилия, голода, холода и полного отсутствия какой-либо просвета в конце тоннеля. Ушли, отчаявшись уповать на лучшее, обессилев от рытья колодцев и топки печей остатками дорогой мебели. Бежали от добывания скудной пищи и отражения ночных налетов. От наглых, не знающих пощады поборов со стороны власть предержащих – чиновников и бандитов.

Немногие оставшиеся даже не пытались сопротивляться наступлению флоры. Наоборот, они старались использовать этот фактор в своих интересах – для того, например, чтобы затруднить подступы к своим убогим жилищам. Собранные из металлолома завалы в самом деле чем-то напоминали рукотворные джунгли, и по-своему даже гармонировали с неукротимым буйством растительности. И всюду, всюду следы отчаянных боев за пищу и тепло. Каждая стихийная баррикада на свой лад предупреждала потенциального агрессора: «Стой! Здесь дерутся насмерть!» Антон знал: если подойти ближе, в этих джунглях, как и повсюду в городе, можно натолкнуться на скрюченные, обугленные и даже объединенные останки человеческих тел – безмолвное свидетельство бушевавших здесь социальных бурь. Поэтому молодых общинников, щадя их чувства, старались держать подальше от подобных мест.

А что же наши юные экскурсанты? Воспользовавшись остановкой, они высыпали из автобуса и теперь, разбившись на группки, поедали глазами экзотическое зрелище. Многие вообще впервые в жизни увидели многоэтажные здания и то, как эти кирпично-бетонные громадины тянутся вверх, тесня и отталкивая друг друга в борьбе за сантиметры пространства. Антон догадывался: не высота этих зданий и даже не жалкое их состояние (по-настоящему понятное и досадное только ему, помнившему их прежний, горделиво-заносчивый вид), а именно теснота и плотность застройки сильнее всего поражали девственное сознание ребят – земля-то ведь, вон какая большая! Сколько кругом свободного пространства!

Признаться, Антон и сам не понимал, что за неведомые и неодолимые силы из века в век затягивали людей во все более тесное, удуш-

ливое и разъединяющее городское жительство, в толчею улиц, домов и стадионов? Удобства? Развлечения? Теплые туалеты? Вода из-под крана? Но разве уют индивидуального «стойла», хотя бы и защищенного стальной дверью, стоил кошмара чудовищных транспортных заторов, людских водоворотов и ежедневных бытовых склок, назойливой, пошлой рекламы и атмосферы угрюмой недоброжелательности, пронизывавшей каждую пядь мегаполиса? Насколько же должно быть исковеркано и отравлено человеческое естество, чтобы вот так – бездумно и безответственно – отречься от здорового чувства достаточности, свободы и безопасности, которое даруется только близостью к природе?

Деньги! Все дело в деньгах! Мамона правила бал в той, бывшей Москве. Порабощенные страстью наживы, а, точнее, укрывшимися за нею темными духами, мэры и их жены, банкиры и застройщики, депутаты и шоумены – гурьбой нажились на сладостный пирог инвестиционного строительства. Взятки и угрозы сметали любые препятствия, встававшие на их пути: законы, генпланы, даже элементарный здравый смысл. Бульдозер и клерк с «предписанием о сносе», зажатом в потных лапках, цинично игнорировали протесты жителей и сиротство детишек, лишавшихся одной спортплощадки за другой. Метры, метры, метры!... Пиастры, пиастры, пиастры!... Город сошел с ума, оглушенный и ослепленный золотым инвестиционным дождем. И росли, как поганки по осени, все новые и новые элитные кварталы, и теснили собою тенистые парки, отбирая у людей скудное жизненное пространство, отравляя воздух, насилуя и без того перегруженные ветхие инженерные сети и блокируя транспортные магистрали. Город стонал и хрипел под этим прессом, но никого это особо не смущало: деньги к деньгам, деньги к деньгам! На истощенном теле мегаполиса днем и ночью ревели экскаваторы – мажордомы инвестиционного пира во время чумы. Чуть не ежедневно с помпой и разноцветными шариками открывались новые супермаркеты и бизнес центры. Политические лилипуты и думские карлики с экранов телевизоров славословили самих себя. Ломились от буйной пивной толпы стадионы и концертные площадки. «Россия – оле, оле, оле! Россия – вперед! Хлеба и зрелищ!» – редела в исступлении толпа, и бывшие комсомольцы – нынешние хозяева жизни, с избытком давали ей того и другого. Бурлила, бахвалилась несправедным богатством, упивалась хмельным

угаром либеральная «столица греха». Гудели, как осиные гнезда, пропитанные кокаиновым духом ночные клубы. Кривлялись и глумились над всем святым Петросяны и Ксюши Собчак. Упивались невиданной свободой извращенцы всех мастей, оскорбляя одним своим дыханием могилы великих русских царей, духовидцев и полководцев. А по утрам тысячи хмурых, испитых и ожесточенных «ночных бабочек» заполняли вагоны метро, чтобы, отоспавшись, встретить очередной постылый день и столь же постылую хмельную ночь.

Антон на всю жизнь запомнил странное, ни с чем несравнимое чувство тревоги и обреченности, которое охватывало его всякий раз при въезде в гибнущую Москву: казалось, весь город накрыт был мерцающим фиолетовым колпаком, сотканным из миллиардов искр страха, гнева, алчности и боли. Свободное от иллюзий сознание верующего человека (тогда он уже начал постигать азы святоотеческой «науки о человеке») не могло не содрогнуться при пересечении незримой черты городского владычества. «Город это страшная сила» – вспомнились ему тяжелые, как свинец, слова немца-бродяги из культового фильма его молодости «Брат». Не одно столетие Москва как «вавилонская блудница» заманивала в свои сети и безжалостно растлежала души наивных провинциалов. Сколько их, искателей «сладкой жизни», сгнуло в ее чертогах и притонах?! Сколько изломанных судеб и опрокинутых надежд легло на алтарь мнимого успеха и проклятой «звездной болезни»? Даже те немногие из бесконечной череды соискателей «звездного счастья», кому вроде бы повезло ухватить свой выигранный билет и выбиться в люди, – даже они, в конечном счете, оказывались в проигрыше, губя для вечности свои нетленные души. Впрочем, почему только для вечности? И в этой, земной жизни «люди элиты», оплачивая карьерный успех совестью и грехом, успевали сполна познать цену отпадения от Бога. Она, эта цена, представляла им то ожесточенной и одинокой старостью, то преждевременной гибелью детей и близких, то неизлечимыми недугами. Город никому не давал пощады. Не давал он и подлинного счастья – и не потому, что не хотел дать, а потому, что счастья в нем попросту не было.

И все же Антон продолжал чтить и любить свою Москву. Но не эту – ту, другую. Город своей юности. Он сентиментально тосковал по временам, когда щиты с надписью «город-герой Москва» встречали всех приезжих, заставляя сильнее биться сердца и робких провинциа-

лов, и заносчивых иностранцев, и самих москвичей. Он живо помнил годы, когда автомобили считались по пальцам, а автобусы ходили строго по расписанию – переполненные в часы пик и пустые в дневное и вечернее время... Жизнь тогда подчинялась железному распорядку, лишь впоследствии, с легкой, шулерской руки либералов, обозванному тоталитаризмом и рабством. («Причем здесь рабство – размышлял Антон, – если так называемую свободу личности те же либералы залили свободой лжи, а общественный порядок, основанный на морали, заменили еще более жесткой тиранией денег?») Ранним утром десятки тысяч рабочих штурмовали подножки общественного транспорта. Чуть погодя из парадных подъездов степенно выплывала служилая интеллигенция со своими портфельчиками. В те времена многие инженеры, учителя, учёные ещё носили шляпы. На них поглядывали почтительно – уважаемые люди! Чаше, чем теперь, на московских улицах встречались и люди в военной форме. Подтянутые и строгие они не старались спрятаться в толпе. Их чтили ничуть не меньше, чем обладателей солидных шляп: защитники Отечества! К полудню город вымирал. В это время он переходил в распоряжение бодрых пенсионеров, совершавших километровые марш-броски по магазинам. А с двух-трех часов пополудни столицу захватывали школьники. Они шумели во дворах и на спортивных площадках, а кто постарше – просто фланировали по улицам, покуривая для форсу. Наконец, с шести часов улицы вновь заполнялись усталыми взрослыми, возвращавшимися с работы. В магазинах – толчея, на автострадах – «волги» и «жигули» многочисленных частников. К девяти вечера дворы окончательно пустели. В квартирах зажигались люстры и телевизионные экраны. На улицах оставались только подгулявшие компании и редкие собачники. А к половине двенадцатого смолкали и телевизоры, гасли окна. Город затихал и засыпал, набрасывая планы на будущий день. В это время прохожих можно было встретить не чаще, чем в пустыне Сахара.... Конечно, если не считать пятниц, суббот и пяти праздничных дней в году.

Так было во времена его, Антона Савина, молодости, при советской власти. Во всем тогда чувствовалась надёжность, предсказуемость и необратимость житейского уклада. Он прекрасно помнил себя семилетнего, с ключиком от квартиры на шее вместо положенного крестика. Их квартира была коммунальной. Отец с матерью целыми днями

пропадали на работе, и, возвращаясь из школы после уроков, он первым делом забегал к соседке тете Любе, которая кормила его супом и усаживала за тетрадки. Потом у других соседей – дяди Семена и тети Сары – он смотрел по телевизору мультфильмы, и от них отправлялся в детский сад за четырехлетней Зойкой. Тщательно проверив домашнее задание, тетя Люба отпускала его погулять, и со стайкой таких же, как и он сам, сорванцов Антошка с риском для жизни плавал на весенних льдинах по Москве-реке, раскапывал заброшенные могилы на старом кладбище и лазил за графитом под Кутузовский мост. Зачем им тогда понадобились эти графитовые стержни, хранившиеся в ящике у каменной опоры моста, он уже вспомнить, хоть убей, не мог, а вот заряд соли, полученный от пожилого охранника с берданкой, врезался в память на всю жизнь. Мать в тот день легла спать пораньше, и ни о чем в итоге не догадалась, а бравый «охотник за графитом» Антоша Савин, стиснув зубы, чтобы не закричать от боли, до утра отмачивал мягкие ткани в тазике с водой. И все же жизнь была прекрасна! Жили дружно, по сути, одной семьей-коммуной, иногда ссорясь, чаще же делясь, и поддерживая друг друга. Жили не богато, но достойно – с каким-то непередаваемым чувством осмысленности и теплоты, на котором, наверное, еще лежал слабеющий отпечаток единения военных лет.

Потом – птица-тройка-перестройка: злыми ветрами налетели горбачевы-ельцины и гайдары-чубайсы... и всё смешалось. Через несколько лет либеральных реформ улицы Москвы заполонили дорогие автомобили новых «хозяев жизни» в малиновых пиджаках. Люди стали толпами слоняться по улицам, и приезжих среди них почему-то стало больше, чем коренных москвичей. Жизнь по заводскому гудку канула в небытие. Уклад сломался. Город начал задыхаться и болеть, и, как и всякий больной организм, он все настойчивее подавал сигналы бедствия. Взрывы и транспортные коллапсы, вспышки вандализма и отключение электроснабжения, торфяные пожары и террористические атаки... – горожане воспринимали эти события, как и положено, – с всевозрастающей тревогой; власти же юлили, и всякий раз искали способы отвлечь внимание населения телевизионной «липой», скрыть истинные причины и масштабы происходящего.

И вот все рухнуло.... Сейчас он въезжал в опустелый и разбитый город, от которого остались только воспоминания.

– О чем призадумался, Антон Ильич? – выговорившись, капитан успокоился, и теперь благодарно заглядывал в глаза генералу, возвращая его на грешную землю.

– Так, вспомнились молодые денечки....

– Родом, значит, отсюда? Москвич?

– Ага, во втором поколении. Родители еще до войны переехали в столицу из-под Рязани. – Антон не боялся сказать лишнего: как ни плохи дела у «федералов», а архивы у них содержатся в полном порядке, и «пробить» по фамилии его досье не составляло для них ни малейшего труда; он и сам «по случаю» (проще говоря, за взятки) периодически прибегал к этим же источникам.

– По пути, надеюсь, проблем не было? Спокойно добрались? – вопрос капитана прозвучал буднично, но Антон вновь, как и в разговоре с «Сократом», невольно напрягся.

– Куда уж спокойней? Сушая безделица – вооруженная засада да пара-тройка случайных обстрелов.

– Шутить изволите?

– Это как посмотреть – уклонился от прямого ответа Антон. – Сейчас, дорогой капитан, только шутками и остается утешаться. Кстати, вот адресок – это наш сборный пункт в Новоспасском монастыре, что на Таганке. На всякий пожарный. Если надумаете уезжать из Москвы, обращайтесь прямо туда. Там помогут.

– Спасибо, господин генерал, спасибо дорогой Антон Ильич. Не смею больше задерживать. – Капитан, похоже, действительно был тронут вниманием к своей персоне. Спрятав драгоценный адресок в нагрудный карман, он снова напустил на себя важный вид: со стороны области к КПП приближался караван тяжелогруженных фур. – Мой вам добрый совет, Антон Ильич, в городе держитесь ближе к центральным улицам. Избегайте подворотен и незнакомых мест, особенно вблизи вокзалов. После шести – семи вечера на улицу ни ногой. С двадцати ноль-ноль и до шести утра действует комендантский час. Ситуацию мы, конечно, стараемся держать под контролем, но... вы ведь меня правильно понимаете? Лучше она, ситуация эта, увя, пока не становится. В общем, удачи вам. Если что, обращайтесь в районные комендатуры ФСОП – они есть во всех районах и отмечены флагом с такой же, как у меня, эмблемой. (Он не без гордости продемонстрировал нашивку на рукаве с двуглавым, как и на фуражке, орлом).

Антон вполне искренне пожал рыхлую, чуть влажноватую руку бравого капитана и, оглянувшись, мигнул Сеньке. Тот нырнул в чрево автобуса, и через несколько секунд уже вручал зардевшемуся «федералу» пакет с самой ценной после Исхода валютой – добрым куском копченого сала, буханкой ржаного хлеба и бутылкой с таинственной прозрачной жидкостью без названия. Такая щедрость в голодные годы могла бы показаться и излишней, даже расточительной, но тут имелся свой скрытый расчет: на обратном пути из Москвы благорасположение капитана и его «дружины» нашим путешественникам очень даже могло еще пригодиться.

Настя

Автобус встретил Антона теплом и покоем. Крис безмятежно спал – московские (как, впрочем, нью-йоркские, парижские и иже с ними) виды его нисколько не трогали: эка невидаль? А раз так, чего попусту тратить время? Сенька восседал на своем привычном месте за штурвалом. Молодежь, несколько подавленная первыми впечатлениями от «города своих грез», тихо перешептывалась в темной глубине автобуса. Рука продолжала нить, и Антон, как ни старался, не мог подобрать ей удобного положения.

– Антон Ильич, разрешите? – Фигура в бежевом стеганом пуховике и походной аптечкой в руках показалась в проходе и робко коснулась его плеча.

– Настя?! Откуда ты? Почему не дома?

– Так вышло, Антон Ильич, извините. В последний момент тетя Тоня согласилась меня подменить, да и дедушке стало легче, вот я и собралась скоренько....

Антон машинально кивнул в ответ, и девушка по имени Настя приступила к работе: сделала инъекцию антибиотика, ловко срезала побуревшую от крови повязку и обработала рану. Она что-то тихо ему говорила, интересовалась, не больно ли ему, а он даже не слышал ее голоса – все никак не мог прийти в себя от потрясения. Только ее здесь не хватало! Господи, ведь ее же могла задеть шальная пуля там, в лесу! Что за наваждение?! Как она вообще очутилась в автобусе – ведь он лично вычеркнул ее имя из списка «экскурсантов»? Как, наконец, его, старого олуха, угораздило не заметить ее раньше – в салоне и на привалах?

Наваждение состояло, конечно, не только и не столько в его недогляде, сколько в недолгой истории их странных, напряженно-волнительных для обоих отношений. Эта тоненькая, как стебелек, сероглазая и улыбчивая тридцатилетняя женщина из переселенцев последней волны, больше года работавшая детским терапевтом в поселковой поликлинике, незаметно, но прочно вошла в жизнь генерала Савина. Причем не просто в круг его внешнего, формального общения – это бы еще куда ни шло, это бы еще полбеды! Нет, в тот узкий, суверенный, от всех и вся, кроме него и Бога, наглухо закрытый мир тайных его мыслей и переживаний, снов и чаяний, который, как он считал, никогда уже не будет доступен женским чарам.

И вот на тебе! Случилось!

Строго говоря, никакого романа между ними не было. Даже не намечалось. Бывали короткие, на бегу встречи и мимолетные, односложные приветствия. Случались взгляды, от которых у Антона перехватывало дыхание и, как когда-то давно, когда он учился в четвертом классе и бредил десятилетней соседкой Галей, мучительно екало и падало в бездну сердце. Он пуще смерти боялся этих мгновений и, как мог, старался избегать их. «Старый пень, – ругал он себя в такие моменты, – дожил до седых волос, а все туда же! Седина в бороду – бес в ребро! Вообразил себе, Бог знает что, и это в твои-то без малого шестьдесят. А теперь маешься, как школьник на выпускном балу! Выбрось ее из головы – поди, и не замечает она тебя! И правильно делает, что не замечает!» Эти «аргументы» на короткое время смягчали остроту его мук, и ему даже начинало казаться, что «болезнь» прошла стороной, что это всего-навсего эмоциональные срывы – что-то вроде «мужского климакса». Колкими, ехидными и унижительными выпадами в свой собственный адрес он доводил себя до такого стоического бесчувствия, что и вправду начинал ощущать себя хозяином положения, отшельником, чуть ли не «монахом в миру». Но... очередная мимолетная встреча с Настей в пух и прах разбивала эту цитадель из песка. И все начиналось сначала – новый круг сомнений и самобичеваний, новые «за» и «против» – с той лишь разницей, что, как человек бывалый, в глубине души он вполне сознавал уже обреченность своего положения. Достойного выхода, как ни крути, не находилось, и он из последних сил продолжал сопротивляться натиску своей тайной и, видимо, последней любви, но уже больше по инерции, из одного

только вредного чувства противоречия, знакомого каждому старому холостяку.

Антон никогда не слыл ханжой, и таковым себя не считал. В его бурной и ухабистой жизни присутствовали женщины. Много женщин. Разных женщин. Дважды он был официально женат: первая жена, Наташа, с которой он учился на одном факультете МГИМО, не дождавшись его возвращения с чеченской войны, ушла к преуспевающему советнику МИДа. Вторая – Люба, страшно и нелепо погибла в автокатастрофе, унеся с собой на тот свет жизнь его первенца-сына. Тогда он на свой лад начал мстить судьбе-злодейке: со всего маху нырнул в глухой алкогольно-наркотический загул – благо фронтовые «гонорары» долго не переводились, а разжиться «зельем» в той, гламурной и развратной Москве не составляло ни малейшего труда. Сначала он пропадал в ночных клубах, и даже на короткое время сделался популярной фигурой в одной богемной киношной тусовке. Но деньги как водится кончились, дружки куда-то поразбежались, и Антона ничто уже не могло удержать от сползания на самое дно жизни, где его приняли грязные притоны, второсортная «дурь» и однодневные «подружки». Он был обречен и знал это. Знал, но почти не сопротивлялся. Жизнь для него потеряла всякий смысл. Лишь в редкие моменты просветления, когда осколки нравственного чувства и животный инстинкт самосохранения ненадолго выталкивали его из горького забытья, он вяло пытался взять себя в руки. Пару раз даже пробовал начать все сначала. Но и тут его ожидало горькое разочарование. Мысль, бывшая над поисками выхода из онтологического тупика (в самом деле, что за месть судьбе – взять билет и не поехать?), начинала пробуксовывать всегда на одном и том же месте. Ему упорно казалось, что смысл бытия отсутствовал не только в его теперешнем мерзком существовании, но и в той, «правильной» жизни, которую он когда-то так старательно вел, примерно учась, работая и защищая Родину. И еще одно обстоятельство мешало ему протрезветь и встать с колен: он считал, что родина, которая встретила его по возвращении с войны, не стояла пролитой им в Чечне крови....

...– Спасибо тебе, Настюха, – спасла руку мою от верной ампутации! Быть тебе великим хирургом! – боль отпустила, и Антон, отогнав «лишние» мысли, старался теперь принять в разговоре с девушкой тот начальственный и немного ироничный тон, которого всегда держался в общении с острой на язык молодежью.

Она ничего не ответила. Собрала свой чемоданчик, и перед уходом кратко и пристально посмотрела ему прямо в глаза. И столько в этом взгляде было понимающей и извиняющей нежности, столько любви и заботы, что Антон тут же пожалел о своей глупой мальчишеской браваде.

Чтобы как-то отвлечься, он посмотрел за окно. Занимался серый день. С неба сыпался легкий, как пух, первый снежок. Ветер гонял его по тротуарам, оставляя тут и там причудливую белую рябь. КПП растаял за рекой. Старательно объезжая рытвины, мало чем отличные от лесного бездорожья, автобус начал углубляться в окрестности Речного вокзала. Серыми громадами брошенных домов город все сильнее окружал и сжимал его, словно насильно вталкивая механическую колесницу в свое каменное чрево. Прильнув к окнам, юные общинники во все глаза поедали разрушенные кварталы, безликие, опаленные огнем дома, неухоженные парки с развороченными тротуарами и скелетами разграбленных палаток, ржавые останки некогда роскошных иномарок, кучи никому теперь не нужного офисного хлама, обнаженные обрубки манекенов. Особенно тягостно было видеть обезглавленные и разоренные храмы – тоже дело рук человеческих.

Местность вокруг, если не считать бродячих собак, была совершенно пустынной и унылой, усеянной битым стеклом, мусором и обрывками каких-то проводов. Редкие прохожие, издали завидев автобус, спешили свернуть в сторону ближайшего укрытия, а потом долго вглядывались ему вслед. Упреждая любопытство аудитории, Сенька, как опытный экскурсовод (это была его третья поездка в Москву), пояснил, что регулярный общественный транспорт, как и большая часть коммунальных и инженерных служб, в городе давным-давно не функционирует, автомобили же чаще всего принадлежат властям или бандитами – и те и другие одинаково опасны для случайного пешехода. Вот люди и стараются сторониться дорог: никто не застрахован от шальной очереди из встречного грузовика, джипа или темной подворотни.

Умиротворенный перевязкой и анаболиками, Антон машинально слушал рассуждения Сеньки и следил за дорогой, сам же мыслями вернулся к событиям вчерашнего вечера.

На постое у дяди Миши, днем ранее

После лесной засады неприятности на время оставили общинников. Слегка потрепанный автобус

до наступления темноты добрался до своего промежуточного пункта назначения – деревни Дурыкино, что километрах в сорока от Москвы. Здесь с незапамятных времен находилась одна из старейших в Подмоскovie православных обителей с необычным названием ТИЛЬ (Терпение, искренность, любовь). Обитель слабых и отверженных – наркоманов, алкоголиков, бомжей и престарелых уголовников.

Глава общины – Михаил Федорович Морозов или попросту дядя Миша, давний друг Антона, частенько принимал у себя экскурсии из «Подсолнухов». «По благу» – посмеивался он, пряча хитринку в окладистой с проседью бороде. Плотный, лысоватый, по-медвежьи кряжистый он и на седьмом десятке прожитых лет умудрялся сохранять юношескую живость ума, недюжинную физическую силу, а главное – какую-то феноменальную, почти детскую наивность и простоту, которой в свое время наповал сразил Антона, сделав своим вечным тайным почитателем.

Наблюдая за тем, как молчаливые «подшефные» дяди Миши устривают усталых путешественников на ночлег, как, предвкушая отдых в настоящих постелях, повеселевшие «чижики» сметают со столов нехитрый, но сытный деревенский ужин, как Сенька насыщает своего «стального коня» первосортным дизельным топливом, а «юные спартанки», уговаривают (и уговорили-таки!) хмурого Криса разрешить им попариться в русской бане, Антон мыслями вернулся к обстоятельствам своего знакомства с дядей Мишей.

Было это – страшно сказать! – аж тридцать лет тому назад. В тот промозглый осенний день он, студент столичного вуза, блуждая с корзиной по подмосковному лесу, случайно набрел на деревню со странным названием «Дурыкино». Постучался в первый попавшийся дом и спросил, как выйти к Ленинградскому шоссе. С радостью принял приглашение радушного, кряжистого, могучего, как медведь, хозяина обсушиться и выпить чайку на дорожку. Так и познакомились.

С первого дня знакомства Морозов до глубины души заинтриговал Антона. Его непредсказуемые поступки, свободная и раскованная манера говорить и загадочный отшельнический образ жизни никак не вязались, в представлении юноши, со стереотипом «успешного жите-

ля» мегаполиса, вся философия которого должна была бы строиться по принципу «нападай или беги!». Что побудило удачливого дельца пренебречь благами цивилизации, удалиться в глушь и посвятить всю свою жизнь алкоголикам и наркоманам – людям во всех отношениях никчемным, падшим и безнадежным: строить для них дома, налаживать быт, поднимать хозяйство, возиться с ними, как с малыми детьми, переживать их неудачи, не спать по ночам?

Эти вопросы буквально истязали рациональный ум Антона, сбивая его с привычного ритма, лишая самоуверенности, а порой и ночного сна. Ни одно объяснение в рамках стандартной, линейной логики здесь не годилось. Но жадный рассудок городского интеллектуала, привыкшего всему искать и находить «разумное» объяснение, требовал немедленного и четкого ответа. Антон злился, так и этак осаждал своего нового друга, добиваясь признания... и ничего! Морозов, конечно, видел маету Антона, и в тайне, возможно, даже слегка подтрунивал над ним. Он-то отлично знал, в чем дело: молодой, замороженный цивилизацией «умник» просто не может принять его правду. Не может или не хочет расстаться со своими иллюзиями, увидеть жизнь не такой, какой бы ему хотелось ее видеть, а такой, какой она была на самом деле. «Мудрость мира сего есть безумие пред Богом» – соответственно, и все божье, все благое и здоровое, все даруемое, а не отбираемое в этом земном мире воспринимается стандартным (читай – больным) сознанием как вопиющее нарушение общепринятых норм и устоев. Почти как умопомешательство. Объяснять эту асимметричность восприятия одного и того же явления, одной и той же реальности людям, подобным Антону – тем более, в категориях духовных – совершенно бессмысленное занятие: для них это все равно, что китайская грамота. Еще древние святые отцы предупреждали: *недуховному говорить о духовном – только смешить его*. Единственное, что в этой ситуации Морозов еще мог себе позволить, – как-то привлечь внимание юноши к личности Христа. Язычник – он ведь, что малый ребенок, – без яркой погремушки и не подумает повернуть головы в нужную сторону. Следуя широкой дорогой безбожного бытия, бытовой атеист не в состоянии без посторонней (прежде всего – Божьей) помощи излечить «врожденный вывих» своего примитивного мировосприятия, сосредоточить рассеянное свое внимание на вещах глубинных, внутренних, скрытых от суетного взора, сверхъестественных. Куда легче,

по устоявшейся привычке, блуждать в безликой матрице иллюзий, за которыми нет ровным счетом нет ничего подлинного.

Морозов вел Антона к пониманию сути своего служения Богу и людям деликатно и самокритично. Он и не думал скрывать, что до создания обители сам «чуть душу не продал Бахусу». Что, находясь «в завязке» уже без малого четверть века, продолжал считать себя запойным алкоголиком, способным в любой момент сорваться с добровольно наброшенной на себя цепи. Что именно с позиций собственного опыта взялся помогать другим, таким же, как и он сам, оступившимся людям. Что вовремя опомниться и повернуть вспять – еще не значит навсегда избавиться от сетей и искушений «зеленого змия».

«Бог меня, Антоша, уберег! Спас от этой напасти!» – признавался он с горечью, но ссылки на неведомого Бога либо пролетали мимо ушей Антона, либо даже вызывали в нем глухое раздражение. Какой еще Бог? Что это такое? При чем здесь мистика и символика? Юноша был уверен: Морозов от него что-то скрывает, и ссылками на Бога, судьбу и таинственное служение лишь ловко маскирует вполне конкретную и земную причину своего добровольного затвора: личную драму, разочарование, философскую идею, страх, расчет или что-то еще в этом же роде. В его узко атеистическом миропонимании идея Бога выглядела слишком размытой и чересчур абстрактной, чтобы поместиться в «спичечный коробок» его рациональных суждений, и уж, тем более, дать сколько-нибудь удовлетворительное объяснение разрыву человека с успешной жизнью.

«Видишь ли, парень, – говорил ему дядя Миша под чаек, греясь у открытой дверки русской печи и наслаждаясь треском поленьев и видом пляшущего огня, – Бог к людям не просто праведен. Он, прежде всего, милостив и человеколюбив. Любовь Его к нам, грешным, безгранична – и ко мне, и, поверь, к тебе тоже. Ты этого еще не знаешь, для тебя это общие малозначащие слова, но, поверь, наступит и твой черед.... Будь Бог только праведен, будь Он только справедлив по нашим, земным меркам, Он должен был бы удавить меня, негодного, прямо в материнской утробе. Эх, знать бы заранее, сколько грязи, лжи и преступлений должен принять на душу человек, рвущийся к легким деньгам!... Господи, чего только я не вытворял в своей жизни?...»

Дядя Миша качал массивной головой и надолго погружался в свои мысли, отхлебывая чай из граненого стакана с затейливым, старинно-

го вида подстаканником. Блики огня играли на румянном округлом его лице, отражались в бороде и серых с дымкой глазах; горькими своими воспоминаниями в такие секунды он был, очевидно, далеко – не здесь, не в этом деревенском срубе на краю подмосковной деревни, а где-то там, в таинственном своем «крутом» бизнесе – с его чертогами, банями, разборками и смертными грехами. «В денежных делах, брат, так: назвался груздем – полезай в кузов. Либо ты, либо тебя. А что я? И я не исключение. Надерзил, наблудил в своей жизни так, что и вспоминать тошно. И знаешь? – теперь я убежден, что Бог меня алкоголизмом-то этим, пожалуй, как раз и спас... остановил что ли, выдернул в последний момент из ямы беспросветной, куда катился я по дурной своей воле. Я и впрямь в те годы был вроде как заколдованный. Ни советов, окаянный, ни доводов ничьих не принимал. И слышать не хотел! Гордым был, своевольным. И ладно бы еще сгорел где-нибудь на очередном крутом вираже, или пулю схлопотал на «разборке» – так нет же, как назло, все у меня получалось. Деньги сами шли в руки – будто их черти мне на лопате подгребали.... Так вот и летел я под уклон, все быстрее и быстрее. И долетел бы, будь уверен, до самого конца – недалече уж было... если бы не Господь-Спаситель. Он, Антоша, все прозревает. Как это происходит в действительности, никому из нас знать не положено. Не дано. Святые отцы об это конкретно говорили: *не полезно человекам сие знание*. Великая тайна – действие Промысла в мире. Выше всякого разумения! Только знай, друг мой, – душа твоя у Него, как на ладони. Он ее видит всю насквозь, понимает тебя лучше, чем ты сам себя понимаешь. От Его взгляда не укрыться. Человек может спрятать что-то от другого человека, от закона и даже, при известных стараниях, от самого себя. Он может подобрать кучу оправданий и объяснений любым своим злодеяниям. Но Бог видит не то, что мы себе (или о себе) воображаем, а то, что творится в наших душах на самом деле, на уровне тончайших побуждений, которые лежат в основе всех мыслей, слов и поступков, и которые, в конечном счете, определяют, куда склоняется душа – к добру или к злу. Поэтому Бог и величается Истиной, то есть тем, что *есть на самом деле*. Он величается Сутью – не формой. Правдой – не ложью. Благом – не злом. Мудростью – не глупостью. Жизнью – не смертью. Человеческая душа – это тебе не какая-нибудь абстрактная сущность. Нет! Отцы учат, что душа – важнейший орган двусоставного человеческого

естества. Орган, заметь! И главная ее задача – поддерживать двустороннюю связь индивида с Творцом. Но и это еще не все. Душа выполняет множество других ключевых функций. Каких? Например, она призвана играть своеобразного самописца – фиксировать любые наши мельчайшие исходные побуждения, мысли, эмоции.... И ей, душе то есть, безразлично, в какие «наряды» лжи и самооправдания (той же лжи, только вид сбоку) мы облакаем эти свои побуждения, сознаем ли мы их, помним ли о них или забываем. Процесс «записи» идет автоматически, идет всю жизнь, и ничего с этим поделать нельзя. Душу, если хочешь знать, даже невозможно убить, чтобы прервать этот процесс. Тело (Боже, конечно, упаси!) умертвить еще можно. А вот душу – никак. Неподвластна она произволу смертных. Ибо... душа вечная. И именно она – а не деньги, власть или брменная слава – является единственным итогом и мерилom нашей краткой жизни, когда настает ей время разлучиться с отмирающим телом. Вот взять, к примеру, хоть тебя. Ты уверен, что Бога нет. Доказать это, конечно, не можешь... – не можешь, не можешь, не спорь со старшими! До тебя уже многие «умники» вот с такими огромными головами пытались это сделать. Чтобы доказать небытие Божие, тебе пришлось бы для начала облететь все триста (или сколько их там?) миллиардов звезд во вселенной, и заглянуть под каждый камешек, расщепить каждую ветку. И даже в этом случае ничего ты не докажешь. Ибо Бог есть дух, Он – сущее, и мы – Его творения, мы пронизаны Его Духом, иерархически подчинены Ему, и уже хотя бы поэтому нам никогда не удастся постичь Его до конца».

Антон вглядывался в раскрасневшееся, разом помолодевшее и просветленное лицо Морозова, и признавал, что этот значимый для него человек не пересказывает ему некие абстракции, а делится чем-то для себя бесконечно важным, главным, сокровенным и выстраданным. Сила, исходившая в такие моменты от дяди Миши, увлекала и самого Антона, она нежно и властно обнимала его сознание, дрожью пробегала по жилам и нервам; рассудок затихал, даже не пытаясь противиться ее действию. Все существо Антона замирало и нежилось под этим новым для него ощущением, которое несло душе не боль и страх, не смущение и тревогу, а мир и покой. Возможно, в один из таких вечеров, проведенных у дяди Миши, Антон незаметно для себя переступил-таки грань, отделяющую бытового атеиста от интуитивно

верующего; тем не менее, прошел еще не один год, прежде чем первая эйфория и первое, робкое «чувство Бога» переросли в глубокую, осознанную веру. В самоопределение души.

«... Так-то, друг мой, Антон, – заключал, вздыхая, Морозов, – Господь для каждого из нас, что хирург: чем тяжелее у человека духовная немощь - нищета духа (как ее именовали Святые отцы), тем серьезнее и болезненнее Его лечение. Со временем ты тоже поймешь, что посланные тебе скорби и страдания не губили и не карали тебя, а исцеляли и спасали. А поначалу и у меня бывали разные мысли: мол, за что же Он меня так-то?!»

Неисповедимы пути Господни! Тот давний разговор ярко всплыл сейчас в памяти Антона – будто состоялся он не четверть века назад, а только вчера. Тогда-то по молодости, он не понял и не принял, считай, ничего из сказанного дядей Мишей. Не внял ожесточенным своим, теплохладным сердцем горячей исповеди старшего друга. Не готов был. Мало того, про себя даже пару раз мелко, по-мальчишески съехидничал: «Чудит старик, с жиру бесится!» Категории веры, судьбы, Бога, Промысла, покаяния, вечной жизни были для него, столичного повесы, не более чем абстракциями, не имевшими к его личности (да и к окружающей жизни вообще) ровным счетом никакого отношения. Ему еще предстояло пройти свой путь, пережить свои горькие испытания, чтобы лицом к лицу столкнуться с реальностью обоих миров – зримого и незримого. Ждало его в будущем и необходимое, пророчески предугаданное дядей Мишей *«вразумление свыше»*. Но не такое, как у Морозова. Другое. И это тоже понятно: у каждой души своя судьба, своя «наука из наук», свой выбор.

Морозов нащупал «узкий путь», пройдя сквозь кровавую мерзость мамоны и горлышко бутылки. Антон – искал и обрел-таки свой, глотая пыль чеченских дорог и кокаиновый смрад московских притонов. Ни тот, ни другой не предпочли легкую смерть изрядно опостылевшей жизни, хотя оба не раз стояли перед этим страшным, бесовским искушением. Оба выбрали жизнь и борьбу. Оба выдюжили, выжили, вырвали себя за волосы, подобно барону Мюнхгаузену, из трясины греховного бытия и... удостоились целительного Божьего прикосновения.

Много лет спустя в «Подсолнухах» отец Досифей как-то высказал Антону мысль о том, что появление накануне Исхода тысяч таких,

как Морозов, подвижников, людей «не от мира сего» стало явлением отнюдь не случайным. На рубеже второго и третьего тысячелетий от Рождества Христова зло в России торжествовало. Да еще как торжествовало! Нагло, вызываяще, победно, всеохватно! Оно не пряталось. Наоборот, с удовольствием выставляло себя напоказ. В чем именно? В лукавой политике властей, допустивших не только открытое глумление над традицией и культурой великой православной страны, но и духовное растрепывание целого поколения российской молодежи, оставшегося в анналах истории под ярлыком потерянного «поколения пепси». В чудовищном разгуле язычества, нигилизма и сатанизма. В социальной апатии, убывании населения, расколе страны. В развале армии, хозяйства, науки...

Обильно финансируемая из неведомых источников «культура греха» заполнила собою все мыслимые и немыслимые эфиры, сети и коммуникации, взнузда и поставила себе на службу научно-технический прогресс, искусно смешала смыслы и ценности, тысячами ядовитых духовных сорняков загадила ниву народного образования. Нигде и никогда в мире разгул нигилизма не достигал такой мощи и концентрации, координации и напора, как в постсоветской либеральной России.

Слабыми и разрозненными на этом фоне выглядели очаги духовного сопротивления. Но впечатление это, по словам отца Досифея, было поверхностным и неточным. Бесовское по природе зло скоро, но непрочно соединяло своих земных адептов магнетизмом страха, ненависти и зависти. Подлинное же, от Бога, добро, напротив, во все времена было обособленным, разрозненным и гонимым в своем смиренном служении. Оно не рвалось к славе и наградам, не требовало воздаяния и не искало льгот, отвергая права и признавая за собой одни лишь обязанности. Служители Божьей истины во все времена искали Царства Божьего и правды его исключительно «внутри себя», боролись, прежде всего, с собственным непотребством, осуждали только свои недостатки. Мир не понимал их, гнал и осмеивал: оттого они казались еще более одинокими и уязвимыми. Но даже в этой разобщенности сил добра, как полагал старейший священник, являла себя Божья мудрость. Малые «островки спасения» труднее было уничтожить одним махом, а сила воина Христова, если он в Духе, тысячекратно превосходит потенциал любого на выбор воина тьмы. Степень же спло-

ченности воинства Христова, которое не от мира сего, измеряется не партбилетами и окладами, не ловкостью и лукавством, а святостью и неотмирностью составляющих его людей.

Духовник был первым человеком, по-настоящему посвятившим Антона в тайну зримого и незримого миров, в несхожесть их законов и непростое их взаимодействие. Благодаря его урокам, Антон учился жить как бы сразу двумя своими ипостасями – телесной и духовно-духовной. Он стал понемногу различать и уважать законы обоих этих миров, сливающихся в единый и цельный Божий мир, ощущать в себе двух «человеков» одновременно – внешнего и внутреннего, тела и души, понимать их специфические нужды и запросы (а не одного только тела, как прежде), нести ответственность за каждый свой поступок, мысль, слово.

«Господь с нами – вот главное, Антон, вот, в чем сила! Она – в правде. Ты послушай, как Он сурово предупреждает Иерусалим. Впрочем, почему только Иерусалим? Москву, Лондон, Копенгаген – любое место на земле, где предается забвению человеческое достоинство и голос совести». Старик раскрывал Библию, перелистывал страницы, находил нужное место и, поправив очки, густым басом возглашал: «... ты берешь рост и лихву и насилем вымогаешь корысть у ближнего твоего, а Меня забыл... И вот, Я всплеснул руками Моими о корыстолюбии твоем ... Устоит ли сердце твое в те дни, в которые буду действовать против тебя? Я, Господь, сказал и сделаю. И рассею тебя по народам, и развею тебя по землям, и положу конец мерзостям твоим среди тебя». Антон внимал пророческим словам, и сердце его замирало, будто он и сам в этот момент душою прикасался к вечности.

... Как всегда неспешно, Антон и дядя Миша обошли сложное хозяйство обители, которое состояло из сгрудившихся вокруг храма сарайчиков и подклетей, загонов и силосных ям, зерносушилок и мастерских. Всюду, не покладая рук, трудились худощавые и сосредоточенные «морозовцы». Чем-то они напоминали Антону бойцов его «чеченской» разведроты – такие же поджарые, серьезные, незаметные. Это только в американских боевиках «хорошие парни» обязательно должны выглядеть как перекачанные культуристы. В условиях же реального боя главными достоинствами спецназовца считаются совсем иные качества: отсутствие лишнего веса, выдержка, выносливость, наличие устойчивых боевых навыков и скорость мышления. Но

прежде всего – состояние постоянной собранности, внутренней дисциплины и контроля. Многие из этих качеств, по мнению Морозова, компенсационно, по воле Божьей вырабатывались у его подопечных. Это происходило далеко не с каждым, и лишь по мере того, как через «не могу» и «не хочу», через адские ломки и ночные бессонницы, через последний, отчаянный вопль-мольбу к Богу-Спасителю бывшие наркоманы и алкоголики вырывались из гиблой трясины. Из кругов наркотического ада никто из них не выходил прежним: вообще оттуда имелось всего два пути – в смерть или в полную реконструкцию личности. В последнем случае человек, возвращая себе облик Божий, совершая обряд мученического искупления за свое падение, и по духу становился воином Христовым. Жизнь его отныне делалась напряженно-ответственной: враг – алкоголь или наркотик, если и отступал, то на время, он всегда скрывался где-то поблизости, бродил, *«аки лев рыкающий»*, ожидая удобного случая, чтобы напасть из-за угла и вновь овладеть едва спасшейся душой. Все они, бывшие наркоманы, чтобы выжить, обязаны были, по сути, вести монашескую жизнь в миру. Как никто другой, прозревая, они понимали сущность самоотверженного служения Господу; не случайно многие из подшефных дяди Миши рано или поздно пополняли собой элитные подразделения Армии обороны.

Вот и сегодня Морозов обрадовал Антона: несколько его подопечных, бывших десантников, одолев программу «двенадцати шагов» и начальный курс святоотеческой подготовки, по благословению епископа Алексия, изъявили желание приступить к военной службе. Антон не знал, как благодарить друга. Кому, как не ему, было знать достоинства этих бойцов, сочетавших в себе житейскую опытность, всецелое упование на Бога и воинский профессионализм.

Исход явился не карой Господней, но лишь целительным планетарным актом Промысла Божия в отношении заблудшего человечества. «Вавилонская башня» мнимого благополучия рассыпалась вдребезги. Как дым развеялись лживые ценности и надежды обреченной цивилизации. Вновь, как и во времена столпотворения, разбрелись во по миру обезумевшие народы. Святые же угодники и подвижники, вроде отца Досифея и дяди Миши, а с ними тысячи верующих, соединились, чтобы помочь колеблющимся и страждущим найти путь, ведущий в жизнь.

– Молитвами святых отец наших, Господи помилуй! **Новоспасский монастырь, первый день в столице**

– Аминь – глухо отозвалось из-за дубовой двери, и Антон вступил под своды приемного покоя владыки Феогноста.

Тишина и мрак окружили его. Со стен просторной кельи на генерала строго взирали подсвеченные лампадами лики святых. В дальнем правом углу расположился массивный, красного дерева письменный стол наместника, за ним во всю стену – книжные стеллажи и небольшой домашний иконостас. Левее и ближе к камину – диван с парой кресел, журнальным столиком и похожим на зеленый гриб старинным торшером. Пол укрыт ковром – по нему к гостю из темноты энергично выступал высоченный, могучего телосложения архиерей лет шестидесяти с точеным благородным лицом, густыми, вьющимися, без признаков седины волосами и аккуратной короткой бородкой. Последняя плохо вязалась с привычным обликом православного архипастыря, зато усиливала ощущение мощи и стремительности ее хозяина. Если бы не ряса и не массивная панагия, он вполне сошел бы за былинного богатыря из русской сказки. Антон, и сам не слабого десятка, при виде владыки всегда, сколько себя помнил, испытывал легкую робость: привык уважать чужую силу. Уникальные свои кондиции епископ поддерживал ежедневными омовениями в ледяной воде монастырской купели. Кроме того – об этом, правда, знали немногие – специальными упражнениями, разработанными в древности греческими монахами-исихастами; в основу этих техник были положены поклоны, совершавшиеся в определенном порядке, и столь разнообразно и интенсивно, что такой «зарядке» позавидовал бы даже гимнаст-профессионал.

– Ну, здравствуй, блудный сын! Сколько же мы с тобой не виделись – два, три года? – Наместник широко улыбнулся, раскрыл объятия, и Антон на миг утонул в его широком облачении. Слегка отстранившись, епископ могучей рукой провел по ежику генерала и, с притворным осуждением покосился на перевязанную руку: «Наслышаны, слышаны мы о твоих подвигах, Антон Ильич, ... но об этом позже. Милости прошу». Они прошли к журнальному столику – там под мягким светом торшера их уже ожидали фарфоровые чашки, чайник и вазочки с медом.

Антон присматривался к владыке, и не мог отделаться от странного чувства: а ведь действительно, сколько лет прошло! И вот встретились – будто и не расставались. Мистика какая-то! Словно все это время между ним и этим человеком, когда-то заменившим ему отца, сохранялась незримая и прочная связь. Духовная? ... А, какая же еще? Эта связь реально существовала, действовала – теперь он знал это доподлинно. (Религия и есть связь: таков точный перевод этого слова с греческого). Связь вертикальная, между человеком и Богом, и связь горизонтальная, соединяющая верующих людей в одно незримое и нераздельное духовное целое, не подчиняющееся императивам времени и пространства.

До прихода в храм Антон никогда не задумывался о подобных вещах. Но с некоторых пор, переболев вирусом неверия, он всей кожей, всем естеством своим почувствовал реальность этого живого и теплого энергетического поля любви, создаваемого Богом и доступного любому человеку, открывающему Ему свою душу. Сколько раз он замечал: можно не видеть и не слышать духовно родного человека многие месяцы, а то и годы, но, стоит обратиться к нему всем сердцем, и Господь непременно устроит так, чтобы желанный разговор или встреча вскорости состоялась. Совпадение, случайность? Исключено! Никакая теория вероятности не найдет «разумного» объяснения этому поразительному феномену, о котором доподлинно знает каждый православный христианин. Чудо? В каком-то смысле – да. Но, с другой стороны, в измерении Вечности, в преображенном Христом сознании – это скорее не чудо, а рядовая обыденность, всего лишь удобное и доступное средство коммуникаций.

Благодаря полю любви, Антон навсегда забыл, что такое одиночество: теперь рядом с ним всегда и везде находились родственные души – Криса и Сеньки, отца Досифея и владыки Феогноста, и еще сотен и сотен далеких и близких ему верующих людей – клеток тела Христова, солдат небесного воинства Его. А где-то там, в таинственной выси, в заоблачных обителях Бога-Отца продолжали жить и здравствовать души почивших его родителей, к которым он покаянно (простите, родные, что не стал вам лучшим сыном!) взывал в ежедневной утренней молитве. Вспоминая их и себя тогдашнего – вздорного и заносчивого мальчишку, он порой не мог удержаться от горьких слез: поздно клеймить и упрекать себя – они ушли, ничего уже не вернуть

и не исправить... остается только молить и молить о прощении. Но, странно: в эти утренние часы он довольно часто и необыкновенно остро ощущал почти физическое их присутствие рядом с собой, он говорил с ними, как живыми, и любовь к ним становилась даже сильнее, чем прежде. И он точно знал: они тоже помнят о нем, предстоят за него Богу, ограждают его от бед.

Поймав на себе внимательный, все понимающий взгляд владыки, Антон поспешил ответить:

– Так ведь почти три года и не виделись, владыка. Помните, осенью восемнадцатого мы с Крисом доставили в монастырь группу беспризорников, отбитых на Суцевке у наркоторговцев? Вот с тех самых пор. В той группе еще Сенька был – вихрастый такой доходяга. Со стороны поглядеть на него, – кожа да кости, в чем только душа держится? А задиристый – не подступись! Ну и намучались же мы с ним тогда!

– Как же не помнить, Антон? Прекрасно помню. Драчун и сквернослов, а нутро у парня доброе. Изболевшееся все, исстрадавшееся, но доброе. И где же он сейчас, Сенька-то ваш?

– Здесь, с нами, в монастыре. Водитель из него, в конце концов, получился, первый класс! Аккуратный и двужильный. Движки изучил – хоть импортные, хоть наши, отечественные – как свои пять пальцев. Сутки, двое может не спать, если потребуется. И вояка, скажу я вам, из него вышел отменный. Верю ему, как себе. Кремень. А поначалу не только я – многие в «Подсолнухах» сомневались, выйдет ли из него толк. Не учли мы тогда, что мародеры мать и сестру его в Москве изнасиловали и убили прямо на глазах у парня. Вот он и ожесточился, возненавидел весь белый свет. Дальше – больше: бродяжничество, воровские притоны, блатные нравы, болезней «букет». К наркоте успел основательно пристраститься. Одним словом, подарочек – извольте расписаться! Год промариновали его в «инкубаторе», на самом, что ни на есть, строгом режиме, пока накипь с него дурная слезала. Чуть не силком к труду и дисциплине приучали. Дважды пытался он сбежать. Всем миром за него молились. Каюсь, я, грешный, даже именем вашим его страшал: «Вот погоди, – говорю, – Сенька, не будешь жить, как все, по уставу и Порфирия слушаться, позову из столицы владыку Феогноста, он тебя живо к порядку призовет».

– И как, помогало?

– Еще бы! Мгновенно успокаивался, шельмец: шурится только, сопит, глядит исподлобья, но на время утихает.

– А с верой у него как? – Феогност остро взглянул на Антона, как бы напоминая, что четыре года назад, перед отъездом из монастыря, он просил генерала подобрать Сеньке «духовника посильнее». Предвидел владыка, что путь парня к Богу будет тернистым.

– Трудно сказать, отче. Что-то у него там, в старой его жизни приключилось такое, отчего он до сих пор до конца не принимает ни церкви, ни священников. Только и слышишь от него: «Что вы ко мне со своими попами лезете? Знаю я их, как облупленных. Все врут». Лишь в последнее время, пожалуй, его немного отпустило. Сколько раз наблюдал: прокрадется бывало в храм, когда народу поменьше, шмыгнет к иконе Божьей Матери – да не где-нибудь, а в самом, что ни на есть, дальнем, потаенном углу, свечку зажжет и ... молчит. Смотрит на икону часами... и молчит. Иной раз вроде шепчет что-то про себя. Худенький такой, плечи опущены, трясутся. Жалко его в такие минуты – сил нет. А начнешь расспрашивать, ошетинится и замкнется в себе, что твой волчонок. Единственный человек, кого он к душе своей подпускает, – отец Досифей, да и то, подозреваю, это потому что мы с Крисом у него же исповедуемся – вроде как «в авторитете» старик. И то не сказать, чтобы батюшка с ним как-то по-особенному нянчился: усядутся другой раз рядом на завалинке, и молчат часами на пару....

Феогност глубоко задумался. Антон старался не мешать ему. «Все-таки сдал Иван Сергеевич» – с грустью подумал он, заметив мешки под глазами владыки, дряблую серую кожу на его лице и нервные движения пальцев, перебиравших четки. Не мудрено. Генерал знал, какую исключительную роль играл тот при Патриархе, сколько незримых нитей церковной и мирской («придворной», как ехидно величал ее Феогност) жизни сходилась здесь, в Новоспасском монастыре, что на Таганке, в этой скромной келье, в мудрой голове сидевшего перед ним архиерея-монаха.

Господь уготовил наместнику Новоспасской обители особый крест. В самый разгар Исхода, когда не только в крупных городах, но и в пригородах, а затем и в отдаленных селах люди забыли о сне и покое, монастыри, промыслительно возведенные крепостями, как встарь, преградили дорогу Злу. Они приняли на себя главный удар ха-

оса, взяли под крыло слабых и гонимых, островками спасения рассекли бушующую магму гражданского безумия и неповиновения. Стали первыми в городах центрами сбора и сплочения православного люда. Там, откуда трусливо бежала земная власть, на, казалось бы, дотла выжженной почве, благодаря монастырям, начали собираться подлинно народные, национально-религиозные силы, приступившие к закладке последнего православного царства в России. Под истлевшей ветошью уходящей эпохи страшными язвами явила себя самая суть истории: не смена формаций, режимов, партий и вождей, не бесконечная чехарда идей и культур, а непрерывная и непримиримая борьба добра и зла, света и тьмы, любви и ненависти – вот, что составляет вековечное содержание и ось развития человечества. Поле этой незримой брани проходит не через государства и эпохи, а через душу каждого без исключения человека; и каждый, хочет он того или нет, сознает эту реальность или отрицает ее, всей своей жизнью, всеми мыслями, словами и поступками своими делает соответствующий взнос на точные веса истории.

Антон знал: корни «Исхода» уходили куда-то далеко за пределы России. Беда пришла с западной стороны. Российская смута, сколь бы ужасной она не представлялась внешнему наблюдателю, не шла ни в какое сравнение с той поистине вселенской «духовной чумой», которая поразила так называемый цивилизованный мир. Да еще как поразила! Кризис вспыхнул внезапно, и сразу приобрел всеобъемлющий характер. Словно сгнила и рухнула не какая-то отдельная, пусть и важная, часть глобального мироустройства, а рассыпалась вся конструкция в целом, и оставалось только гадать, что послужило причиной такого ужасного коллапса – роковая ошибка архитекторов или гнилой фундамент, на котором эта конструкция изначально была возведена. Вернее же всего – то и другое одновременно.

В кошмарный клубок слились, детонируя один от другого и взаимно умножаясь, противоречия и диспропорции, веками копившиеся под спудом эры потребления, убаюкивающей лжи продажных политиканов и узаконенного государственного насилия. Экологический, нравственный, национально-конфессиональный, военно-политический, финансово-экономический, ресурсный, энергетический, продовольственный – эти и еще многие другие хронические кризисы-болезни, зревшие в изнеженном теле человечества не одно столетие, прорва-

лись вдруг гнойной флегмоной, обернулись неистовой пляской смерти и разрушения.

Как и перед библейским Потопом, человек разумный утратил ощущение своей божественной избранности, сбился с пути, порвал связь с Творцом, уподобился «скотам несмысленным», и этим, сам не ведая того, обрек себя на гибель. «Исход» обнажил полнейшую беспомощность обитателя теплого «коммунального стойла» перед вызовами реального мира, реальными испытаниями. Слепо доверившись прогрессу, человек угодил в капкан избыточного потребления – «матрицы» постмодерна. В результате он не только добровольно оборвал связь с живой природой-кормилицей, но и разрушил собственный природный иммунитет, способность к приспособлению и выживанию. Стоило случиться малейшему системному сбою в механизме бесперебойного снабжения «стойла» теплом, светом, едой и другими удобствами, как «цивилизованный индивид» в мгновение ока превратился в нечто не человеческое и ниже естественное: беспомощное, рахитичное растение-жертву или яростного хищника, готового растерзать себе подобного за кусок пищи. В отличие от России, промыслительно отставшей в подобном «развитии», преуспевший в нем Запад сполна пожал плоды «технологической нирваны», дав бесчисленные примеры массового безумия и самоистребления молниеносно одичавших людей, впервые в своей жизни столкнувшихся с реальной бедой.

Антон осторожно взглянул на владыку. Тот, похоже, продолжал дремать. Но кто-кто, а генерал-то знал, сколь обманчивым может оказаться подобное впечатление. Он ясно отдавал себе отчет, какая пропасть в смысле духовной зрелости отделяет его от владыки. С позиций своего, не Бог весть какого, духовного опыта, он мог только предполагать, какие запредельные дали и озарения открывались феноменальному внутреннему зрению епископа-монаха, потомственного священника в седьмом колене, какие мысли и чувства рождались в этом чистом, горячем и любящем сердце, прежде чем облечься в слова и поступки. Перед ним сидел не просто иерарх. Перед ним находился воин Христов, самой жизнью возведенный в ранг духовного и земного водителя людей.

Приняв «Исход» как должное – все по воле Бога или Его попущению, и все служит спасению человека – владыка удлинил свои сутки до двадцати пяти часов, и, казалось, навсегда забыл о сне и отдыхе.

Неспешно, без суеты, но железной рукой он перекроил монастырскую жизнь на новый, военный лад: укрепил стены, наладил автономное жизнеобеспечение, вооружил братию и верных мирян, наполнил припасами хранилища, установил надежную связь с Лаврой и десятком других московских обителей, внутри и вокруг которых с первых дней смуты начала налаживаться православная общинная взаимовыручка. В узком кругу друзей он признавался: в те первые, отчаянные месяцы «Исхода», когда, казалось, сам ад явился на землю, заливая ее реками крови и покрывая гарью пожарищ, тело, ум и сердце его перестали подчиняться ему напрямую, а как бы предались иному, внешнему Управлению. Мысленно он часто сравнивал себя нового, с монастырем, а, может быть, и ощущал уже себя частью этих стен, башен и церквей. Это мимо него, как и мимо этих стен, не так уж давно текла, летела и искрилась праздная, пьянящая, бесшабашная, абсолютно порочная и столь же бессмысленная жизнь. Ныне вокруг древней обители кипели совсем иные страсти – днем и ночью бушевала кровавая распря – все, что осталось от той «красивой жизни» и все, что явилось ее прямым продолжением и результатом.

Вместе с монастырем архиерей не просто приспособился к новому лихому времени – он как бы генетически «вспомнил» себя прошлого – истонного, мудрого, могучего русского богатыря, пережившего и одолевшего великие смуты, которыми так богата отечественная история. Быстрее и лучше других сумел он сориентироваться в стремительно меняющейся обстановке: наладил эвакуацию беженцев в отдаленные, безопасные районы, организовал что-то вроде натурального обмена между монастырем и вновь созданными сельскими общинами. Трудом и заботами владыки прирастали «Подсолнухи» и другие укрепрайоны, служившие островками спасения в гибнущей стране. Как только грянула беда, православный народ, неприметно разбросанный по просторам России, в одночасье, следуя Божьим велениям, начал собираться на этих островках. «Малое стадо» в итоге оказалось вовсе и не таким уж малым. И не слабым. В годину испытаний оно показало себя на голову выше, сильнее, сплоченнее и организованнее вселенской тьмы, ибо чистая душа, живущая в Боге, больше целого мира, а один настоящий воин Христов стоит тысячи всадников тьмы поднебесной.

В ведении наместника, помимо его воли, оказались тысячи не свойственных его сану мирских попечений. И он безоглядно отдался

их решению – со всей страстью и талантом верующего человека. На все воля Божья! Но даже нескончаемые земные хлопоты не смогли заслонить от него главного, единого на потребу. Точнее сказать, вся поразительная цельность его характера, весь открывшийся в нем организаторский пыл и талант проистекали из одного Источника – чистого Источника сил, знаний, энергий, бесстрашия и вдохновения, имя которому – всеблагий Бог. Ведомый владыкой монастырь очень скоро стал центром духовной жизни Москвы. В самые трудные дни, когда, казалось бы, сама жизнь обители и укрывшихся за ее стенами людей висела на волоске, в храмах ни на миг не прекращалась молитва. По самому строгому, афонскому уставу шли службы и совершались таинства. В духовном тигле выплавлялось все – и непостижимое мужество, и величайшая осторожность, и твердость духа, и милосердие к падшим – все, что так или иначе помогало спасти «немногих верных».

– Что пригорюнился, Антон Ильич? Пожалел, чай, старика? – наместник, как всегда, застиг его врасплох, безошибочно разгадав тайный ход его мыслей. И – непостижимо! – даже «расслышал» мирское свое имя в его сокровенных думах. От усталости владыки не осталось и следа. Глаза его вновь были молоды и остры. Они сияли так, как если бы с плеч его свалился пудовый груз, а заодно и этик лет тридцать прожитой жизни. Антон немного знал природу этих мгновенных превращений: один из лучших последователей древних исихастских практик, епископ умел на короткий срок погрузиться в тишину души, поместить, как учили древние пустыnnики, ум в сердце; именно там (а не где-нибудь вовне), в собственной своей душе, под сводами Царства Небесного, которое «внутри вас есть», вдалеке от *скорбей, гневов и нужд* неистового плотского мира, в прямом молитвенном общении с Господом, черпал он искомые силы, знания и уверенность.

– Помилуйте, отче, от вас ничего не скроется! – Антон так искренне, по-мальчишески смутился и покраснел, что наместник не смог сдержать улыбки. Легкая тень отчуждения, вызванная их долгой разлукой, совершенно растаяла. Души, однажды соединенные в вечности, вновь обрели родство в открытом и прямом общении.

– Что же, дорогой мой генерал, – вздохнул наместник – вернемся к нашим заботам. Отчеты из «Подсолнухов» о результатах полугодия до меня дошли. Впечатляет! Выводы вашего Совета в целом верны.

Патриарх их тоже разделяет. Но вот, что вам следует иметь в виду. Во-первых, сам по себе рост населения и экономики укрепрайона это не самоцель. Если мы в очередной раз мирское благополучие поставим во главу угла, подчиним ему все и вся, забудем о «едином на потребу», и начнем строить царство небесное на земле, ... рано или поздно наступим на те же грабли. Погубим себя и дело. Во-вторых, давай посмотрим на вещи шире: всякий успех привлекает к себе внимание – доброжелательное и, мягко говоря, не очень. Многим не по душе наши успехи. Посему все наличные ресурсы общины надлежит бросить на укрепление духа и веры людей. Миссионерскую работу ведите не только за пределами, но и в самой ограде храма – среди православных общинников. Не удивляйся: вера наша еще очень слаба, легковесна и уязвима, много в ней еще склонности к предрассудкам, язычеству, сектантству и всевозможным ересям. И, напротив, мало истинного смирения и видения греха своего. Помнишь у Силуана Афонского: *держи ум свой во аде, и не верь себе, пока в гроб не ляжешь!* Нам только кажется, что мы чего-то уже достигли, что мы сильны – это-то и есть первый признак ужасного заблуждения, верный симптом прелести. У православного человека нет, и не может быть внешних врагов. Есть только один реальный противник – внутренний. И он всегда жив, он не спит. Это страсти наши. Через них действуют бесплотные враги – духи злобы поднебесной, изобретая все более и более изощренные способы соблазна. И так продолжается все время до тех пор, пока мы живы. И никто, слышишь, никто – ни ты, ни я, ни наш Патриарх, ни один смертный, кроме Богочеловека Христа, да не дерзнет однажды вообразить себя безгрешным. Тогда – все! Тогда – духовная гибель!

Прости меня, ради Бога, за горячность и высокий слог. Но сказанное – запомни. Старайся ни на кого не смотреть ни снизу вверх, ни сверху вниз. А вглядывайся лучше в себя: там всегда найдешь, чем заняться. Не трать время на «картинки» внешнего мира и, тем паче, осуждение ближнего – употреби его лучше на очищение собственной души молитвой и исповедью. Помни: праздное время, которое у нас есть это вечность, которой мы себя лишаем.

Да, и вот еще что. Передай членам совета: в последнее время мы вновь отмечаем оживление сектантов и всякого рода мнимых духовников в Центральной России. Пока шла война, эта «публика» вроде бы поутихла, народы иноверные рассеялись по своим «национальным

квартирам». Нынче порядка в России стало чуть больше, и, гляди-ка, наши «старые знакомые» – тут как тут. Ставку они делают на сотни тысяч католиков и протестантов, эмигрирующих в Россию со всех концов земли. Впрочем, конечная их цель – неопытные православные души, особенно молодые.

– До нас, владыка, это, слава Богу, пока не докатилось. Периферия все-таки. Иностранцев, правда, с каждым днем становится все больше. Но почти все они, знакомясь со святоотеческой мыслью, принимают православную веру, даже католики с протестантами. Понять их можно: богословская теория одно, а когда на твоих глазах в прах рассыпается мнимое царство божье, выстроенное без Бога, – совсем другое.

Еще с полчаса они детально обсуждали ситуацию в Москве. В задачу Антона, помимо собственно экскурсии входили сбор и обобщение информации о положении в столице и вокруг нее. Помощь наместника здесь была неоценимой. По его словам, население города продолжало неумолимо сокращаться, достигнув от силы миллиона человек – десятой части того, что было до начала «Исхода». Окраины окончательно обезлюдели. Подобно шагреновой коже, город вжимался в границы своего исторического центра вокруг Кремля. Православным анклавам, сила которых заключалась не только в их сплоченности, но и в наличии надежных источников снабжения, по-прежнему противостояли городские кварталы со смешанным полугосударственным – полукриминальным правлением – очаги постоянных угроз и треволнений. Еще один самостоятельный «центр влияния» сформировался, как ни странно, под землей – в необозримых лабиринтах бывшего московского метрополитена; здесь заправляли банды, отличавшиеся особой жестокостью и коварством. Шаткое равновесие между «центрами» периодически нарушалось кровавыми стычками и провокациями, но крупных вооруженных конфликтов вот уже несколько месяцев не отмечалось, что свидетельствовало то ли о стабилизации состояния «ни войны, ни мира», то ли о накопившейся усталости противостоящих сторон. Город, между тем, на глазах угасал, и в Лавре всерьез начали подумывать об эвакуации населения «больших монастырей» вкупе с прилегающими к ним жилыми зонами в православные сельские районы – такие как «Подсолнухи». Антон, разумеется был в курсе этих планов: в послании Совета святейшему Патриарху, которое

сразу по приезде в Москву он шифровкой переправил в Лавру, подтверждалась готовность Псковско-Великолукского укрепрайона принять и обустроить до ста тысяч новых вынужденных переселенцев из Москвы. Опережающий рост хозяйства и создание резервов для бедствующих братьев являлись одной из главных стратегических целей православного сообщества.

В дверь постучали. В приемную неслышно вошел секретарь и передал владыке лист бумаги с мелко набранным текстом. Тот пробежал его глазами, удивленно приподнял брови и, знаком велев Антону оставаться на месте, проследовал в дальний угол. Вынул из встроенного в стену сейфа запечатанный конверт и, передавая помощнику, сказал: «Отправьте в Лавру подтверждение о получении телеграммы. От меня добавьте, что поставленный в ней вопрос обсуждается с генералом Савиным. И, друг мой, на этот раз озаботьтесь сразу же, без задержек вернуть мне диск с электронной подписью».

— Важные известия, Антон Ильич! Наши источники в штабе ФСОП подтверждают: засада в лесу была тщательно спланированной операцией. Одна важная шишка в руководстве «федералов» — пока не спрашивай, кто именно, — регулярно снабжает одну из бандитских группировок во главе с неким Шпилевым (данные на него сейчас уточняются) информацией о «Подсолнухах», в том числе, заметь, и о передвижениях экскурсионных групп, вроде вашей. Зачем это им понадобилось, с какой целью бандиты решили объявить войну общинам, — этого мы пока не знаем, но, полагаю, искушать судьбу больше не стоит — выезды молодежи в Москву и Питер придется временно прекратить. Усильте охрану периметра укрепрайона, активнее ведите контрразведку — не исключено, что среди поселенцев есть тайные осведомители господина Шпилевого. Подробную справку на этот счет вручу тебе накануне отъезда — уверен, она тебе пригодится.

Антон догадывался, что настоятель сказал ему далеко не все. Что-то еще было в полученной им шифровке, о чем он предпочел пока умолчать. Но вопросов не задавал. По опыту знал — такие вопросы не только неуместны, но и совершенно бесполезны: епископ никогда не только не говорил, но и не молчал просто так. Найдет нужным — поставит в известность.

Покинув уютную полутьму кельи, они по тайной боковой лестнице спустились во внутренний двор монастыря, и сразу окунулись

совсем в другой мир — мир суеты, звуков и движения. Изнутри монастырь напоминал большой муравейник. Сотни мужчин и женщин деловито сновали во всех направлениях. Ни один человек не сидел без дела: одни укрепляли крепостную стену, другие разгружали уродливое подобие грузовика с продовольствием, третьи заготавливали дрова, четвертые проходили инструктаж, готовясь заступить на охрану периметра. Вдруг (Антон даже вздрогнул от неожиданности) гулко забили колокола, и из ближайшей церкви начали выходить прихожане. Оборачиваясь на храм, взрослые и дети благоговейно крестились, с надеждой взирая на лик Иисуса Христа, смотревшего на свое «малое стадо» со старинной фрески над воротами. Толпа из храма заполнила собой немногие свободные пространства, и монастырский двор сразу стал похож на место массового народного гуляния. Про себя Антон отметил: монахов в толпе было очень мало.

«Увы, мой друг, мы страдаем от нехватки монашествующих и хронического перенаселения, — в очередной безошибочно разгадал ход его мыслей владыка, — а люди все идут и идут к нам. Особенно жалко женщин и детей. Как им откажешь? Зона безопасности вокруг обители постоянно расширяется — буквально на днях мы завершили укрепление и заселение еще нескольких заброшенных жилых домов по соседству, но, увы, теснота и скученность по-прежнему одолевают. Люди даже спят по очереди, чтобы максимально использовать имеющийся жилой фонд. Впрочем, никто и не думает роптать. Тяготы неимоверные, а дух — геройский, христианский. Матушка моя, Царство ей Небесное, рассказывала, что так же дружно, в тесноте да не в обиде, солидарно, по-людски мы жили в послевоенной Москве ... Господи, помилуй.

Проходя мимо монастырской кузницы — предмета особой гордости владыки, где он и сам периодически любил поразмяться, они нос к носу столкнулись с Крисом и группой молодых общинников, которые бодро тащили на себе огромные тюки с бельем. Увидев начальство, группа застыла на месте, смешки прекратились. Крис почтительно приложился к руке владыки и, получив его благословение, по-военному четко доложил, что после размещения, утренней литургии и обеда в монастырской трапезной Сенька с ребятами убыл на экскурсию в Третьяковскую картинную галерею, а оставшиеся под его началом «бойцы» поступили в распоряжение эконома монастыря,

отца Иоанна. Выполняемая в настоящее время работа – «бег с мешками» (в группе молодежи кто-то не удержался и прыснул со смеху) – займет еще час – полтора.

Улыбнулся и владыка. Он по-своему любил молчуна Криса, любил и эту юную поросль русского православия: веселую, светлую, крепкую, духовно чистую. Эти юноши и девушки росли отнюдь не в тепличных условиях – каждый с детства знал не только молитву, но и труд, и дисциплину, и ратное служение, и скорби, и потери. «Дети смуты» они удивительным образом сочетали в себе искреннюю веру в Бога и здоровый прагматизм, присущий каждому человеку, близкому к природе и привыкшему рассчитывать только на Бога и на себя. Для людей старшего поколения, носивших несмываемые родимые пятна того больного общества, из которого они вышли, эти «птенцы» были сразу и гордостью, и надеждой. Надеждой на возрождение из смрада и тлена павшего мира нового русского человека, нового Адама, опытно познавшего цену отпадения от Творца и покаянно, смиренно, навсегда возвращающегося в Его лоно.

«Призраки» Сеньки Ларина

...– Здорово, правда!? Потрясающе! Особенно, портреты в последнем зале. Как живые! И лица – такие благородные, одухотворенные... – восхищалась, выходя из Третьяковки на улицу, уже знакомая нам Настя.

– А я так не считаю! – отозвался худощавый парнишка в очках Володя Лаптев – Какие-то они все высокомерные, надменные, смотрят на тебя брезгливо сверху вниз, как на холопа.

– Ну, вы даете! – вклинилась в общий разговор Катя Власова, староста исторического кружка при общинном Доме культуры – Это ж девятнадцатый век – понимать надо! Это ж когда было? Князья, министры, вельможи. Цвет общества. Сравните их с героями соцреализма из первого зала – помните? Там совсем другие образы – рабочих, колхозниц, солдат. Две разные эпохи, столкнувшиеся друг с другом в смертельной схватке, и обе в итоге погибшие. Совершенно разные культуры.

– А я вот, что заметила – продолжила Настя. – На портретах изображены лучшие люди того времени, так? И еще их жены. Все женщины, за редким исключением, красиво одеты, усыпаны драгоценно-

стями, все с глубокими декольте, и... ни одна не носит православного крестика. Странно, правда? Вроде бы верующие люди, приближенные к монарху, православные....

– Ничего тут странного не вижу! – опять вступила всезнающая Катя – Мне тут недавно попала в руки книга митрополита Вениамина (Федченкова), где он описывает нравы русского общества накануне революции 1917 года. Всем рекомендую прочитать. Так вот: религиозность этих людей была, как правило, чисто внешней, показной. На самом деле вера во Христа давно уже считалась в высшем свете признаком отсталости и необразованности. Русская знать увлекалась совсем другими вещами: теософией и спиритизмом, йогой и каббалой, магическими сеансами и масонскими ритуалами. Исповедание Господа и жизнь по Его заповедям расценивались в ее среде как проявление крайнего невежества, отсталости и чуть ли не ретроградства. Всюду бродили идеи революции, гуманизма, прогресса, но... без Бога. Даже, представьте себе, в духовных семинариях. Какие уж тут крестики?!

Сеньку не занимали разговоры молодежи. Поездка в Третьяковку прошла без эксцессов – вот, что для него сейчас было важнее всего. Огорчала, правда, скудость экспозиции: даже в прошлом году в этом отношении было намного лучше. Впрочем, чему удивляться? Вот уже несколько лет государственное имущество переправлялось из Москвы в новую, формально временную столицу России – Екатеринбург. Эвакуировали туда и девять десятых экспозиции Третьяковской галереи. Сама галерея еще работала, но уже скорее по инерции: из верхних, основных залов экскурсии переместились в подземные хранилища, да и то с каждым годом их становилось все меньше, а сами они – все короче и скупее. Остатки былого великолепия.... В Москве еще можно было полюбоваться на оригинальные полотна русских классиков: Брюллова и Венецианова, Крамского и Репина, Сурикова и Васнецова, Серова и Врубеля. Но, увы, только единицы. Конечно, в школах и вузах православной общины имелись копии работ и этих, и других выдающихся отечественных и иностранных мастеров; в библиотеках хранились превосходно выполненные художественные альбомы и лучшие фильмы, посвященные мировой живописи. Однако подлинные, живые шедевры ничем не заменить, и в плане эстетического воспитания поездки в Третьяковку оставались неоценимым подспорьем.

«Что ж, – горестно вздохнул про себя Сенька, – год – другой, и галерея окончательно зачахнет».

– С-слышь, земляк, м-можно тебя на минутку? – От груды бетонных блоков, загораживавших подъезд к галерее, отделился невысокий сутулый мужчина в коротком сером пальто и выдавшей виды кепчонке. Озираясь по сторонам и дымя в рукав папироской, он взглядом предложил Сеньке отойти к забору. Что это за «фрукт», сержант разобрал с первого взгляда. Для этого хватило и пары слов незнакомца, сдобренных специфической блатной интонацией и мимикой: как говорится, рыбак рыбака видит издалека.

Сердце Сеньки дрогнуло – будто из глубин памяти на него вдруг пахнуло ледяным холодом. Ноги сразу сделались ватными и непослушными. Но виду сержант не подал. Только поежился. И искренне удивился сам себе: этой своей внезапной слабости и почти детскому страху. Он-то привык считать, что все самое плохое в его жизни давно позади, что призраки, если где и остались, то лишь в кошмарных снах, что неоднократно явленная им доблесть в боях за общину с лихвой искупила его воровское прошлое.... Ан, нет! Прошное никуда не делось. И ничем не искуплено. Оно вон – рядом, в одном шаге. Стоит себе и нагло, с прищуром ухмыляется, отравляя воздух дешевой папироской.

На всякий случай сержант огляделся по сторонам. Вроде бы все на месте, все спокойно. Тяжелые металлические двери, ведущие в галерею, наглухо закрыты, небольшая площадка перед ними совершенно пуста, если, конечно, не считать стандартных для нынешней Москвы ежей, надолб и колючей проволоки. «Чижики» тоже при деле – спорят о чем-то, поедают глазами руины Парка культуры и Крымского моста, делятся впечатлениями от экскурсии и... ждут его, Сенькиной, команды грузиться в «Ивеку». Случайные прохожие, согнувшись под тяжестью тюков и авосек, идут, точнее, бегут по своим делам – почему-то все в сторону Октябрьской площади. В общем, не похоже, чтобы у «земляка» где-нибудь поблизости притаились «неучтенные» дружки. Сенька перевел дух.

– Что ж, айда, коли не шутишь! – воспользовался он любимым словечком генерала Савина. Окончательно приходя в себя от первого потрясения, он крепко прхватил «земляка» под локоть и почти затолкал его в небольшой укромный закуток у забора. – Валяй, выкладывай, приятель, чего надо?

– П-переговорить надо, братан, только ты того, эта, без нервов, лады? Я же к тебе по поручению, с делом.... Да нет у меня п-пушки! – зачастил он, слегка картавя и заикаясь, и принялся лихорадочно хлопать себя по карманам пальто, с опаской поглядывая на кобуру Сенькиного пистолета-автомата, выданного Крисом перед поездкой в город – «на всякий пожарный».

– Поручение? Какое еще поручение? От кого? Под кем ходишь?

– От «А-абрама» я. Помнишь такого? И он тебя помнит, вот в гости к себе зовет.

– Отчего же не помнить? Помню «Абрама», даже слишком хорошо помню. Только в гостях у него мне делать нечего, усек? Так и передай своему хозяину. Все! Завязал я с вашими делами, и с народом вашим подлым завязал. Ничего я «Абраму» не должен, зла на него за прошлые дела тоже не держу. Ясно? А попадется он на моем пути, пусть пеняет на себя! Так ему и передай. Теперь двигай отсюда, пока цел. Не шути с огнем.

– погоди, б-братан, это не все еще. «Абрам», видно, знал, что ты по доброй воле к нему не пойдешь. Ну, ну, успокойся,... я и не думаю тебе угрожать! Да успокойся ты! П-пойми – я же всего-навсего гонец – передаю, что велено. Рита твоя у «Абрама». В большом она почете – в любововницах, что ли? Вот он, Абрам, и решил, что ты непременно повидать ее захочешь.

– Как Рита? Какая Рита? Откуда? Она, что – жива?! У «Абрама»...? Я же ее вместе с мамкой самолично в морг свез.... Не может этого быть! Признавайся, сука, нарочно все выдумал, да?

В глазах сержанта потемнело от растерянности и ярости. Схватив незадачливого «земляка» за горло, он изо всех сил прижал его к забору. Рука непроизвольно потянулась к кобуре. В голове билась одна единственная мысль: «Рита, Ритка, сестренка... Жива! Не может быть!»

Словно кадры из кинохроники перед его мысленным взором плетели воспоминания той проклятой ночи: обшарпанная, пропахшая капустой и мокрым бельем двухкомнатная их квартирка на Таганке, грохот взламываемой входной двери, выстрелы и истошные крики матери и сестры, припертая чем-то снаружи дверь к его чуланчик, трясущиеся собственные руки, пытающиеся впотьмах нащупать пистолет под подушкой, полутьма коридора, чьи-то неясные тени в сиреновом

проеме двери, злые и бессильные огненные плевки в темноту из ствола его «Макарова»....

– П-пусти, сволочь! Удавишь меня, сестры тебе больше не видать. Пусты, говорю! – хрипел незнакомец, и этот отчаянный предсмертный хрип, а, может быть, очередное упоминание имени внезапно обретенной сестры заставили Сеньку прийти в себя.

– Ладно, братан, прости. Погорячился. Но и ты войди в положение: я ведь Риту, сестру свою мертвой считал столько лет. Покури тут, земляк. Подожди меня. Только стой тихо, как мышка. Выглянешь наружу, увидит тебя кто из моих ребят – пеняй на себя, пристрелю! Я скоренько.

Одернув куртку, Сенька, как ни в чем не бывало, вышел из своего убежища. Переключка экскурсантов и посадка в автобус не отняли у него много времени. «Рядовой Лаптев, – обратился он к уже знакомому нам пареньку, – слушай сюда внимательно. Баранку крутить не разучился? Отлично! Сопроводительные документы – в бардачке. Приказываю – занять мое место за штурвалом, и со всеми предосторожностями доставить ребят в монастырь. Ребята тебя прикроют – указал он на двух молодых общинников, вооруженных, как и он сам, короткоствольными автоматами. – Полковнику О' Нилу, Крису в общем, передашь: сержант, мол, с разрешения генерала ненадолго отлучился в город, по семейным делам. Надо мне побывать в родных местах, одним словом. К ночи вернусь. Это все. Команду уяснил? Ну, лады. Действуй рядовой, не в первый же раз».

Проводив глазами «Ивеку», Сенька вернулся назад – туда, где его поджидал посыльный «Абрама». Тот был на месте, и, судя по всему, уже оправился от пережитого потрясения. Только легкое дрожание пальцев, вычурно державших очередную папиросу, выдавало его волнение.

– Ну, куда теперь? – поинтересовался Сенька. – Звать-то тебя как?

– Через мост, а дальше покажу. Кличут меня Коляном. Только имей в виду: как спустимся в метро, придется мне глаза тебе завязать. Так что больше на меня не кидайся

– Ладно, не бойсь, не буду.

– Пока переходили Крымский мост, Сенька смог вволю насмотреться на Москву. Правда, картина, представшая его глазам, оказалась еще более резкой и тягостной, чем из окон «Ивеки». Ни одного целого

здания! Развороченные дороги и мостовые, поваленные, будто связанные узлом штанги светофоров и мачт освещения, выбитые витрины и окна некогда шикарных особняков, обугленные остовы автомашин и троллейбусов, кучи мусора на каждом шагу.... И повсюду, повсюду тяжелый запах тления и гари. Издалека, со стороны Кремля – Колян даже вздрогнул от неожиданности и втянул голову в плечи – послышались звуки беспорядочной стрельбы, и ухнул взрыв гранаты. Мощно взвыла сирена. Редкие прохожие врассыпную кинулись по подворотням.

– Как же вы тут живете? – не удержался от давно мучившего его вопроса Сенька.

– А так и ж-живем – охотно откликнулся спутник. – Каждый сам по себе. У кого сила, тот живет лучше. И д-другим жить разрешает. Ты не гляди, что кругом никого не видать. Все здесь поделено. К-каждый кустик. Все под прицелом. Здесь, наверху, то есть на поверхности – в домах, в кварталах, в районах – одни хозяева. А под землей – другие. Т-там свое, так сказать, административное деление.

Заметив удивление сержанта при словах «административное деление», Колян нервно хихикнул и признался, что до начала смуты успел поработать мелким клерком в районной управе («это тут, неподалеку – по Пироговке в сторону Новодевичьего монастыря»), но «влетел по-глупому на грошовой взятке», и пошел по этапу мотать первый в своей жизни срок.

Так, мирно беседуя и на ходу прощупывая один другого, они благополучно миновали мост и, завернув за угол бывшей Дипломатической академии, уперлись в похожий на черепаху наружный вестибюль станции метро «Парк культуры». Вход в метро был, как и положено, наглухо замурован, арочные окна заварены листами железа. Сенька вопросительно посмотрел на Коляна. Тот только пожал плечами, и уверенно свернул в небольшой скверик, густо поросший диким шиповником. Пробившись сквозь колючие кусты, они очутились на небольшой полянке, посреди которой красовалась деревянная беседка – на удивление почти целая. Оглянувшись по сторонам и убедившись, что никто за ними не следит, Колян сунул руку под пол беседки. Вытащив оттуда стальной ломик, поддел им укрытый дерном квадратный люк вентиляционной шахты (совершенно незаметный, даже вблизи – отметил про себя Сенька), сдвинул его в сторону, и широким, гостеприимным жестом предложил попутчику спускаться вниз.

– Ты первый – уперся для порядка сержант.

– Да, будет тебе. Лезь. Там всего-то десять ступенек. И жди меня: дальше все равно хода нет – темно, как у негра в ж.... А я пока люк закрою. Придется немного повозиться: главное дерн не повредить. Чтоб, значит, никто не отыскал – а не то не сносить мне головы, при-бьет «Абрам». Лезь, говорю, не тяни резину.

Сенька не стал больше капризничать, и по железной лестнице начал спускаться вниз, пока не достиг небольшой площадки. Колян еще с пяток минут возился наверху. Но вот свет исчез, люк со скрипом закрылся, послышались гулкие звуки шагов, и на голову Сеньке посыпалась труха.

– Аккуратней там, мамонт! – рявкнул в темноту Сенька, стряхивая с плеч труху – Дальше что?

– С-слушая сюда, братан. Дальше пойдем по тоннелю друг за дружкой, след в след. Держись все время правой стены, не отступай от нее ни на шаг.

– Чего так?

– С левой стороны и в центре кое-где установлены растяжки с гранатами, на случай... ну, в общем, на всякий случай. В-вот, держи фонарик – он, правда, подсел, но это лучше, чем ничего. Главное все время касайся стены рукой – тогда не ошибешься. А то в соседней шахте один «умник» решил поэкспериментировать, и что? Себя погубил и проводника с собой на тот свет утащил. Шахту потом два месяца ремонтировали.

Минут десять они брели в кромешной тьме по узкому наклонному тоннелю, прижимаясь к правой стене. С потолка капала вода, под ногами хрустела битая плитка. Фонарик, любезно предоставленный Коляном, поработав пару минут, погас навеки.

Наконец, впереди показался слабый свет. Они вышли в огромное подземное депо, уставленное битыми, искореженными вагонами – трупами электропоездов. Ощущение было такое, будто они оказались на гигантском кладбище жертв рельсовой войны. Но оно было не так. Некоторые вагоны выглядели заметно лучше и целее других, внутри них чувствовалась жизнь: мелькали огоньки, доносились шорохи и тихие голоса.

– П-пошли дальше. – потянул Сеньку за рукав Колян – Здесь общага для «пришлых». Нам не сюда...

– А что значит «пришлых»?

– Ну, бездомных, значит, бомжей всяких. Наши их на улице подбирают, и сюда приводят. Работают они по четырнадцать часов – за еду и «квартиру». За побег – к стенке. Большинство и года не протягивает, тогда на их место набирают других.

– А что значит работают? Делают-то чего?

– Ишь ты, шустрый какой! Много будешь знать, скоро состаришься! Спроси лучше об этом у «Абрама». Его бизнес. Только сдается мне, вряд ли он тебе чего скажет. Тут порядки строгие. Поговорки у нас, знаешь, какие? С-слово не воробей – поймает и вылетит! Ну, все, пора. Давай-ка я тебе глаза завяжу, а то ты и так слишком много видел. Вообще-то я должен был это сделать еще в начале тоннеля, но ты, я вижу, свой, правильный пацан, да и мне как-то сподручней: а ну поскользнешься, и взлетим оба на воздух, как «Дредноут».

– Это тот самый, что с «умником» гулял?

– А ты, я погляжу, не только шустрый, но и д-догадливый! – Он, он родимый. Кто же еще? Хороший был мужик «Дредноут» – здоровый, как буйвол, а все одно, граната оказалась здоровей: разбросало, размазало его, горемычного, по стенкам, так что и хоронить потом было нечего. – Колян обвязал голову Сеньки плотной повязкой, и потянул за собой

Они шли довольно медленно, то спускаясь по неподвижным лестницам эскалаторов, то поднимаясь по каким-то наклонным коридорам. Сенька с трудом брел за Коляном, натываясь впотьмах на рельсы и шпалы подземного города, и никак не мог взять в толк, кой черт он вообще согласился на подобную авантюру? «Даже если Рита жива, – думалось ему, – чем он сможет ей помочь? Оружие здесь бесполезно, да и отберут его, конечно же, «на входе». «Абрам» – зверь матерый, и, если что ухватил, просто так не отдаст. И вообще: зачем он понадобился «Абраму»? Это ж надо, сколько хлопот, чтобы затащить его сюда?! Нет, брат, ты особо не обольщайся! Вряд ли Рита жива – скорее всего, это ловушка для простаков. Да-а, хорош переплет! Зароют тебя в центре земли, и дело с концом! Бр-р-р...».

Сенька вдруг снова почувствовал, как по спине пробежала холодная дрожь, и волна липкого, почти животного страха накрыла его с ног до головы. Ему показалось, что миллионы тонн земли колышутся над его головой, и вся эта махина вот-вот рухнет ему на плечи, со-

мнет и расплющит его тело. Этот дикий, неуправляемый и непредсказуемый страх знаком был ему с детства. Чаще всего он приходил, когда Сенька сталкивался с реальной угрозой: в темных подворотнях Таганки, где они с друзьями подкарауливали запоздалых прохожих, на квартирных кражах, где ему, по худобе и немощи, отводилась почетная роль «форточника», на зонах с их жестокими «прописками» и «разборками». Удивительно, но в стычках с бандитами и мародерами этого страха сержант не ведал: может быть оттого что рядом находились Антон и Крис, а, может и по той причине, что в этих стычках он не нападал, а защищал – общину, друзей, правое дело. И вот он снова с ним – его давний детский ужас!

«Пресвятая Богородица, спаси нас!» – прошептал Сенька. Продолжая двигаться за Коляном, он постарался взять себя в руки и припомнить все, что говорил ему о природе страха отец Досифей. «Страха, как такового, не существует, Сеня! – учил старый священник. – Он весь, от «а» до «я», находится в твоей голове. Там рождается, там и умирает. Это чистый, стопроцентный продукт твоего сознания. Страх это фантом, призрак, мысленная форма. Разумеется, она, эта форма, возникает не сама по себе. Ты уже достаточно разобрался в азах православной «науки о человеке», чтобы понять: возбуждение в человеке страха, тысячи разновидностей страхов, букетов страхов – любимейшая «забава» бесов. Невидимые и недоступные нашим органам чувств, они, тем не менее, прекрасно нас видят и великолепно разбираются в нашей, мягко говоря, не вполне здоровой человеческой природе. Они точно знают, какие сегменты памяти и ниточки индивидуальной нервной системы надо возбуждать, чтобы сбить с толку рассудок и заставить его вместо служения благу хозяина плодить в его сознании бесконечные «сериалы ужасов», в которых правда перемешана с ложью, тени прошлого – с миражами будущего, реальные угрозы – с мнимыми фантазиями. Прилоги или внушаемые бесами мысли выбивают рассудок из настоящего, и тот, несчастный, уже не в состоянии служить мостиком между сердцем человека и любящим его Богом. В результате неопытная душа отрывается от своей единственной надежной гавани – Бога и настоящего – и, как щепка, в беспмятстве носится по гиблым пространствам вневременья. Чем это кончается, ты и сам знаешь: депрессии, безумие, суицид. Вот какова цена невежественной самонадеянности и безбожия!

Но что делать, если тобой все же овладевает страх? Соберись, сосредоточься, верни свой рассудок в спасительное настоящее – мы с тобой изучали, как это делать. Пойми и осознай: в данный момент времени с тобой ничего плохого не происходит. Это звучит странно, но это факт. Даже в эпицентре реальной опасности, если ты удосужишься спросить себя – страшно мне? – ответ почти всегда окажется отрицательным. Страх – он же всегда вне настоящего. Это не что иное, как смесь негативных воспоминаний с ожиданиями неблагоприятного будущего. То есть... правильно! – сугубая иллюзия. Как только тебе удастся успокоиться и вернуть контроль над рассудком (можно сказать, контроль над психикой), начинай потихоньку молиться: загоняй свой ум обратно под власть сердца, восстанавливай разрушенную страхом связь с Господом, вверяй всего себя Ему всеблагому, а не своему слепому и хилому разуму. Молитва разгонит миражи и утешит душу – тогда и тело успокоится, и силы вернуться, и любую опасность (если она действительно поджидает тебя за углом) ты встретишь во всеоружии, а не как перепуганный зверек».

Сенька доверял отцу Досифею, но предпочитал видеть в нем не священника, а, скорее, приемного отца (родного он не помнил – рос с матерью и сестрой, пока не потерял обеих в ту страшную ноябрьскую ночь).

«Попов» Сенька люто возненавидел с тех пор, как некто «отец Филимон» (в миру Анашкин) втерся в доверие к «Абраму» и фактически подмял под себя их подростковую банду. Разговорами о Боге, личном «мессианстве», благородном стремлении «наказать богатеев» и построить «великую босяцкую коммуну» этот псевдо мессия прикрывал свою жестокость, алчность и откровенный блуд. Когда в число его «матушек» угодила и Сенькина мать – правда, длился их «роман» недолго, – терпение юноши лопнуло. Однажды ночью он подстерег отца Филимона у старых кирпичных гаражей на Дербеневской набережной, и попытался убить. Но «батюшке» повезло: Сенька поскользнулся и промахнулся. Дело так и окончилось ничем. На сходке покушение обсуждали, но больше так, для проформы: Сенька, естественно, благоразумно помалкивал, а потерпевший в темноте не разглядел лица обидчика. «Видно, кто-то из «курских» – глубокомысленно заключил тогда «Абрам», ставя точку в дискуссии...

Позднее Сенька узнал от отца Досифея, что священники -тоже люди, и среди них встречаются разные, в том числе и пораженные

бесовскими страстями, и вовсе неверующие. Что, как и все прочие смертные, грешат они пред Богом себе в осуждение, но их ответственность на последнем, страшном судище Христовом неизмеримо больше, чем у простых людей. Что души священников, по словам святого праведного Василия Великого, должны сиять, как солнце.... И что немногие из них спасутся. Сенька, вероятно, многое понял из сказанного ему духовником, но по-настоящему, сердцем принял не все: дряблая, истрадавшаяся, больная его душавсе еще нуждалась более в исцелении, нежели просвещении.

...— Э-э, кого это я вижу! Сенька-жиган собственной персоной! — услышал сержант знакомый и ненавистный хрипловатый голос. — Ну-ка, Колян, разуй ему глаза. Да подай-ка мне сюда его пушку, а то не ровен час, еще пальнет в кого с перепугу.

Руки Коляна отстегнули португеею с «кедром», повязка упала с Сенькиных глаз. Какое-то время он еще стоял, пошатываясь и щурясь от света. Потом пообвык и начал осматриваться. Штаб-квартира «Абрама» располагалась на широкой площадке у подножья четырех эскалаторов, уходивших в необозримую черную высь. Самоходные лестницы давно не работали: резиновые их поручни были вырваны с мясом, ступени сломаны и погнуты, местами они и вовсе отсутствовали, и в зияющих пустотах кое-где виднелись части таинственных механизмов, некогда приводивших эскалаторы в движение.

Абрам» восседал в центре этого импровизированного тронного зала на старинном кресле с позолотой, добытом, вероятно, в каком-нибудь театре или музее. Он был облачен в парчовый халат и сафьяновые сапоги. В руке — мундштук от кальяна, стоявшего тут же, на низеньком, резного дерева столике. Во всей его фигуре сквозило напыщенное позерство: в далеком советском прошлом он был завклубом — с тех пор так и не мог избавиться от тяги к вульгарной, пошлой роскоши. От Сеньки не укрылось, что бывший главарь их группировки, гроза Таганки и один из авторитетнейших воров Москвы заметно сдал: постарел, обрюзг и поседел. В его пергаментно белом лице, испещренном глубокими морщинами, отразились, казалось, все известные человечеству пороки.

«Тронный зал» был обильно устлан коврами. На них, сидя и вповалку, расположилась его «свита»: нечесанные, немые, с испитыми лицами звероподобные парни с цепями и обрезам, чем-то напоми-

навшие рокеров из американских боевиков, и столь же вульгарные, развязные девицы. Риты среди них не было. Все разношерстное общество уставилось на Сеньку, с нетерпением ожидая начала представления.

— Что ж, должен признаться, что мой воспитанник даром время не терял — глубокомысленно изрек «Абрам», внимательно рассмотрев Сеньку. — Повзрослел наш мальчуган, заматерел на вольных хлебах. Это вам уже не тот шкет, что по форточкам шарил. И не без успеха, заметьте господа, шарил, не без успеха! Наслышаны мы тут, грешным делом, уж не знаю, верить этому или нет? — понизил он голос, — что брат наш Сенька-жиган ссучился и переметнулся на сторону врага. Донесла нам сорока на хвосте, что вор-рецидивист записался то ли в секту, то ли в религиозную общину, и трудится теперь на колхозных полях, как последний лох. Так ли это, друг наш Сенька?

— А если и так, что с того? — огрызнулся сержант, понимая, что отвечать Абраму надо в его же духе — нагло и с поддевкой: стоит только проявить слабину, страх или неуверенность, и эта свора с удовольствием разорвет его на части. — Тебе-то Абрам, что за печаль. Я вроде ничего тебе не должен.

— Так-то это так, Сеня, кореш мой закадычный, только дело здесь уже не во мне одном, а в воровской нашей корпоративной этике. Закон ведь тебе известен, не так ли?

— Выходит, ты меня за этим звал? Счеты свести?

— Счеты с тобой, сявка легавая — с пол оборота завелся «Абрам», — я всегда свести успею! Для этого мне не нужно тащить тебя сюда. Думаю, ты и сам это понимаешь. Руки у меня достаточно длинные. А надо мне кое-что с тобой обкашлять. Наедине и конфиденциально, так сказать. Ну-ка вы, черти полосатые (он обернулся к своей «свите»), сгиньте с глаз долой, чтоб я вас не видел никого, пока обратно не позову. Валите, валите по быстрому! Гони их, Шило!

Сидевший рядом с «Абрамом» долговязый человек средних лет, самой, что ни на есть непримечательной наружности начал привставать, но его вмешательства не потребовалось: при первых же словах главаря всю «королевскую рать» как ветром сдуло.

— И ты ступай, Колян, иди, отдохни. Добрались-то нормально?

— В-восточный лаз в норме, Абрам — со страхом в голосе ответил Сенькин проводник, пятясь от «трона».

Пригласив Сеньку подойти ближе, «Абрам» начал внимательно изучать пистолет-пулемет и при этом тихо рассуждать как бы сам с собой.

– Сестрица твоя, друг мой Сенька, действительно жива. Цела и здорова. У меня она, но ты ее пока не увидишь. Нет ее, уехала на дрезине на север, «кунцевским» братанам поклон и маляву передать. Чего уставился? Не веришь? Ну, тогда гляди сюда...

«Абрам» вытащил из кармана халата пачку фотографий и веером разложил перед сержантом. На фотографиях в разных видах была изображена счастливая «семейная» жизнь его сестры Риты с «Абрамом». Ошибка исключалась.

– Ну что, въехал, Фома неверующий? А ведь ты и впрямь мой должник! Спас ведь я ее той ночью. С того света достал. Вот мать твою не спас – не успел, ей уже никто помочь не мог, а Риту прямо из морга отвез в реанимацию, к лучшим хирургам. Рана оказалась не смертельной, сквозной. Шок еще у нее был болевой – вот и принял ты ее за мертвую. Потом она в коме пролежала еще месяца два.... А сейчас гляди, какая красавица! Жена моя!

– Которая по счету, жена-то, Абрам? – Сенька с самого начала подозревал именно его, «Абрама», в организации того ночного налета на их квартиру. Теперь, с учетом новых данных картина несколько менялась, и ему надо было выигрывать время, чтобы успокоиться и сообразить, что к чему.

– Ты, Сенька – особо-то не хорохорься. Мне ведь стоит только глазом моргнуть – и от тебя даже шкурки не останется. Давай лучше потолкуем о деле.

– Я же тебе уже сказал, Абрам: нет у нас с тобой общих дел. И быть не может.

– Это как посмотреть.... Как посмотреть, друг мой Сенька. Правильно я говорю, Шило?

– Вот что, сержант – включился в разговор меланхоличный Шило. – Чего ходить вокруг да коло? Нам – кому «нам», ты со временем узнаешь – вот так (он резанул себя ладонью по горлу), нужны кое-какие сведения о ваших «Подсолнухах». Разные сведения. Обо всем понемножку. К примеру, о твоём начальнике – как его? – товарище Савине. О его привычках, перемещениях, связях в Москве, и не только в Москве. Кое-что, возможно, о самом укрепрайоне. Но ты не напрягайся – сведения несекретные, самые обычные, так что клятвы,

присяги – или чего вы там даете в общине? – тебе нарушать не придется. Будешь вести себя правильно, щедро заплатим. В противном случае... думаю, ты и сам это уже понимаешь, у твоей сестры могут появиться ненужные проблемы.

Шило говорил тихо и подчеркнуто буднично, как бы давая понять, что происходящая «вербовка» – пустая формальность, и ему нужно только изложить некоторые факты, чтобы Сенька лучше уяснил всю безвыходность своего положения.

Что делать? Как поступить? Сержант снова ощутил прилив внезапной слепой ярости, из-за которой он двумя часами раньше чуть не лишил жизни «земляка Коляна». Но вовремя сдержал себя, и даже постарался изобразить на лице растерянность. Время! Нужно выиграть время! Мысль его лихорадочно работала: «Теперь хоть ясно: «Абрам» – посредник, и главный здесь не он, а этот «вербовщик» по кличке Шило. Уголовник и, по всему виду, уголовник бывалый. Впрочем, и Шило – скорее всего, не более чем исполнитель. За ним скрывается рыба покрупней. (Сеньки вспомнилась недавняя лесная засада и странная цепь совпадений, приведшая его в итоге к Абраму). Рита в этой игре – приманка и заложник. Пока она в их власти, он, Сенька, связан по рукам и ногам и должен будет принять навязанные ему правила. Или сделать вид, что принял. С другой стороны, Рита жива – это открывает некоторые перспективы.... Ладно! В любом случае выбирать пока особо не из чего...».

– Предположим, я согласен. Что дальше? Где гарантии, что Ритой ничего не случится? И потом – Сенька решил сыграть «на публику» и изобразить жадность – чувство, безусловно, близкое и понятное «браткам», – что значит «щедро заплатим»?

– Вот и славненько! Вот и сварганили дельце! – Абрам с видимым облегчением заерзал на кресле – Я же говорил (это уже Шиле), что «жиган» – паренек бойкий и смысленный, и своего не упустит. О сестре не волнуйся: здесь она в полной безопасности. Ты ведь не торопишься, не так ли? Завтра она вернется, и сама тебе все расскажет. А про щедрость наших друзей – Шилы и полковника Ш... – впрочем, это не важно – там (он указал перстом в потолок) легенды ходят. Главное дело сделать, а уж они за ценой не постоят.

На протяжении всей этой тирады Шило, как заметил Сенька, сидел как вкопанный, задумчиво уставившись в пол. Что-то, видимо, он учу-

ял в Сенькиных словах или сказала наработанная годами отсидки лагерная интуиция – только посланник неведомого полковника Ш... явно не спешил разделять ликования «Абрама». Впрочем, к долгим размышлениям он тоже, видно, очень-то был расположен. Выждав небольшую паузу, он, заявил, что в ближайшие дни на Сеньку «выйдет человек» и, представившись от Шилы, объяснит, что ему надо делать дальше. Вознаграждение за «работу» получит Рита. Сколько конкретно? Это зависит от объема и качества предоставляемой информации. «И имей в виду, сержант, – угрюмо бросил он, – за тобою всюду будет глаз, так что лучше не финти!»

«Аудиенция» подошла к концу. Сеньку отвели в крохотную комнату, похожую на тюремную камеру. Под потолком тускло мерцала лампочка. Кроме стола, табуретки и узкой койки у стены в помещении больше ничего не было. Дверь закрылась, щелкнул замок, и Сенька остался наедине со своими не Бог весть какими веселыми мыслями. Правильно ли он поступил, что согласился? Чего теперь он скажет Антону и Крису, и надо ли вообще что-то им говорить? Может быть, попытаться самому как-то разрулить ситуацию? Мысли путались, беспорядочно крутились в голове, налезали одна на другую.... Гробовая тишина и толща земли над головой по-прежнему подавляли волю. Сенька снова вспомнил уроки отца Досифея, бросил думать и начал усиленно молиться. Постепенно мысли затихли, и он уснул.

...– Вставай, Сеня, просыпайся, родной! – Голос сестры звучал ласково и требовательно, как в детстве, и Сенька по привычке буркнул что-то нечленораздельное себе под нос, и перевернулся на другой бок. Но тут же опомнился и резко сел на койке. Громко скрипнули пружины.

– Рита, ты?

– Я, я, родной, только шуметь не надо. Времени в обрез. Слава Богу, ты жив, Сенечка, братик! – Рита всхлипнула, и на правах старшей сестры, погладила сержанта по голове и на мгновение прижала к груди. – Господи, как же ты вырос! И возмужал! А я уж и не надеялась тебя увидеть. Нет, нет, молчи! Я все знаю о вашем разговоре с «Абрамом». Кто рассказал? Он и рассказал. Пока ни о чем не спрашивай. Здесь, в конверте письмо – там все написано. Сейчас тебе надо срочно уходить. Шило отправился наверх, к своим – что они решат в отношении тебя, один Бог знает. Рисковать не стоит. Надо уходить прямо сейчас. Вот фонарь и немного еды в дорогу. Пойдешь налево

по путям. Никуда не сворачивай – дорога наверх простая, это они тебя специально путали, чтобы следы замести. Как доберешься до «пришлых» (это бывшее депо со старыми вагонами... знаешь уже? – ну и хорошо), слева, в крайнем вагоне найдешь группу ребятишек десяти – двенадцати лет. Их человек двадцать. Старший – Рома. Скажешь ему, что ты мой брат. Забери их с собой наверх, прошу тебя! Вывези из города, иначе распродадут их по бандам. Обо мне не беспокойся: ничего Абрам мне не сделает. Скажу, что не утерпела, хотела тебя повидать, а ты не послушался, да и ушел раньше, чтобы своих начальников не насторожить: мол, если бы ты опоздал, могли возникнуть подозрения, и тебе трудно было бы выполнить задание. Деваться им некуда – поверят: они все равно хотели завтра тебя выпустить – сама слышала.

– Когда же теперь увидимся, сестренка? Такая радость, и даже поговорить не удастся!

– Обязательно увидимся, родной. Скоро увидимся.

– Ты вот что, Рита, любой ценой свяжись с Новоспасским монастырем, найди там владыку Феогносту.... Он меня помнит, и обязательно тебе поможет. Уходи отсюда, сестренка, беги при первом же удобном случае. А потом тебя переправят в «Подсолнухи»....

– Обещаю, Сеня. Как ослушаться такого грозного воина?!

Они вышли в темный тоннель, постояли, обнявшись, несколько минут и расстались, так не успев осознать, каким Божьим чудом одали их Промысел, устроив их встречу.

На поверхность Сенька выбрался на удивление быстро и легко. Не составило ему большого труда и выполнить просьбу Риты – забрать детишек из депо. Часовой у вагона даже пикнуть не успел: отработанным ударом ребра ладони под подбородок Сенька вырубил его часа на три. Ромка оказался смышленным и самостоятельным пареньком, чем-то напомнившим Сеньке его самого двадцатилетней давности: такой же тощий, шустрый и задиристый. Детишки выглядели сонными и понурыми. Они едва перебирали ногами (два дня ничего не ели – пояснил Ромка), и кутались в такие лохмотья, словно всю жизнь провели на паперти.

Опасаясь погони, Сенька отвел всю группу метров за пятьсот от Киевского вокзала, к которому вывел их подземный тоннель, и спрятал в старом пакгаузе под пандусом, используя в качестве маскировки груды мешков из-под угля. Детишки и не думали роптать на грязь и

неудобство. Разделив между собой крохи еды, полученной в дорогу от Риты, они зарылись в мешки и дружно уснули. Ромка остался на часах, а Сенька, проплутав со всеми возможными предосторожностями (оружие-то осталось у Абрама) по закоулкам Арбата, к рассвету добрался-таки до ворот спасительных ворот Новоспасской обители.

Выслушав краткий отчет старшины Ларина о визите к Абраму (Шилу и полковника «Ш» он решил в отчете не упоминать), командиры немедленно снарядили «Ивеку», и вместе с Сенькой и группой охранения отправились к вокзалу выручать Ромку с малышкой.

Так община получила неожиданное пополнение, а Сенька – неутрачивающую боль и тревогу о воскресшей из небытия сестре, и еще думы о том, как распутать тугой узел интриги, навязанной ему Абрамом вместе с неведомыми его покровителями.

...Генерал Савин в очередной раз сверился с картой, и нанес на нее только что полученные из

штаба дивизии свежие данные о резервных маршрутах при выезде из города. Заправленный и загруженный автобус, переваливаясь через последние московские рытвины, вновь приблизился к Химкинскому КПП. Знакомый уже нам капитан ФСОП со всех ног спешил ему навстречу, демонстрируя радушие. Он подпрыгивал, размахивал руками, яростно подгонял своих горе – подчиненных и, беззвучно разевая рот, призывал на них громы и молнии.

Антон обернулся и оглядел салон. Все на месте – Крис, Сенька, Настя.... Все – да не только. В хвосте «Ивеки» попискивало пополнение – двадцать два юных обитателя московского «дна». Строго говоря, вывозить из города этих детей, хотя бы и беспризорных, не полагалось: по закону на них надлежало оформить кучу бумаг и добиться письменного разрешения властей. Но в данном случае Антон не испытывал особых угрызений совести: власти даже не пытались изображать заботу о малых и сирых сих, давно махнув на все рукой. «Бог не выдаст – свинья не съест» – к тому же теперь он мог смело рассчитывать на благосклонность своего «друга-федерала» – braveго начальника КПП.

– Бог мой, Антон Павлович, какая приятнейшая встреча! А я уж и не надеялся! Что вы говорите? Какие еще формальности, помилуй

Отъезд из Москвы, тремя днями позже

Бог! Заглянуть в автобус? Зачем! Чего я там забыл? Как съездили? Как экскурсия? Ребята довольны?

Капитан трещал без умолка, и периодически просительно заглядывал в глаза генералу, всем своим видом напрашиваясь на магарыч. Получив искомое, он широким, барским жестом отпустил автобус, и, как бы невзначай, поинтересовался обратным маршрутом.

Антон охотно заверил «любезного друга», что маршрут тот же, что и всегда, никто его менять не собирается... Сомнений у него не оставалось: сегодня же эта информация ляжет на стол руководства ФСОП... А дальше – куда она пойдет дальше? Впрочем, это уже не имело принципиального значения. Кто бы и где бы их ни поджидал – не дождется! Обьездными путями – по Пятницкому и Новорижскому шоссе – к вечеру они выйдут на условленное место под Волоколамском, а там их уже ждет усиленная группа боевого сопровождения Армии обороны.

Двери закрылись. Обдав «любезного друга» и его дружину клубами сизого дыма, «Ивеко» взял курс на «Подсолнухи». За спиною таял, скрываясь во мгле, Большой город, но молодежь, с удовлетворением отметил про себя Антон, даже смотрела в его сторону. Она стала чуточку другой. Чуть более взрослой, что ли, более мудрой. Ее не тянуло больше в каменные джунгли. Как и положено юности, она всей душой стремилась вперед. Туда, где родной дом. Где будущее.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОПЕРАЦИЯ «ЗАХВАТ»

Казачий Дюк – Лиза, год спустя

Серые, в подтеках, потемневшие – то ли от сырости, то ли от дыма старенькой буржуйки – своды северного придела храма Иоанна Богослова притягивали к себе девочку, как магнитом. Вот и сегодня с первыми звуками псалмов взгляд ее устремился к плавным арочным изгибам. «Господу помолимся!..» – затаил нараспев старенький отец Артемий, и Лизе, шепотом вторившей его словам, вновь, в который раз показалось, что своды древней церкви вдруг ожили: они, то приближались, то убегали ввысь, странные блики и тени выводили живые узоры на бурой штукатурке, образовывая неясные лики. Лики были подвижны и светлы, вниматель-

ны и участливы. Они вглядывались в нее, вслушивались в ее горькие мольбы. В такие мгновенья время теряло свой бег, стены храма раздвигались, и Лиза парила, не чуя под собой ног, от неведомого счастья и покоя, свободная от боли, страха и гнета земной жизни. Как ждала она этих мгновений, как мечтала о них в канун каждого воскресенья, готовясь к причастию и вычитывая на пару с бабой Дашей положенные правила! Только здесь, под этими сводами, по-настоящему отдыхала ее душа, наполняясь силой и тайной надеждой на чудо, почти утерянной после гибели отца и трагического исчезновения мамы.

В свои пятнадцать лет, часть которых прошла в подмосковном Красногорске, умом она понимала, что игра теней под куполом древ-

него храма, подвергшегося за столетия своего существования неоднократным поруганиям и реставрациям, могла быть (и, скорее всего, была) плодом ее смятенного воображения. Умом – но не сердцем. Сердце не желало соглашаться. Оно бунтовало, будило Лизу по ночам, влекло к иконе Богородицы, смутно мерцавшей в дальнем красном углу «залы» – так бабушка называла просторную комнату избы-пятистенки, служившую одновременно и гостиной и спальней для всех членов семьи. Сердце отбрасывало «разумные» доводы рассудка, и Лиза падала на колени, произнося не обычные дневные молитвы, а странные несвязные слезные всхлипы, которые непроизвольно слетали с ее губ и растворялись в гулкой тишине ночи, скрипе сверчка и похрапывании отчима и прабабки. От Лизиных причитаний баба Даша частенько просыпалась – отчим ни разу – но не одергивала правнучку, не прерывала ее, а только в такт с ней и сама начинала вздыхать и ворочаться; старенькая пружинная кровать под грузным ее телом скрипела и тоже, кажется, вздыхала. Лиза не останавливалась, а лишь старалась молиться чуть тише, ощущая бабкино присутствие и сопереживание. В эти ночные часы они, не говоря друг другу ни слова, делались близкими и родными друг другу, как никогда. Днем снова разъединялись и опять становились собой: грозная, сварливая девяностолетняя баба Даша и Лиза по прозвищу «упертая».

Упертой ее впервые назвала мать. Было тогда Лизе лет десять от роду. Отец был еще жив, еще не погиб «при исполнении», и они только-только переехали из Тулы в новую трехкомнатную квартиру в подмосковном Красногорске. Девочка впервые в жизни увидела Москву, и поступила в настоящую городскую школу. После непродолжительной адаптации в незнакомом школьном коллективе и «отборочной» драки на заднем дворе, ее признали, и у нее появились подруги. Одной из них – самой близкой, Наташке Синицыной, она и подарила те замечательные сверкающие граненые пробочки, что сняла без спросу с флаконов маминых духов. Вечером того же дня пропажа была обнаружена, и мама с папой, пригласив дочку в гостиную, приступили к выяснению обстоятельств ЧП. Лиза молчала. Разговор затянулся до глубокой ночи. Родители требовали, а затем уже просили только об одном – сознаться в содеянном, обещая не наказывать. Лиза и сама знала, что ничего ей не будет, но какая-то неодолимая сила сопротивления, дремавшая в ней с раннего детства (едва появившись

на свет, она наотрез отказалась взять материнскую грудь), овладела ею с неодолимой силой. Родители тогда отступились: отец озадаченно молчал и о чем-то, опустив глаза, напряженно размышлял, отчего ей делалось горько и тревожно; мать, усталая и раздраженная, в конце концов, бросила в сердцах: «Ты всегда была упертая, упертая, упертая.... Почему ты нас не любишь?!».

А Лиза их любила, но по-своему: скрытно и бескомпромиссно. Каждого на свой лад. Маму – безоглядно и ревниво, потому столь часты и резки бывали их ссоры. Отца – с тайным благоговением, по-детски во всем ему подражая и считая своим рыцарем и лучшим другом, хранителем ее детских тайн и сокровенных мыслей. Он служил военным летчиком-испытателем, часто и подолгу пропадал в командировках, а когда приезжал, все свободное время посвящал дочке: таскал ее с собой за грибами и на рыбалку, приучал к походной жизни и спорту, но главное – прививал ей искреннюю веру в Бога, столь, казалось бы, не свойственную людям его профессии. Читая ей по вечерам детскую Библию, он всегда делился с ней своими мыслями и рассуждениями, своим особым утонченным пониманием сокровенной жизни души, приводил примеры из реальной жизни и не избегал «взрослых тем». Лиза шла за ним в веру, как в гору; иногда ей представлялось, будто она, как в детстве, сидит у него на плечах, высоко-высоко, сердечко замирает от страха, и оба нераздельным целым из тьмы вступают в дивное и светлое царство, именуемое Богом.

– Знаешь, дочка, – он усаживал ее на колени и находил в детской Библии нужную страницу, – Господь нарисован здесь сидящим на облаке, видишь? На самом деле Он вездесущий – Его Дух находится и в этой святой книге, Он знает каждую травинку, нашу кошку Люську, самую дальнюю звезду... Мир, который тебя окружает – отсюда и до самых дальних просторов космоса – это не хаос, а великий и невообразимо сложный живой организм. Он создан Богом, и он есть Бог. Человек в нем настолько мал, а разум его в сравнении с Божьим разумом настолько слаб, что нам очень трудно понять и вместить в себя эту реальность. И тогда человек, точнее, некоторые люди ее просто отрицают.... И, страшно даже подумать, – добровольно ставят себя вне Бога, отвергают Его! Вот скажи, кто сделал твой велосипед?

– Ну, кто? Известно кто. На заводе.

– А, может быть, он сам собою появился, случайно?

– Да ладно, пап, что я маленькая, что ли? Его люди сделали – инженеры, рабочие....

– То есть даже такую, в общем-то, несложную вещь, как велосипед, сделал кто-то разумный, так? Из ниоткуда она не может появиться?

– Конечно, не может.

– А теперь представь, что и цветок, и наша планета, и вся бескрайняя вселенная, сама жизнь в бесконечном ее многообразии тоже кем-то сделаны, сотворены. И этот кто-то – Бог, незримо управляющий всем, присутствующий во всем.

– И во мне? – сердце Лизы замирало и начинало биться сильнее, когда устами отца произносилось ожидаемое «да».

– Душа твоя, Лизонька, это что-то вроде рации в моем самолете, только по рации можно связаться с людьми – что-то сказать им или, наоборот, услышать, а душа настроена прямо на Бога....

– Как это, пап? Выходит, и я могу поговорить с Ним? – Лиза была не на шутку заинтригована.

– Конечно,... почему нет? Но, знаешь, если мы Его не слышим и не можем к Нему обратиться, то проблема не в Нем, а в нас...

– В нас?

– Ну да, представь, что я возьму свою рацию, да и брошу ее в болото, и пролежит она там, в тине и грязи год – другой. Можно ли будет потом на ней работать?

– Конечно, нельзя, пап, это же ясно. Она заржавеет, и все такое...

– Вот видишь! Заржавеет. А теперь представь, что и твоя душа, как приемник и передатчик сигналов к Богу, точно так же может заржаветь и засориться – дурными мыслями, словами, поступками. И в какой-то момент она просто перестанет работать. Понятно?

– У всех, у всех!? – Лиза крепче прижималась к отцу и лукаво заглядывала ему в глаза.

– А как ты думаешь? Вот скажи, бывают у тебя непрошенные мысли?

– Еще бы, сколько угодно. Особенно по вечерам: вроде и спать хочется, а они не дают, вертятся в голове, лезут...

Отец на мгновение умолкал и с каким-то напряженным вниманием, смешанным с удивлением, всматривался в лицо дочери. Странные все же люди – дети! Сколько раз, бывало, в разгар обычных шалостей и дурашливого лепета он вдруг замечал на себе ее глубокий и про-

никновенный взгляд. Иногда взгляд заменяла неожиданная фраза, в которой, если вдуматься, присутствовало столько неземной глубины и мудрости, что хватило бы на десяток профессоров. В такие минуты он ловил себя на мысли, что перестает безоговорочно верить ее детскости, что на самом деле из глаз ее на него взирает другое, премудрое и всезнающее Существо... может быть, сам Бог? А странные, нелогичные поступки детей? На память ему приходила какая-нибудь очередная Лизина выходка в детском саду. Как-то раз на прогулке в парке она вдруг закричала не своим голосом: «Бежим отсюда, на нас нападают бешеные рыжие бульдоги!» Все, кто оказался рядом, воспитатели и дети, со всех ног бросились бежать. Потом, когда тревога оказалось ложной и от Лизы потребовали объяснений, она как ни в чем не бывало заявила: «Я же видела среди деревьев их бурые мохнатые спины!».

– Ну, хорошо! А что такое – непрошенные мысли? Откуда они берутся в твоей курчавой головке, если они не твои, и ты их в гости не приглашала?

– Учительница говорит – они из подсознания. Но я, если по правде, я не очень понимаю, что это такое.

– Давай рассуждать вместе, ладно? Подсознание – оно чье? Правильно, твое – не чужое же, так? А раз оно твое, как же оно посылает тебе мысли, не дающие тебе спать, мучающие тебя? Оно что, враг? Нет, доченька, здесь другое... Вот прикинь, сколько внимания мы уделяем своему телу – с утра до ночи его ублажаем. А душе? То-то и оно! Не думаем мы о ней, бедняжке, совсем не жалеем ее. От этого нашего невнимания, незнания и неумения за ней ухаживать, хотя бы, как за телом, она слабеет и болеет, а иногда даже почти умирает... Или, как минимум мучает нас изнутри – теми же непрошенными мыслями, страхами.

– И моя душа тоже может «почти умереть»?

– Нет, котенок, тебе это, по-моему, уже не грозит. Ты уже знаешь о ее существовании, помнишь о ней, заботишься, как я тебя учил. Это очень важно, потому что душа стократ важнее тела. В Евангелии Господь говорит: *какая польза человеку, если он весь мир обретет, а душе своей повредит?* Забота о душе, наблюдение и уход за ней, внимание к ее запросам – это и есть духовный труд. Он всегда индивидуален: никто за тебя, милая моя, эту работу не сделает. Кто, кроме тебя,

станет чистить твою душу-рацию, настраивать ее на волну общения с Господом?

Но и душа твоя, представь, тоже не сидит без дела. Она помогает тебе в духовных трудах, облегчает их, как бы идет тебе навстречу. Но это, конечно, не просто душа к тебе идет – это сам Господь через нее откликается на твой призыв, и чем чище становится твоя жизнь, тем лучше ты слышишь, ощущаешь Его, а Он соответственно – тебя.... С Ним ты нигде и никогда не будешь одинока, доченька! Однажды меня не будет рядом с тобой. И мамы. И ты останешься одна. Не грусти, родная, ведь ты уже большая! Когда это произойдет, никто не знает. Но помни, что и в этом случае ты не будешь одинока. Ты останешься под Его божественным покровом и защитой, главное – не терять внимания к себе, не оставлять веры и молитвы, чтобы душа твоя всегда была чистой и напряженной – не дребезжала, как расстроенная балалайка, а звенела и пела. Тогда ты не выпустишь из своей ладони крепкой и любящей руки Отца Небесного. Господь всегда будет с тобой – но лишь в той мере, в какой (только не удивляйся!) ты сама, да-да, сама Лизонька, сама позволишь Ему быть рядом: исполнением заповедей, молитвой, покаянием.

Вечерние их беседы затягивались порой далеко за полночь; мать иногда заглядывала к ним в комнату, какое-то время прислушивалась, но никогда не вмешивалась – уходила на кухню или в спальню.

Лизе нравилось, что, рассказывая о Боге, отец не поучал ее в прямом смысле слова, а, скорее, по-взрослому делился с ней своими мыслями, чувствами, сомнениями и открытиями. Он передавал ей только то, что успел опытно постичь сам: навыки молитвы и дисциплины ума, наблюдения, рассуждения и внимания к «внутреннему человеку», безбоязненного ежедневного покаяния как средства, как он говорил, «гигиены души». Он учил ее правильному, благоговейному, сердцем чтению Библии и «хождению пред Богом», то есть ежеминутному равнению на Христа – Спасителя и Богочеловека. Взирая на Его святой образ, который является для нас идеалом, мы можем четко видеть малейшие изъяны нашего собственного духовного состояния. Благодаря урокам отца, Лиза, не любившая, как и многие ее сверстники, читать, постепенно увлеклась Новым Заветом, и иногда задавала своему «наставнику» такие заковыристые вопросы, что тот только озадаченно хмыкал и лез за разъяснением в труды Святых отцов. Многого из того,

о чем говорил ей отец, Лиза, естественно, до конца не понимала. Да и не стремилась понять – просто купалась в теплом потоке его искренней заботы и любви....

Присутствие Бога в своей жизни она впервые по-настоящему почувствовала, когда ей было около девяти лет. В тот прохладный осенний день отец, как обычно, взял ее с собой на воскресную службу. (Мама с ними в церковь не ходила – молилась дома тайком от всех). Проснулись рано, завели машину и вскоре приехали в Троице-Лыково. На входе в храм Рождества Пресвятой Богородицы встретили старенького настоятеля отца Стефана, служившего здесь с незапамятных времен. Он-то и угостил Лизу узорчатым, мягким и пахучим тульским пряником, который, впрочем, отец тут же у нее забрал, напомнив о соблюдении поста перед причастием. А ей так хотелось попробовать этого лакомства – ну, хоть кусочек, хоть краешек!

– Па-ап, а что здесь такого? Я же не стану его есть целиком, я только капельку откушу, – хныкала Лиза, дергая отца за рукав кителя.

– Ладно, – неожиданно легко согласился он – держи свой пряник, только смотри – когда будешь есть, чтобы Господь тебя не застал за этим занятием.

С пряником в руке Лиза начала протискиваться сквозь толпу молящихся, выбирая уголок поукромней; отец с хитрой улыбкой смотрел ей вслед. Вот вроде бы подходящее место! Она поднесла пряник ко рту... и замерла в испуге – со старинной иконы на нее в упор взирает Иисус Христос. Он не сердился, нет, – просто спокойно и благожелательно наблюдал, что она собиралась делать. И он был не рисованным – живым! Лиза смущенно поклонилась Господу, и, отступив на несколько шагов в сторону, предприняла вторую попытку. Но и здесь ее со всех сторон окружали святые лики, глядевшие, как ей снова почудилось, прямо на ее злополучный пряник. Еще два-три раза она пыталась уединиться, но все напрасно: в храме не нашлось ни одного места, где бы девочку не видел Бог или Его святые. Так пролетела вся служба. Пряник остался цел и невредим. Он был съеден Лизой только после того, как, причастившись, они с отцом вышли на просторную мощеную площадку перед храмом и купили бутылку лимонада для себя и орешков для здешних белок....

Позже, когда отца не стало, и когда, будто отместку за его нелепую гибель, вдребезги рассыпалась вся ее прежняя жизнь, Лиза, кажется,

начала понимать, почему он так спешил передать ей свой духовный опыт и знания. Выходит, он в какой-то мере знал, предчувствовал, что ожидало всех их в недалеком будущем, и торопился воспитать в дочери осознанную веру – единственное оружие, способное в любых, даже самых безнадежных обстоятельствах защитить ее от обезумевшего мира. Как полезны оказались для нее его уроки! Как много, оказывается, он успел ей сообщить, как многому научить, и как это многое в итоге спасло и уберегло ее, помогло выстоять в страшную годину испытаний. Не оттого ли ей все время чудилось, что он где-то рядом, что он не умер?..

Лизе до сих пор снились кошмарные сцены их бегства из Москвы: жуткие вопли женщин и детей, зарево пожаров, руки, жадно тянувшиеся из толпы к их старенькому «форду», треск автоматных очередей... Однажды в сарай, куда они с отчимом укрылись на ночь, ворвались бандиты. С улицы доносились глухие хлопки и чьи-то истошные вопли. Роман спал на чердаке, с головой зарывшись в сено, и его не заметили; Лиза же осталась внизу и, пока бородатые дядьки с обрезами обыскивали помещение, она, онемев от ужаса, стояла, прижавшись к суковатой стене сарая, и непрерывно, как учил отец, творя Иисусову молитву. Секунды тянулись в вечность. В какой-то момент лучик фонарика выхватил и ее, и прямо перед собой она увидела широкую, скуластую, небритую физиономию старика. Равнодушно скользнув взглядом по ее лицу (то ли не увидел, то ли сделал вид, что не увидел), он двинулся дальше, покрикивая на остальных.

...В храме тем временем допели «Символ веры», и горькие Лизины мысли вновь вернулись к маме.

«Господи, верни мне ее, пожалуйста, Ты ведь всемогущий, Боженька, Ты ведь знаешь, где она сейчас, видишь ее. Она ведь не погибла, правда, миленький? Помоги ей, спаси, сохрани, защити. Укажи ей путь домой, я так по ней соскучилась!..» Слезы текли по Лизиныным щекам, и она тайком, чтобы никто не увидел, вытирала их, но жажда чуда вновь возносила ее на гребень отчаяния, новая мольба о матери срывалась с детских ее губ, и новые слезы омывали недетскую ее скорбь.

– Ну-ну, милая. Не горюй, все уладится, все будет хорошо! – баба Даша, стоявшая за Лизой, осеяла себя крестным знаменем и тайно просила Богородицу вернуть девочке мать, а ей – внучку Алену, без вести пропавшую два года назад в мятежной, бунтарской Москве. По-

винуясь внезапному порыву, она горестно вздыхала и клала тяжелую свою, кряжистую, изъеденную земляной работой и похожую на корневище старого дерева руку на девичье плечо, и Лиза, принимая этот жест участия, скоро переставала рыдать и на время утихала.

Литургия закончилась. Причастенные и усталые, обе отправились домой. Деловой гомон сельской жизни быстро заслонил и заглушил общее для них утреннее переживание. Бабка начала строго поглядывать на внучку, вспоминая на время отложенные замечания и поручения; та, в свою очередь, добавила шагу, подтянулась, и вновь ощутила внутри себя знакомое желание противиться старухиной вредности и категоричности. Мосты, кратко соединившие их души ночью и в храме, снова разошлись. Жизнь потекла своим чередом, диктуя свои повседневные «нужды и гнев».

Сентябрьский день обещал быть на редкость тихим и теплым. От утреннего зябкого тумана не осталось и следа. Убывающее солнышко, выглянув из-за кудрявых облаков, старательно отогревало землю. Прихожане спешили по домам, чтобы остаток единственного выходного дня посвятить приятным домашним хлопотам: обедам и баням, а под занавес – непременно посиделкам во дворе общинного клуба с песнями, плясками, двухведерным медным самоваром – гордостью Казачьего Дюка и горьковатым самосадом. День сулил покой – а могло ли быть что-то важнее этого покоя для людей, переживших тягостные и горькие скитания? Тревога и страх, разумеется, никуда не подевались – они давно уже стали неотъемлемой частью быта православного села. В окрестностях, нет-нет, да и объявлялись мародеры – то скотину угонят, то нападут на дальние хутора и заимки, то ограбят обоз. Община отвечала жестко и скоро: в одних случаях – силами собственного ополчения, в других – с помощью мобильных патрулей Армии обороны. Справлялись и... привыкли всегда быть начеку. Опасность таилась повсюду, ею дышал каждый куст, каждый овраг или косогор, но в этот светлый, ясный день о плохом думать как-то не хотелось. Все спешили досыта насладиться умиротворяющей негой уходящего лета.

– Здорова будь, Степанна! С причастищем тебя! – Тоший, нескладный мужичонка, в кепке и мятом, с чужого плеча пиджаке, жеванных

Русское чудо трезвения

брюках и видавших виды сандалиях на босу ногу окликнул наших попутчиц, окончательно возвращая их к действительности. Судя по неверной походке, он уже с утра был навеселе, и теперь ловко, как ему казалось, смещался влево, уступая дорогу «дамам». Галантность его, впрочем, осталась без должного вознаграждения. Старуху не зря за глаза величали «грозной». Мгновенно оценив ситуацию, она тараном двинулась на незадачливого кавалера.

– Тьфу, Гришка, окаянный! С утра уже успел нализаться!

– Ну и что, ... что с того! Тебе-то какая разница?

– Мне-то? А в том моя разница, охальник, что ты здоровье свое горишь и грех на душу берешь. Меры не знаешь, прости Господи! Ишь, за старое принялся, окаянный: чуть не каждый день от тебя спиртным разит. И как еще только лошади тебя такого терпят? Ребятишек бы своих пожалел, что ли! И внучку мою заодно с ними: приятно ей, скажи, сейчас на рожу твою опухшую любоваться? И где вы только, интересно, магарыч по утрам находите?

Баба Даша наседала и наседала на незадачливого Гришку, требуя от него немедленного признания. Старухин вопрос был отнюдь не праздным: самогон в деревне, если и гнали, то только для медицинских целей и несчастных общих застолий; в домах заниматься этим делом категорически запрещалось. По Уставу – вплоть до изгнания из общины. Между тем Гришка был явно и вызывающе пьян – причем в самое что ни на есть неурочное время. Дело требовало немедленного разъяснения.

– Ладно тебе, Степанна, ну, в-в-ыпил, с кем не б-б-ывает. Чего пристала?

Со страху Гришка начал заикаться и при этом незаметно отступать к калитке своего дома – благо та была недалеко. Но зоркая старуха разгадала его нехитрый маневр и, крепко ухватив за рукав, повторила вопрос: «Откуда?».

Вмиг протрезвев и поняв, что дальнейшие разборки с «дурной бабой» до добра не доведут, конюх сознался, что водкой его «давеча угостили, а нонче утром похмелили» городские туристы – «симпатичные ребята», человек шесть-семь, живут в палатках за балкой, на старом полигоне». Откуда они взялись, и чем промышляют в здешних краях, конюх, естественно, не знал. По виду – охотники, но ни охотничьих ружей, ни рыболовных снастей он у них не заметил. Интересовались

незнакомцы в основном полигоном и самим Казачьим Дюком: почему, де, так названо село, много ли в нем живет народа, и так далее в том же духе. Угощали, не скупясь, настоящей водкой – один этот факт, по мнению Гришки, совершенно освобождал его от всякой ответственности – кто бы на его месте устоял? Тем не менее, перспектива вечернего объяснения с сельским начальством Гришке явно не улыбалась – вот и последовала от него к уважаемой Степановне «личная просьба»: забыть это пустое дельце «для ясности».

Старуха ничего не ответила. Провожая незадачливого кавалера долгим задумчивым взором, она твердо решила сегодня же переговорить с главой сельсовета Ушаковым и о конюхе, и об этих странных туристах, готовых транжирить дефицитную по нынешним временам водку на деревенских забулдыг. «Чего, интересно, они забыли на полигоне, почему ни разу не появились в Казачьем Дюке?.. Выпивку мужикам подносят, вопросы разные задают.... Не к добру все это!» – Баба Даша скорбно поджала губы, нахмурилась и, дернув за рукав заглядевшуюся на стайку воробьев Лизу, мелко засеменила к дому.

Война «зеленому змию» – этому извечному супостату Святой Руси – была объявлена в Казачьем Дюке два года назад. Коренные преобразования начались сразу после присоединения этого глухого умирающего села к Псковско-Великолукскому православному укрепрайону. Решение о вступлении в общинное содружество с «Подсолнухами» принималось всем сходом – «за» голосовали даже не совсем соображавшие, к чему идет дело, местные алкаши. После того исторического собрания в Казачий Дюк из центральной усадьбы зачастили «группы развития»: они досконально изучили жизнь села, структуру его хозяйства (вернее, того, что от нее осталось), оценили объемы необходимых восстановительных работ и финансовых вливаний. Населению разъяснялись условия предстоящего объединения и устав православной общины, который всем, кроме малых детей, надлежало подписать лично.

Главные усилия миссионеров были направлены на возрождение традиционной веры. Неверов и бытовых атеистов, среди жителей Дюка, считай, что и не осталось: слишком многое пришлось испытать и выстрадать этим людям, чтобы искать заступничества у кого-либо, кроме всевышнего Бога. Страдания, утверждают святые отцы, – *повитуха веры. Многими скорбями, – учит Писание, – подобает внити*

в Царство Небесное. Но как быть, если вера эта начальная, интуитивная, наивная, хлипкая, поверхностная? Сельский храм, разоренный почти сто лет назад, стоял недостроенным: перекрыть-то его – кое-как перекрыли, даже отштукатурили один из приделов, но отопления так и не провели – кончились деньги и материалы. Да и запал иссяк. Вот и служил отец Артемий в одном-единственном его крыле под треск (а иногда и чад) старенькой чугунной печки. Он не жаловался, напротив, в проповедях частенько вспоминал духоносные времена древней каткомбной Церкви и подвиги ранних христиан. «В пустыньке моей, на задворках и служитя как-то иначе, – говаривал он, – тут по бедности легче дышится. И Духа Святого больше».

На первом после присоединения к «Посолнухам» сходе общины решено было завершить реконструкцию храма, создать приходскую гимназию, открыть курсы катехизации, а также построить «инкубатор» для беженцев. Под страхом отлучения от общины (что в лихие годы смуты было равносильно смертному приговору) запрещалось самогонование и распространение спиртного в любых формах. Это не означало введения сухого закона: устанавливались лишь общественно-приемлемые, безопасные для населения нормы, рамки, время и место употребления алкоголя. В сельском клубе и по домам живо прошла устная агитация за трезвый образ жизни, которую по своим методикам вели прибывшие из «Подсолнухов» священники и православная молодежь. Мало кто тогда верил в успех этой затеи – слишком глубокими и прочными казались корни проклятого недуга. Но время показало обратное. Живое слово о Боге как воздух требовалось людям – даже, казалось бы, неизлечимым и навсегда потерянным для общества. Любовь, сострадание, милосердие, надежда, смысл бытия – эти христианские ценности во все времена большинству человечества представлялись отвлеченными и непрактичными. Но они никогда таковыми не являлись: вне этих духовных критериев и ориентиров любой социум рано или поздно начинает хиреть и разрушаться. Душа, пока она жива, жаждет своего – *«единого на потребу»*. Жители Казачьего Дюка очень скоро смогли сполна убедиться в этой истине. Яркая проповедь, обращенная к их сердцам, проникнутая духом новизны и чистоты, помогла им заново осознать себя, увидеть свою поврежденность, получить новое понимание веры Христовой. Не внешнее, не умственно-буквальное исполнение правил и обрядов, а трепетное и покаянное

очищение собственной души, *«сокровенного сердца человека»* от коросты греха, возвращение в себе духа смирения и любви, и через это – принятие благодати Бога Живаго – таково правильное, целительное исповедание Христа. Не на словах – на практике подтверждалась правота святых отцов: *русские люди первую мысль, первую силу всегда отдают Богу и мало думают о земном*. Но вместе с тем, чем безбожнее верховная власть и навязываемая ею русскому народу идеология, тем сильнее среди этого народа распространяется ответное «протестное» пьянство, тем беззащитнее делается он перед бесовскими искушениями «зеленого змия». Проблема эта на Руси существовала во все века – ну, или почти во все! И не потому, что русский человек якобы генетически предрасположен к питию, а потому, что на протяжении всей ухабистой русской истории редко выпадали времена, когда политическая власть в той или иной степени не противопоставляла бы себя христианской Истине или не «заигрывала» с Нею, подчас в весьма изощренных и лукавых формах. И все же, оперируя категориями «народ», «власть», «история», нельзя забывать о личной ответственности каждого человека перед Богом. Народ и церковь это единое тело Христово, состоящее из множества отдельных «я», и от духовного состояния каждого из этих «я», какую бы ступеньку в земной иерархии оно ни занимало, зависит качество веры всей Церкви в единстве обеих ее ипостасей – зримой и незримой. Зависит качество веры, близости к Богу данного этноса. Власть потому и не может быть «не от Бога», что порождена она, в конечном итоге, соборным духовным устремлением большинства людей, их действительным, а не показным религиозным чувством, хотя бы эта власть и насаждалась кучкой олигархов с применением обманных средств и технологий. Точно так же обстоит дело и с любым социальным недугом: какими бы «объективными» причинами – горем ли, радостью? – ни прикрывал, например, запойный алкоголик свою тягу к спиртному, в основе его пагубной привычки всегда будет лежать вульгарное желание выпить и доставить себе удовольствие, то есть легко, без труда и жертвы ввести себя, любимого, в состояние приятного транса. Ведь все люди ищут, по сути, одного и того же – блага, радости, удовлетворения, самореализации. Только в одном случае эти «призы» достигаются подвигом долготерпения и любви (к семье, работе, окружающим), а в другом – всевозрастающей дозой и градусом принимаемого «на грудь» дурмана.

Опыт Казачьего Дюка выявил еще одну поразительную истину: в борьбе с массовым алкоголизмом медицинские и ограничительные меры по-настоящему действенны лишь в том случае, если они увязываются с глубоким воцерковлением пораженных недугом людей. Мало того: именно усвоение христианских норм и воплощение их в повседневной жизни, последовательное исполнение заповедей божьих – покаянием, страхом Божиим, сердечной молитвой – дает пуск механизму исцеления от проклятого зелья. Ибо только в этом случае человек, во-первых, с полной ясностью выявляет в себе ту бездну отчаяния и ту *духовную нищету*, которая долгие годы толкала его в объятия «зеленого змия»; а, во-вторых, он с полной силой начинает призывать помощь от Бога, без которой мы не можем ничего, в том числе не можем и отогнать духа пития от плененной им души. Когда со всей силой и полнотой в человеке включается духовное чувство, связанное с православной традицией, ее духовными законами и аскетическими принципами, на порядок повышаются излечимость и иммунитет от всех тупиковых психопатологических состояний. Даже сам процесс лечения закоренелого алкоголика достигает нужной эффективности только тогда, когда бок о бок с верующими врачами борются за жизнь несчастного его верующие родные и близкие. В основном именно этими трудами и молитвами, силой этой любви, освященной помощью Божьей, – и ничем иным! – несчастный вытягивается со дна зловонной трясины, именуемой пьянством. Только в этом случае он постепенно прозревает, трезвеет и набирается сил. Только так к нему возвращается способность «хождения пред Богом». Алкоголики не выздоравливают раз и навсегда. Начиная по-настоящему верить, они лишь делают первый шаг – просыпаются и сбрасывают с себя бесовскую власть, взваливая взамен на свои плечи крест Господень, чтобы дальше жить в подвиге трезвения, воздержания и смирения. Все прочие виды лечения – таблетки, заговоры, тренинги и иже с ними – полумеры, а, значит, они от лукавого.

Но и это, оказывается, еще далеко не все. С закоренелым алкоголиком можно делать, что угодно: показывать ему пример трезвой жизни, убеждать, заставлять, изолировать от собутыльников, даже проповедовать Христа! – все будет пустым и бесполезным, если в дело не вступит сам Господь. Евхаристия – вот те таинственные врата, через которые должен добровольно пройти страждущий, чтобы, очистив

душу и устремив волю свою к Творцу, удостоиться Его благодатного и спасительного прикосновения. *«Бог спасает нас не без нас»*: в трудной брани с «зеленым змием», как и в деле личного спасения, не обойтись без божественно-человеческой синергии и соработничества.

...Прошел год, а как много изменилось в Казачьем Дюке! Все вокруг ожило и помолодело. Засветились лица людей, застучали топоры и запели пилы, повсюду развернулись восстановительные работы. Словно где-то в глубине этого организма забилося невидимое сердце, и свежая кровь начала пульсировать в остывших венах. Ответно село встрепенулось, очнулось от долгой спячки, и древняя память, древний дух, сохранившиеся в нем вопреки всем бурям и бедам, начали оживать все вокруг, творя забытые формы.

Когда-то это было сильное и богатое – даже по меркам царской России – казачье село с развитой аграрной инфраструктурой полного цикла. Старожилы – сверстники бабы Даши – от своих отцов и дедов слышали, что в той, почти уже забытой, почти мифической деревне имелось несколько мельниц и пекарен, процветало кузнечное и кожевенное производство, круглый год работала маслобойня, развивались ремесла и бортничество. Разбитый на делянки общинный лес был девственно чист и ухожен: каждая ветка подбиралась и шла на дрова.

Большевистское раскулачивание до основания подорвало, а затем и уничтожило этот уникальный природно-хозяйственный комплекс. Крепкие крестьяне сгинули – кто в лагерях и ссылках, а кто, как, например, Лизин прапрадед, бывший мельник Тарас Иванович, в смертном запое при собственной мельнице, «добровольно» сданной на разорение колхозной гольтьбе. Эйфория тридцатых, когда комиссары в кожанках видели в лице деревенских «шукарей» верных попутчиков в «светлое завтра» и пособников в деле «экспроприации экспроприаторов», быстро сошла на нет. К исходу красного террора деревня оскудела. Она лишилась крепкого многодетного пахаря-труженика, передававшего по наследству – от отца к сыну – не только знания и навыки тяжелого сельского труда, но и любовь к родной земле, веру, традиции, обряды, приметы, песни, вековые законы общежития – словом, все то, что называлось исконным сельским укладом, и чем столетиями славилась русская земля. Самые справные мужики подались в город – на заводы, в институты.... Многие после армии и фронта так и не сняли погоны, продолжая служить Отечеству не за страх и за совесть.

Было, куда силушку приложить. А вот на селе жизни не стало. В прах рассыпались и земная, и духовная оси некогда великой империи. И скоро, очень скоро новые «хозяева» убедились, что в бесовском беспмятстве спилили сук, на котором собирались сидеть, верша судьбами мира. Россия без Бога, без деревни обратилась в тело без души: с виду живое, а жизни-то, каковой является Дух Божий, в нем нет. Человек тоже сначала умирает не всем телом: его сердце, по Преданию, еще сорок дней по смерти сохраняет жизнеспособность; человек покидает этот мир, когда с телом разлучается его душа – дух, вселяемый и призываемый Предвечным Творцом всего сущего. Тогда и наступает смерть тела.

«Щукари», разумеется, не могли (да, по правде сказать, и не собирались) принимать на себя бремя разоренных и расстрелянных «сельских мироедов». Наспех, без ума и души сколоченные колхозы, не успев толком организовать, стали безудержно деградировать. Революции, войны и бесчеловечные социальные эксперименты довершили их крах. Нехватка рабочей силы в разоренных селах восполнялась инородным и, как правило, безразличным к их судьбам элементом; злоба, зависть и взаимное отчуждение скоро пришли на смену доверию, состраданию и общинной взаимовыручке. Никогда не запиравшиеся входные двери (в отсутствие хозяев они просто подпирались снаружи) ошетинились могучими замками, окна – решетками. Лес превратился в помойку, а в обожаемую сельской детворой запруду потекли навозные ручьи из близлежащего коровника. Деревня гнила и гибла, убывая людьми, порядком, традициями и трудом.

... – Ба, а что это за култышки торчат из земли возле старого склада? – Лиза дернула Степановну за подол и рукой указала на странную конструкцию, напоминавшую огромные, врытые в землю, расположенные уступами деревянные тазы разного диаметра.

– То не култышки, глупая, а такие специальные дубовые емкости, установленные каскадом – одна над другой. Когда-то в них сверху поступала, переливаясь через края, ключевая вода. Всего, помню, бочек было три. Самая большая из них, нижняя, глубиной была около метра, а диаметром – больше пяти.

– А зачем они были нужны?

– Всей деревней, зимой и летом, в них хранили масло, молоко, сметану, вообще все, что могло испортиться. Холодильников-то тогда

еще не придумали... Эх, хорошее было приспособление – ни электричества ему не надо, ничего... Да-а, сейчас эти бочки, ой, как бы сгодились!.

Лиза видела, что баба Даша не в духе: то ли, устала от долгой службы, то ли непутевый Гришка ее расстроил. Удивительная все-таки штука – жизнь. Когда-то ведь и она была молодой, и она, как Лиза, наверное, бегала с крынками молока и топленого масла к этим дубовым бочкам, купалась в запруде, собирала землянику, ходила за коровой.... И на нее покрикивали старшие. Чудно!

Девочка снизу, осторожно и как-то по-новому посмотрела на свою спутницу. Вообще-то она недолюбливала прабабку за крутой нрав, излишнюю, как она считала, требовательность и строгость «к детям», но сейчас, подумав о прошлом и о том, как безжалостно время бывает к людям (а, значит, когда-нибудь будет и к ней, к Лизе!), она вдруг ощутила щемящее чувство жалости к бабе Даше и... самой себе. Душу ее охватил какой-то озноб – будто невзначай она прикоснулась к чему-то таинственному, недозволенному и опасному.

...Их старенький, покосившийся дом располагался в низине на самой окраине села. Дальше ничего – только овраг, речка с поросшей ряской запрудой и полуразрушенный скотный двор. Именно откуда, со скотного двора, его нынешние хозяева – крысы периодически совершали дерзкие набеги на старухины припасы.

Оборону от наглых интервентов держали три кошки – в это утро, как обычно, они чинно сидели у крыльца и ждали возвращения хозяйки из церкви в предвкушении завтрака. Лиза хотела погладить одну из них, но старуха остановила ее строгим жестом. «Вы что себе думаете, – обратилась она с речью к своей «гвардии», – я и впредь буду терпеть это безобразие? Кормлю вас, бездельниц, пою, а что толку? Крысы ночью в погребе опять хозяйничали: прогрызли крышки в банках, яйца побили. Если так и дальше пойдет, скоро они по зале пешком гулять будут! В общем, козьего молока сегодня вам не будет, и не просите!»

На протяжении всей этой гневной тирады кошки сидели смирно, опутив усаые головы, и лишь изредка поводя ушами в ответ на наиболее тяжкие обвинения в свой адрес. Вину свою они, как видно, сознавали и признавали. Лизе даже показалось, что они поняли все сказанное старухой, вплоть до последнего слова. Но не менее удиви-

тельным в этой сцене было поведение самой бабы Даши: та ничуть не притворялась, обращаясь к кошкам, как к людям. Между участниками этой утренней «летучки» существовало реальное, хотя и почти мистическое, взаимопонимание, установившееся, вероятно, за долгие годы совместного затворнического жития. По секрету добавим: Лиза заранее знала, чем все в итоге кончится. Следующим утром вдоль дорожки будут аккуратно выложены три-четыре задушенные крысы и с десятков пойманных мышей; кошки усядутся на том же месте и в том же порядке. С чувством выполненного долга они будут ждать (и дождутся-таки!) заслуженной похвалы и награды от бабы Даши в виде миски сытного парного козьего молока. Так случалось на памяти Лизы не один раз, и ни разу не было по-другому.

От палисадника до них донесся гулкий стук топора. Девочка обернулась, а баба Даша, кисло поморщившись, заспешила в избу. Это Роман, Лизин отчим, упражнялся с огромной, столетней, в три обхвата ветлой, стоявшей посреди малинника. Который месяц по утрам и вечерам, с невероятным упорством он подступался к дереву-исполину, высекая у его основания глубокий круговой заруб, чтобы добраться до сердцевины. Заруб становился все глубже, сердцевина – все тоньше, но ветла стояла, как влитая. Бабка злилась на «зятя», опасаясь, что дерево однажды рухнет на дом, и, не дай Бог, кого-нибудь придавит, но Роман стоял на своем: срубить упрямую ветлу стало для него делом принципа. Сосед Федорыч, тракторист и мастер на все руки, не раз предлагал ему свою помощь: «Поддомкратим, Ромка, твою дурную корягу, и дело с концом». Но Роман – то ли в пику грозной теще, то ли по какой-то другой, ему одному ведомой причине – продолжал тюкать дерево плотницким топориком, вызывая праведный гнев «грозной» старухи и одобрительные комментарии местных мужиков.

Лизу совершенно не интересовали эти взрослые заботы. Тем паче, если дело касалось Романа, которого она так до конца и не признала. Он прибил к ним через полтора года после смерти отца. «Высокий, гладкий, самовлюбленный нарцисс» – так для себя определила его Лиза – Роман служил охранником в том же Одинцовском банке, где уборщицей вечерами подрабатывала ее мать. Любил выпить и прихвастнуть, в подпитии частенько поднимал руку на свою «гражданскую половину». Однажды попытался точно так же «повоспитывать»

и Лизу, но та, прошедшая уже к своим тринадцати годам суровую школу красногорских дворов, молча схватила со стола широкий кухонный нож и тихо, сквозь зубы прошипела: «Отстань, убью. Тронешь меня или маму – ночью во сне зарежу. И ничего мне за это не будет – я несовершеннолетняя». Клинок в тоненькой руке Лизы тускло поблескивал, вскинутое лицо ее, перемазанное слезами и тушью, выглядело помятым, но стальные серые глаза девочки глядели при этом так серьезно и решительно, что отчим счел за лучшее не испытывать судьбу. С того дня рукоприкладства в их доме поубавилось, а между отчимом и падчерицей установились классические ледяные отношения в формате «ни войны, ни мира», сохранявшиеся до сих пор. К чести Романа, он не бросил Лизу после того злосчастного дня, когда ее мать, Алена уехала в центр Москвы на поиски очередного приработка, да так и не вернулась. Поиски женщины тогда ни к чему не привели, да и как было искать в самом пекле смуты, когда пылало полгорода, людей ежедневно убивали тысячами, а власть, если и существовала, то только на бумаге.

Когда волнения вплотную подступили к Красногорску, отчим, не говоря ни слова, побросал в тюк самое необходимое и жестом велел Лизе взять в дорогу питьевой воды и съестного. Все это вместе с двумя канистрами чудом добытого бензина было уложено в багажник старенького «форда». Так начались их двухнедельные мытарства по разбитым тверским дорогам с ночевками в лесу и на окраинах сгоревших деревень, стычками с такими же, как они, беженцами, побегами от бандитов и мародеров. В конце концов, бензин иссяк, и «форд» пришлось бросить где-то километрах в ста от цели их «одиссеи» – Казачьего Дюка. Оставшуюся часть пути они шли пешком – скрытно, ночами, по-партизански. Лизе невзгоды и тяготы путешествия пошли даже на пользу: с одной стороны, ей припомнилась отцовская «азбука выживания»; а с другой – с нее слетела накипь городской избалованности и все более явственно начали проступать подлинные, родовые черты ее характера – отвага, прямота и... уже знакомая нам упертость.

Решив не тревожить Романа, девушка проследовала в дом за прабабкой. Волшебство утренней встречи с Богом окончательно растаяло под спудом обычных дневных забот. Но день только начинался, и он таил в себе неизвестность...

Егор Чеботарев, утро того же дня

Поплавок чуть заметно дрогнул, подпрыгнул и, набирая ход, стал уходить в глубину. Уставший от почти двухчасового ожидания Егор крепко – аж костяшки пальцев побелели! – сжал комель старой дедовой удочки из орешника. Он не торопился – знал свое дело!

Выждав положенную паузу, резко подсек. Есть! Удилище согнулось дугой и мелко задрожало в его руках, передавая отчаянное сопротивление попавшейся крупной добычи. Спешить с выуживанием нельзя. По опыту юноша знал, что в этот начальный и во многом решающий момент схватки главное – не осуетиться и не поддаться азарту, а ждать и терпеть, терпеть и ждать, не давая «слабины», изматывать рыбу, а потом осторожно подвести ее, голубушку, к берегу и разок-другой позволить глотнуть воздуха. Остальное, как в таких случаях говаривал его дед Евграф, – «дело техники».

Крепко упершись босыми ногами в узкую песчаную полоску берега, отделявшую крутой склон карьера от уреза воды, юный рыболов начал выполнять задуманное. От напряжения леса звенела, мощь толчков и рывков невидимого противника нарастала, требуя максимального внимания и напряжения сил. «Не иначе, как сазан кило на пять!» – с замиранием сердца подумал Егор – Вот это удача!» Мысленно он уже представлял себе триумфальное возвращение в Казачий Дюк с огромной рыбиной на кукане. (Конечно, имелся путь и короче, огородами, но разве можно упустить такой случай!). Взрослые уважительно оглядываются на удачливого рыбака, а проигравшие во вчерашнем споре, посрамленные Серега и Юрка смущенно опускают глаза, отчаянно жалея, что накануне не послушались его, Егора, мудрого совета. А ведь он предупреждал их, маловеров, что в такие теплые сентябрьские дни на «утрянку» лучше всего идти к карьере за полигоном: там клев хоть и слабее, чем на лесном озере, зато есть шанс зацепить чего-нибудь покрупнее рядовых карасиков, окуньков да линьков. Впрочем, он, Егор, не жадный, и вечером всем отрядом они запекут сазана-гиганта в углях... Может быть, и Лизу баба Даша отпустит к «витязям» на огонек?!

От сладких грез и упорной борьбы с неуступчивой рыбиной Егора отвлекло ощущение какого-то смутного беспокойства. Что-то неуловимо изменилось в его утреннем микромире, состоявшем из тумана,

воды, звенящей лески и солнца, выглянувшего из-за косогора. Другой на его месте, быть может, и не обратил бы внимания на подобные «мелочи», но Егор – даром, что рос в деревне, – привык воспринимать окружающий мир как нечто целое, живое и гармоничное. Встрепенувшись, он постарался сосредоточиться. И тут же стала ясна причина тревоги: резко, как обрезало, стихли голоса птиц. Что их напугало – зверь, человек?

Он начал остро вслушиваться в звуки леса. Сначала было тихо, и ему даже показалось, что тревога ложная. Но вот со стороны полигона донесся шум и треск ломающихся веток. «Нет, это не зверь. Несколько взрослых мужчин – переговариваются и шагают уверенно, особо не таясь», – машинально отметил про себя он. Свои, селяне, появиться здесь в такую пору никак не могли: во-первых, слишком рано; во-вторых, полигон пользовался у местных дурной славой. Скотину сюда на выпас не гоняли, да и охотники обходили стороной. Разве что подростки, вроде Егора и его товарищей, изредка и всегда тайком от взрослых выбирались на песчаный карьер. Привольно раскинувшийся в полукилометре от полигона, глубокий и чистый, он обеспечивал детворе массу летних удовольствий, совершенно не достижимых в других местах. Тут тебе и экстремальное катание на «тарзанках», и ныряние в воду с головокружительного обрыва, и погружение с задержкой дыхания «на спор», и, наконец, самое ценное – увлекательная ловля раков (в варежках или, кто посмелей, голыми руками) из многочисленных нор, расположенных под водой на отвесных стенках карьера. Улов домой не носили, чтобы взрослые не догадались, откуда он взялся, а варили прямо на месте, в ведре, заправляя пряностями и дымком от костра.

Старики рассказывали, что при коммунистах в этом месте сначала был концлагерь, а потом какой-то военный объект – секретный настолько, что для въезда в деревню всем, кроме постоянных жителей, выписывались специальные пропуска. Объект тщательно охранялся собаками и мобильными патрулями. Через лес к нему вела узкоколейка, по ночам оттуда частенько доносился гулкий лай, грохот составов и рев тяжелых грузовиков. В такие дни старухи крестились и молились особо истово; за полигоном в народе прочно закрепилась репутация места «нечистого».

Звуки шагов между тем становились все громче, и с их приближением на душе у Егора росло чувство тревоги. Незнакомцы шли по

верхней тропе – разглядеть оттуда человека, укрытого туманом и густым кустарником, они не сумели бы при всем желании. А вот услышать – другое дело! Попавшаяся на крючок рыба все еще бродила под водой вдоль берега, испытывая прочность снасти и выдержку рыбака, но, подустав, она, конечно же, рано или поздно выйдет на поверхность, и тут наверняка устроит шумный «концерт». Это с потрохами выдаст его тайное убежище. Надо было что-то решать. Юноша тяжело вздохнул. Ему до слез было жалко редкого трофея – ведь, считай, уже в руках! – но делать было нечего. Оно, конечно, все могло стать. Вполне возможно, что люди, бродившие в окрестностях полигона в такую рань, не представляли ни для села, ни для него, Егора Чеботарева, никакой реальной угрозы, ... но какое-то шестое чувство подсказывало ему – увы, это не так! С тяжелым вздохом он резко опустил удилище: почуяв слабинку, сазан радостно нырнул в спасительную бездну, леска натянулась до упора, не выдержала и... с сухим щелчком лопнула. Все было кончено. «Подлый противник» мало того, что совершенно незаслуженно ушел восвояси, он еще утащил с собою трехцветный фабричный поплавок – подарок отца, а с ним в придачу шикарный кованный крючок, верой и правдой служивший Егору добрых пять лет. Впрочем, горевать теперь было поздно: те, наверху, совсем близко, да и жалеть о принятых решениях было не в привычках Егора. Он крепко-накрепко запомнил рассказ отца о древних воинах-самураях, принимавших ответственные решения в течение «семи вздохов и семи выдохов», и с тех пор старался следовать этому правилу настоящего мужчины.

Схоронив удилище и прикормку в укромном месте под берегом, наш герой начал осторожно взбираться вверх по круче. Его целью был небольшой, густо поросший кустарником выступ на краю обрыва – оттуда хорошо просматривалась тропа в обоих направлениях. Ему повезло: ни камушек, ни комок глины не вырвался из-под его ног; в итоге «наблюдательный пост» был занят скрытно и, главное, до прихода незнакомцев. Те, впрочем, тоже не заставили себя долго ждать.

Шестеро до зубов вооруженных людей в военной форме один за другим вывалились на полянку прямо перед укрытием нашего героя. Все с саперными лопатками, короткоствольными автоматами, запасными обоймами, гранатами и десантными ножами. Первый – с биноклем. «Командир, – отметил про себя Егор, сдерживая волнение и

стараясь как можно лучше разглядеть и запомнить «визитеров». – Та-а-к, возраст от тридцати до сорока, по внешности трое – славяне, двое похожи на кавказцев, все гладко выбриты, крепко сложены, трезвы. Старший – усач, лет пятидесяти, кличка Гром или Гроб (так ему слышалось)».

В хладнокровии, наблюдательности и цепкой памяти юного разведчика не было ничего удивительного. Как и все молодые общинники Казачьего Дюка, Егор состоял в движении «Витязей», целью которого было воспитание у молодежи духа верности Богу и России: отсюда и основной лозунг движения – «За Русь, за Веру». Занятия велись в отрядах по десять-двенадцать человек. В них принимали с восьми лет, верхний же возрастной порог в движении отсутствовал: сводным отрядом всего Казачьего Дюка, к примеру, командовал заместитель главы общины, бывший десантник и кавалер пяти боевых орденов Федор Устинович Мальцев или, попросту, Устиныч – ему не так давно стукнуло семьдесят.

В свои неполные семнадцать Егор уже командовал одним из пяти линейных отрядов «витязей», одновременно числясь заместителем Устиныча. В его отряде состояло восемь ребят и четыре девчонки. Занятия проводились по домам и в клубе, несколько раз в неделю, в свободное от учебы и работы время. Дважды в год, зимой и летом, сводный отряд под присмотром инструкторов из «Подсолнухов» созывался на пятидневные тренировочные сборы, проходившие в условиях, максимально приближенных к боевым. Что делать? Дань времени. Вчерашние «домашние» городские дети вместе со своими, куда более искушенными сельскими сверстниками спали на голой земле, жили в палатках и шалашах, грелись у костров и питались «дарами леса». В комплекс упражнений по выживанию входили ориентирование на местности, изучение повадок животных и лесных примет; выработка навыков охоты и маскировки, обучение приемам рукопашного боя и владению оружием.

Но и в этих, самых, что ни на есть, суровых условиях центральное место отводилось «единому на потребу». Ежедневно, в любую погоду на общих построениях «витязи» совершали утренние и вечерние молитвы. По воскресеньям отец Артемий проводил для них походную

«Витязи» России

литургию, а при необходимости в ближайшей речушке еще и крестил юных героев. Вечерами, сидя у костра, под шорохи леса и печеную картошку «витязи» пели старинные русские песни, устраивали конкурсы и викторины, а потом, намаявшись, иной раз до самого рассвета слушали рассказы старого священника о Боге и Небе, падении первых людей и трудных путях спасения, искушениях лстивого мира и житиях святых земли Русской. Батюшка говорил просто, не мудрствуя, а как бы размышляя вслух и бесконечно удивляясь неисчерпаемой Божьей премудрости. Любимым его «коньком» было находить новые и новые факты присутствия Божия в окружающей природе.

«Вот поглядите, ребятки, на мотыльков, вьющихся вокруг лампы у трапезной, – отец Артемий показывал, куда смотреть, и приосанивался, вспоминая свое авиационное прошлое, – их ведь не один, не два, а тысячи. С какой невероятной скоростью и ловкостью совершают они свои полеты, да еще на столь малом участке пространства! Что или, лучше сказать, Кто управляет ими в данный момент, как у них получается маневрировать так быстро и так безупречно слаженно? Ни тебе столкновений в воздухе, ни аварий, ни вынужденных дозаправок! Страшно даже представить себе, что вышло бы, окажись на их месте, да еще в таком же стесненном пространстве наши современные самолеты! А ведь самолет, друзья мои, считается вершиной технических достижений человеческого гения. Итак, что мы с вами имеем? С одной стороны, этот самый самолет, состоящий, как, помнится, шутил один мой знакомый авиаинженер-американец по имени Майкл Коллинз, «из ста тысяч деталей, летящих одновременно в одном направлении», а с другой – этакая малая, жидконогая букашка-таракашка. Казалось бы, какое сравнение? А ведь если призадуматься, да еще и гордыньку поубавить, станет ясно, как божий день: букашка-то сложнее и сильнее самолета в тысячу раз. В отличие от него, железного и беспомощного, она – живая. Даже просто понять, как она устроена, какие силы движут и управляют ею, как ей удастся вовремя оуклиться и принять нужную форму, выжить и дать потомство – даже этого нашему горделивому уму познать не дано. Так-то, дорогие мои. Любить надо Бога и творения Его, а себя смирать ...».

Сила методик «Витязей» заключалась не в их «научности», даже не в организационной стройности движения, а в тонком, исторически обоснованном понимании глубинных побуждений русской души, рус-

ского характера, неосознанно ищущего Бога, а потому отзывчивого на всякую Его правду, готового на подвиг и утеснение во имя Его. Спорт и изучение славной истории России, увенчанной именами великих старцев и полководцев, царей и художников, молитва и взаимовыручка, справедливое поощрение и столь же обоснованное взыскание – все это, будучи собрано воедино, совершало в детях подлинное чудо преображения. Вчерашние неженки и лежебоки становились стойкими новобранцами воинства Христова, и сам Бог в попущенные Им лихие времена осенял их, возлюбленных чад Своих, небесной Своей благодатью. В меру индивидуальных сил и способностей каждого, Господь наделял их верой и бесстрашием, мудростью ума и крепостью тела, новыми знаниями и талантами... главное же – той осмысленной решимостью служения людям, которая испокон веков отличала познавшего Истину от маловера.

Неисповедимы пути Господни! Таким вот необычным и причудливым образом в опустошенной и разоренной России первой трети ХХI века, в разгар смуты, на стихийно возникших православных «островках спасения» по-новому ярко и живо осуществились мечты основоположников движения «Витязей». В их пору, более века назад, в страшном горниле революционных бурь, ставших, по сути, «красной прелюдией» Великого Исхода, вдохновленные ничем вроде бы не примечательным офицером Николаем Федоровым русские беженцы первой волны «рассеяния» по воле Провидения заложили основы национального молодежного православного движения в Западной Европе. Их узкой целью было защитить своих отпрысков от тлетворного духовного влияния западного мещанства, нигилизма и большевистской бесовщины. Фактически же они решали – и решили! – неизмеримо более важную и широкую историческую задачу. Падение через семьдесят лет «красной империи» вновь подставило ослабленную ложью, коррупцией и пороком, донельзя разуверившуюся и ослабленную Россию под прямой кинжальный удар ее «заклятого друга» – на деле же извечного врага и завистника – гниющего в ересьях и растлении Запада. СССР пал, как сгнивший плод. Великая безбожная держава была предана и продана своими же «блудными сынами». Ничто не помогло ей избежать очередного (какого уже по счету!) страшного и очистительного Божьего очищения – смуты и огня Великого Исхода, оборвавшего сначала коммунистический, а потом и либеральный «ша-

баши на гробах». Тогда-то и взошли, тогда и проклюнулись из пепла и смрада прежнего небытия, тогда и распустились новой дивной порослью зерна искренней заботы и любви, заложенные пионерами рассеяния в основу движения европейских «витязей». Либерализм еще властвовал, еще пировал и ликовал в испитой и истерзанной России девяностых, страна еще сползала в пропасть под лживые обещания «модернизации» и «национальных проектов», а на далеких ее окраинах, а кое-где уже в центре, силами энтузиастов-одиночек исподволь начали формироваться первые организации и лагеря новых, российских, материковых «витязей». Один такой лагерь за летнюю смену пропускал через себя до трехсот детишек, выдерживая их с самого дна жизни, отрывая от наркотиков, разврата и нещадной эксплуатации, но, прежде всего, от преступного безразличия взрослых. Сразу всех спасти было невозможно – зло цепко держало в своих сетях юные души, умело пользуясь злонравным и легкомысленным безразличием к их судьбам со стороны языческого государства. Только к 2012 году, когда глобальный кризис уже набрал полные обороты, а на Россию одна за другой обрушились страшные засухи, когда раскололся насквозь прогнивший к этому времени политический режим, ситуация начала ощутимо меняться к лучшему. Опасаясь за свою участь, некоторые до конца не утратившие совесть национально-ориентированные представители власти, пожалуй, впервые с распада СССР по-настоящему (а не для красного только словца) озаботились судьбой молодого поколения. И впервые – не в «селигерском формате», не в формате дискотеки или потемкинской деревни, не ради апологетики пресловутых рыночных ценностей (вседозволенности порока и греха), не в погоне за дешевой политической популярностью, ... а в плоскости осмысленной мобилизации будущих спасителей России – новой русской элиты, национального молодежного авангарда, соединяющего в себе высокую образованность с высокой же духовностью. К сожалению, к этому моменту много времени и возможностей было уже безнадежно упущено. Но и то, чего в оставшиеся до начала Исхода годы удалось достичь объединенными усилиями государства и православного сообщества, невозможно переоценить. Сотни лагерей «Витязей» по всей стране в кратчайшие сроки мобилизовали тысячи юношей и девушек «новой христианской волны». Разного социального происхождения, образования и возраста, но единые верой во Христа – они закрыли

собой первые бреши в той духовной битве, которая стремительно набирала ход в России. Если бы не эти свежие силы, если бы не «орлята», возвращенные радением и подвигами неизвестных подвижников Божьих, кто знает, спаслась бы Россия?

Семь вздохов – семь выдохов

...Егору повезло. Незнакомцам явно понравилась «его полянка». По команде Грома они сложили на землю амуницию, достали котелки и, развалившись, принялись за еду. Костер разводить не стали – ограничились спиртовой горелкой. Двое из группы ушли в дозор.

Четкость, слаженность и, особенно, скрытность их действий окончательно убедили Егора в серьезности положения. Нужно было немедленно сообщить обо всем увиденном в штаб «витязей» и представителю Армии обороны. Но сначала, коль скоро он уже здесь, не стоит ли проследить, откуда они явились, где их лагерь, сколько их всего?

Снова и снова обдумывал он свой план. Уйти прямо сейчас, или продолжить разведку наугад, без разрешения и поддержки? В первом случае он четко выполнит инструкцию, и почти ничем не рискует. Во втором – вынужден будет взять немалую долю ответственности лично на себя, Егора Чеботарева. Зато он выиграет кучу времени и выжмет максимум возможного из своего выигрышного положения. Что лучше: быстрее сообщить о «гостях» или больше разузнать о них? Как быть?... Семь вздохов и семь выдохов. Егор вспомнил святоотеческие тренинги «витязей», собрался с мыслями, и, отрешившись от всего происходящего, трижды прочитал «Отче наш». Чутко, как учил отец Артемий, вслушался в себя. Что-то внутри удерживало его от немедленного возвращения в деревню. Решено! Он дождался ухода знакомцев, прополз по краю обрыва до «бивака», и внимательно изучил следы их пребывания. Пара окурков да зарытые в землю упаковки от сухарей – не густо, но и это сойдет. Утренняя роса еще не обсохла, и следы от движения группы по высокой траве красовались как на ладони. «Ладно, – решил он, – для начала выясним, откуда их принесло, а там видно будет». Пригнувшись, скользкой походкой разведчика Егор двинулся за знакомцами в сторону полигона.

Тропа привела к западной оконечности бывшего концлагеря. Юноша невольно поежился. Ему и раньше доводилось бывать в этих местах,

но каждый раз (и вот снова!), оказавшись возле полигона, он испытал непонятный озноб и волнение. «Чертовщина какая-то!» – поежился он, и, чтобы успокоиться, внимательно осмотрелся. По всему периметру «объекта» – поросшие травой и густым подлеском остатки бывшей нейтральной полосы. Тут и там мотки ржавой колючей проволоки. Чуть дальше – некогда мощный бетонный забор, ныне по всей длине накренившийся или поваленный. За забором – приземистые казармы и здания непонятного назначения, с виду похожие на лабораторные корпуса. Всюду – пустые глазницы открытых шахт и люков, оттуда веяло сыростью и гнилью. Сразу за воротами – потрескавшийся и поросший бурьяном бетонный плац с погнутым флагштоком и огромным картонным щитом, на котором угадывалась надпись «...ЛАВА КПСС».

...Егор шел медленно и очень осторожно. Внезапно слева от себя, возле низкого, не больше метра высотой, поросшего травой сооружения, напоминавшего армейский дот, мелькнула легкая тень. Внутреннее чутье подсказало – он не обнаружен. Тогда, нырнув в высокую траву, он по-пластунски пополз в направлении этой тени.

...– Слышь, Витек, ты хоть и старший, а драться, все одно, не имеешь права!

Звонящий обидой детский шепот явственно донесся до уха Егора из окна полуразрушенного одноэтажного здания, примыкавшего к «доту» и когда-то служившего, по всей видимости, столовой, о чем свидетельствовали разбросанные повсюду осколки голубой кафельной плитки, искореженные шкафы из нержавеющей стали и фрагменты пластиковых столов на железных ножках. «Эге, вот те раз! Да ведь это братья Ершовы» – сообразил Егор, но обнаруживать себя не спешил: уж больно интересным показался ему спор, развернувшийся между двумя самыми младшими бойцами его отряда.

– И что ты мне сделаешь? Маме пожалуешься? Егору?

– Вот еще! Что я маленький, что ли, мамке жаловаться? И Егору не стану. Сдачи тебе надаю....

– Дал один такой!

– И дам! Потренируюсь на секции у дяди Сережи, получу черный пояс, как Брюс Ли.... Получишь у меня тогда на орехи!

– Подумаешь, Илья Муромец веса пера. Испугал! Все равно меня не победишь! Я сильнее. Гляди, мускулы у меня, какие – здесь, здесь и здесь! А у тебя?

– Зато, когда ты помрешь, тогда, небось, ногами уже драться не сможешь.

– Почему это?

– А помнишь, отец Артемий рассказывал, что там, на том свете никто уже жить так, как здесь, не сможет. Есть, пить, разговаривать... ничего не сможет. Там ты вроде живой, а сделан, как бы из воздуха, – ни рук, ни ног – ничего у тебя уже нет. Хочешь чего-нибудь взять или сделать, а не получается. Значит, и ударить меня не сможешь.

– А покурить?

– Как же ты покуришь, чужак-человек, если там ты дух, да и где возьмешь сигареты? И самосада не скрутишь. Нечем тебе крутить. Ты ж не на земле, ты в другом месте.

– Не пойму, в каком это таком месте?

– Ну, в другом, и все тут. На том свете, в общем.... Почем я знаю? Вот не бросишь курить, возьмет тебя в рабство «бес курящий», и будешь у него сидеть на цепи – курева нет и курить нечем. Хочется, а нечем. Так отец Артемий говорил: мол, надо от всех здешних вредных привычек – врать, завидовать, злиться, ябедничать и так далее – отвыкать еще здесь, пока мы на земле, а иначе потом, после смерти душа от них избавиться уже не сможет. И будет страдать. А я, например, не хочу там страдать.

– Чудной ты, Вовка, это ж он про душу говорил, а я курю ртом, то есть телом.

– Сам ты чудной! Какая разница? Во-первых, тело и душа – одно, а, во-вторых, куришь ты телом, а хочешь-то курить душой.

– Велика беда! Захочу вот, и враз брошу.

– Ну, и брось!

– И брошу!

– Отец, вон, тоже мамке, сколько обещал бросить пить, а так и не бросил. И все тоже говорил: ерунда, мол, захочу и брошу! Знаешь, я что-то в последнее время часто его вспоминаю, батю нашего: где он, что с ним, жив ли? Хоть бы глазочком посмотреть на него! Помнишь, как мы с ним на заимку ходили, и на лесное озеро, и в Аксеново на охоту?

За окном повисла пауза, прерываемая поскрипыванием битой плитки и задумчивыми вздохами братьев....

– Попались! – прошептал Егор, переваливаясь через подоконник и прижимая палец к губам. – Чего вы тут делаете?

– Егорка, ты? Слава Богу, напугал до смерти! Мы в засаде! – похоже друг на друга, как две капли воды, белобрысы Ершовы испуганно и одновременно облегченно смотрели на командира – Здорово ты нас вычислил!

– Тише вы, горе-вояки. Меньше надо шуметь, когда в засаде находитесь.

– Это все Витька! – Вовка обиженно засопел и укоризненно посмотрел на старшего брата. – Говорил я ему: пидай прямо здесь, а ему, видите ли, неудобно! Ну и полез «на двор».

– Ладно, ладно, чего уж теперь. Впредь осторожней будете. Топае-те, как слоны на лужайке. Хорошо хоть чужим на глаза пока не попались. Еще раз: кто вас сюда направил?

– Устиныч. По агентурной информации (тут Витька закатил глаза и напустил на себя самый, что ни на есть, таинственный и загадочный вид), на полигоне объявились чужие. Первым обнаружил их Сенька со скотного двора. Доложила баба Даша. Наша задача, – он до шепота понизил голос, – незаметно подобраться, изучить обстановку на месте и скрытно уйти. Активных действий пока не предпринимать.

Егор с трудом сдержал улыбку, живо представив себе «активные действия» в исполнении низеньких, пухленьких и розовощеких братьев Ершовых.

– Пить будешь? – Витька протянул Егору термос с остывшим чаем.

– Погоди, давай по порядку. Что узнали?

– Лагерь отсюда метрах в ста. Там три человека, но несколько минут назад с карьера подошли еще пятеро. Палаток – тоже три, а, может, и больше: отсюда не все видно, а оставлять пост Устиныч нам строго-настрого запретил. Те, что в лагере, без оружия. Ведут себя спокойно. Другие, из леса, вооружены автоматами. Возле палаток лежат какие-то брезентовые мешки разного размера. Хочешь глянуть?

Витька подал Егору старенький бинокль, оставшийся у него от отца. (Тот был из местных, и служил егерем в охотхозяйстве, но после развода с женой, в погоне за длинным рублем уехал из Дюка куда-то на юг, да так и сгинул без вести).

Командир осторожно выглянул из проема окна и навел оптику в указанном братьями направлении. Лагерь чужаков был разбит на площадке перед огромными стальными ржавыми воротам, ведущими то

ли в тоннель, то ли в подземный бункер. Обнаружить его среди буре-лома и развалин было не просто даже с помощью бинокля, даже зная, где он находится. Выбор места и маскировка на уровне! – оценил Егор. Минуту-другую он тщательно обследовал окрестности, затем, удовлетворенно хмыкнув, вернул бинокль хозяину и не без гордости заявил: «Слышь, Витек, не забудь потом отметить в отчете: там, над воротами, чуть левее у них замаскирована радиоантенна, а в одной из палаток – передатчик – его заметно по миганию лампочек. Да, и в мешках, похоже, хранится какая-то аппаратура. В общем, ясно: на полигон они явились не прохладиться. Вот бы послушать, с кем и о чем они переговариваются! И вообще, что им здесь надо?».

Дальше оставаться в лесу смысла не было. Наказав братьям «усилить бдительность», «сидеть тише воды, ниже травы» и «без надобности не высовываться», Егор со всеми возможными предосторожностями отправился домой.

...Когда Егор добрался, наконец, до окраины Казачьего Дюка, уже начинало смеркаться. На улицах

было так тихо и спокойно, что недавние события на полигоне показались юноше странным и нелепым сном. Лес с его опасными «гостями» остался где-то далеко позади, а здесь его со всех сторон окружали привычные звуки и картины: предзакатная перекличка петухов, ржание лошадей, отдаленные голоса людей. Из печных труб тянулся сизый дымок – прижимаясь к теплой земле и смешиваясь с едва уловимым, острым запахом прелого навоза и печеного хлеба, он создавал непередаваемый аромат природного жилья человека. К сельскому клубу уже начали стекаться самые нетерпеливые участники вечерних посиделок. Были здесь и девчата, и Егор невольно всматривался в их лица: а вдруг среди них он заметит Лизу! Но делал это скорее по привычке: шансов застать ее в этот час на центральной площади Дюка практически не было – грозная баба Даша не выпускала внучку из дома в вечернее время, загружая ее разными мелкими поручениями.

Тем большим было его удивление, когда, войдя в здание сельского совета и открыв дверь с табличкой «Представитель Армии обороны ПВУР» (Казачий Дюк), он вдруг заметил Лизу. Вместе с группой командиров «витязей», она чинно восседала за овальным столом зала

Будни Устиныча

заседаний – объектом тайной гордости Устиныча. Сам представитель АО ПВУР, он же «главком» витязей, уютно расположился в кресле у открытого окна кабинета, наслаждаясь сентябрьской, без комаров, прохладой. Здоровой рукой Устиныч набивал старинную вишневого дерева трубку. Другой руки у него не было с Афганской войны – пустой рукав основательно застиранной гимнастерки, как всегда, был аккуратно заведен за широкий армейский ремень. Егора он встретил с таким видом, будто давно и с нетерпением ждал его возвращения с ответственного задания.

– Наслышаны мы, – густым басом из-под пышных, буденовских усов завел Устиныч, – что неугомонный наш Егор Степанович, не пошел на зорьке, как все нормальные рыбаки, на лесное озеро, а проявил незаурядную прыть, и направил, так сказать, свои стопы в окрестности полигона. Так ли это, Егор Степанович? – Все дружно повернули головы в сторону Егора, ожидая продолжения «разбора полетов». Одна только Лиза не повернулась, продолжая сидеть вполоборота к Егору с легкой улыбкой на губах.

– Что было, то было, Федор Устинович, каюсь.

– Вот-вот, я и говорю: каяться вы все мастаки. А случись чего, с кого тогда спросят? С Егора Степаныча? Ни в коем разе! Спросят, и причем по всей строгости спросят, с меня, то бишь вашего непосредственного начальника, Мальцева Федора Устиновича. С кого еще...? Так-то. Ладно, герой, давай, подсаживайся и выкладывай все по порядку.

Рассказав присутствующим об утренних событиях, Егор кратко сформулировал свои выводы.

Обнаруженная группа представляет собой хорошо подготовленное, оснащенное и дисциплинированное подразделение (скорее всего, наемники); причина ее появления до конца не ясна, но, что цель группы – именно полигон, не вызывает сомнений.

Судя по тому, как основательно обустроен лагерь пришельцев, и как серьезно он охраняется, явились они надолго.

Похоже, что они готовятся производить или уже производят какие-то работы, о чем косвенно свидетельствуют мешки прямоугольной формы, в которых, вероятнее всего, находится оборудование. А, может быть, работы уже начались...

«Гости» действуют скрытно, но уверенно, если не сказать нахальство. Следовательно, они либо ничего не знают о гарнизоне в Казачьем

Дюке, либо не опасаются неприятностей с этой стороны. Наблюдение показывает, что к обороне они готовы.

Во время «доклада» Егор сильно нервничал. Но причиной этого был не Устиныч – тот был явно доволен действиями своего боевого зама и периодически одобрительно кивал головой. Дело было в Лизе. Впервые с момента ее приезда в Дюк они оказались так близко друг от друга, глаза в глаза; в какой-то момент Егору даже почудилось, что в комнате, кроме них, больше вообще никого нет...

– Ну что ж, отлично, Егор Степанович! Правильно сделал, что проследил этих «визитеров». И проводил их до дома, как учили! Теперь – внимание! Вот что мы получили сегодня по воздуху. – Устиныч аккуратно положил свою любимую трубку на край массивной пепельницы синего стекла и неловко, как это делают однорукие люди, полез в нагрудный карман гимнастерки. Оттуда достал сложенный вдвое мятый листок бумаги, развернул его и начал читать: «Шифрограмма Штаба АО по ПВУР. Срочно...».

– Да, чуть было не забыл, – отложив шифровку, он повернулся к Лизе. – Друзья! Хочу представить вам Карманову Елизавету. В общем, Лизу – все вы ее, конечно, знаете. А вот, чего вы, возможно, не знаете, это то, что она неплохая спортсменка, имеет разряды по ориентированию, лыжам и стрельбе.

Все удивленно переглянулись, с уважением поглядывая в сторону этой «тихони».

– С этого дня Лиза поступает в распоряжение «витязей» – будет пока помогать мне с бумагами. А там посмотрим... С бабой Дашей я договорился.

Устиныч еще раз строго, поверх очков оглядел свой «актив» и вернулся к телеграмме. Из нее следовало, что штаб АО уже извещен о проникновении в окрестности Казачьего Дюка вооруженной группы, состоящей из лиц неустановленной принадлежности. В этой связи администрации в лице Мальцева Ф.У. предписывалось вести пассивную, максимально скрытую разведку, в том числе и непосредственно в зоне полигона, усилить режим безопасности и привести в повышенную боеготовность добровольцев и «витязей». От любых контактов с «гостями», тем более вооруженных стычек, впредь до приезда офицеров Армии обороны предписывалось воздерживаться.

– Ну, вот и все, братцы мои, такие наши дела.

Он снял очки, протер их фланелькой, открыл сейф и убрал туда телеграмму. Обращаясь к присутствующим, подытожил:

– Каждый командир отряда должен выбрать четырех дозорных из числа наиболее подготовленных и толковых «витязей» – списки сегодня же передать Лизе. Егору поручаю разработать график дежурств на полигоне и обеспечить дозорным надежные укрытия. Братьев Ершовых до вечера надо сменить: малы еще, да и задача оказалась сложнее, чем мы предполагали. Командирам дозоров разрешаю выдавать стрелковое оружие, но с условием применять его только в самых крайних случаях. А лучше бы и вовсе не применять. Все, что здесь говорилось, не подлежит разглашению ни в каком виде и ни в каком случае: паники нам только не хватало! Завтра в семь ноль-ноль сбор у меня в кабинете. В шесть тридцать прибудет вертолет из главного штаба. Это все! Все свободны.

Загребели стулья. Торопясь в клуб, и на ходу обсуждая горячие новости, молодежь в мгновение ока очистила комнату. Ушел и Устиныч, тяжело опираясь на палку и бурча себе что-то под нос про неугомонного главу совета Ушакова, но при этом хитро ухмыляясь в усы. Егор и Лиза остались одни. Они не сказали друг другу еще ни слова, но молчание не тяготило их; наоборот, оно было плотным и значительным, заполнявшим невольно возникшее между ними отчуждение. Егор боялся даже дышать. Он молил Бога, чтобы тишина не нарушалась. В глубине души он уже сознавал, что с этого необычного дня жизнь его делает крутой поворот. Детство безвозвратно ушло, скрывшись в лазурной глубине карьеры вместе со злополучным утренним сазаном. На сердце легла легкая грусть, но сидевшая рядом с ним, потупив глаза, родная душа согревала сердце. В жизни оставалось много неясного и опасного, но ее вызовы больше не тяготили его, ... они были меньше и ниже рождавшейся в нем любви.

Антон Савин –

утро следующего дня

(за две недели до «Захвата»)

– Угостишь?

Федор Устинович

Мальцев с нескрываемым удивлением посмотрел на

сидящего перед ним генерала (знал, что тот не курит), и, не говоря ни слова, протянул ему портсигар.

В кабинете установилась гробовая тишина. Только густой, засто-

явшийся табачный дух, да невпопад расставленные стулья напоминали о недавно закончившемся здесь мероприятии: более двух часов Антон лично опрашивал старожилов села. Он пытался нащупать хотя бы маленькую зацепку, которая могла пролить свет на причину столь назойливого интереса «пришельцев» к старому полигону. Увы, все было напрасно. Единственный более или менее стоящий факт сообщила доярка Матрена, работавшая в течение нескольких месяцев уборщицей в медсанчасти «объекта»: однажды в ее присутствии несколько военных врачей обсуждали участившиеся случаи лучевой болезни среди персонала полигона. Но где, как и почему произошли эти инциденты, Матрена, конечно, не знала. Тем не менее, сам по себе этот факт, вне всякого сомнения, заслуживал внимания, и его немедленно сообщили в главный штаб Армии обороны: там уже который день аналитики бились над загадкой полигона, изучая сохранившиеся у «федералов» секретные военные архивы ... Впрочем, пока безуспешно.

«Слава Богу, хоть совсем не проспали этих «гастролеров», – подумал генерал. – Спасибо тому белобрысому пареньку, как его? – Егору. Толковый юноша. И действовал инициативно и грамотно. Надо бы к нему присмотреться.... (Свою «гвардию» Антон так и подбирал, выискивая самородков, вроде Егора, всюду, где доводилось бывать).

...Итак, что мы имеем в сухом остатке? Судя по докладам разведки «витязей», незнакомцы только-только обустроились на новом месте. Это раз. Развернули стационарный лагерь, следовательно, явились надолго. Это два. Ведут себя спокойно, наблюдения за собой пока не чувствуют – три. Не высовываются, активных действий вне полигона, похоже, предпринимать не собираются – четыре. Что ж, не так уж и мало! Теперь важно не спугнуть этих «залетных пташек»... И все-таки, чего же им понадобилось на этом треклятом полигоне, какая «собака» тут зарыта?!»

Генерал даже крикнул с досады, отгоняя назойливый ребус, терзавший его последние сутки: хуже нет – ждать, гадать и догонять.

Свернув самокрутку из запасов Устиныча, Антон крутанул колесико армейской кремниевой зажигалки, секунду-другую полюбовался широким желтоватым языком пламени, чуть поморщился от едкого запаха бензина, и закурил, но, ... по устоявшейся привычке, не «в затяг», а лишь ополаскивая рот терпким ядреным дымком. Тянуть с «баловством» не стал – тут же потушил о край пепельницы.

– С тобой, Антон Ильич, только табак переводить – недовольно проворчал Устиныч, косясь на небрежно смятый бычок. – Самосад, брат, он любит обращение неспешное, ласковое, аккуратное – чай, не сигаретка тебе какая.

– Прости, батя! – Антон уже сообразил, что допустил промах: скудно, бедно живут на селе, снабжение по крохам, все в дефиците. – Ладно, не серчай на меня, давай лучше подумаем, как нам дальше-то быть с незваными гостями?

– А как с ними быть? Солить их, что ли? Брать надо голубчиков. Брать и баста! Всех до одного, под гребенку. А потом еще и допросить с пристрастием – авось выложат, что знают, куда денутся? У нас, как на подводной лодке: выход один, и тот – через торпедный отсек, притом вместе с торпедой.

Для пущей убедительности Устиныч даже привстал, и резко, как шашкой, рубанул воздух ладонью здоровой руки.

– Это ты, отец, здорово придумал – брать! Ну, взяли, а дальше-то, что? Взять, оно проще простого – у меня, вон, который день руки чешутся – окружить всю шайку, прихлопнуть голубчиков, и дело с концом. А если с другой стороны посмотреть – что у нас на них есть? Что мы им можем реально предъявить? Ничегошеньки, одни догадки! Дырку от бублика. Воздух чистый полевой. Ну, положим, вооружены они – так ведь сегодня и дети малые вооружены, время такое! Ладно, не хмурься, согласись: люди они тертые – это сразу видать. Наверняка и «легенда» у них загодя сработана – будь здоров! Комар носу не подточит. Думаешь, так прямо и не знают они, кто их соседи, не догадываются?

– По наблюдениям «витязей», вроде бы нет: уж больно уверенно себя ведут.

– Еще как знают! Ребята серьезные, не фунт изюма. Это сразу видно. И с подготовкой у них, можешь не сомневаться, все в ажуре, и с разведкой. Изложат они тебе, Федор Устинович, какую-нибудь правдоподобную байку – ну там, про сбор металлолома или бэушной аппаратуры, или еще чего-нибудь в этом роде.... Чем будешь крыть, а? Если это группа разведки и технической подготовки – а они очень сильно смахивают именно на такую группу, – основную задачу поиска им могли вообще не сообщать. Будь я на месте этих господ, я бы именно так и поступил: послал бы для начала простых исполните-

лей. С одной стороны, осуществляется активная разведка местности, прощупывание потенциального противника, подготовка к основному поиску, а с другой – в случае чего, никого не жалко. Возьмут их – а спросить-то нечего! Как говорится, меньше знаешь – крепче спишь. И потом, Устиныч, что за методы у тебя – допрос с пристрастием!? Пытки, что ли? Побой! Ладно, ладно, не сердись. Шучу.

А если серьезно, дорогой товарищ, готового решения у нас с тобой как не было, так пока и нет. Любой же неподготовленный и поспешный ход с нашей стороны приведет к тому, что они закроются, оборвут связи, и останемся мы с тобой, батя, на бобах. Надо крепко все обмозговать! А если уж действовать, то действовать наверняка: умнее противника, тоньше, с опережением хотя бы на пару-тройку шагов. Вот что, дорогой Федор Устинович, собирай-ка ты своих орлят-витязей – потолкуем с ними после семинара в «инкубаторе», познакомимся поближе, глядишь, и придумаем чего умного.

Пока Мальцев объяснял Лизе, кого и куда приглашать, Антон еще раз, но уже более обстоятельно изучил снимки лесного лагеря, доставленные около часа назад пухлым белобрысым дозорным по имени Витька. Сделаны они были с большого расстояния, однако длиннофокусный объектив и правильно подобранная выдержка позволили неизвестному фотографу (братьям Ершовым, Вите и Володе – не без пафоса уточнил Мальцев) добиться высокой, почти художественной четкости изображения. В общей сложности в объектив попало восемь наемников. Все лица – незнакомые. Лишь одно что-то смутно напомнило генералу – широкое скуластое,

Азы исихазма*

*Исихазм (от греч. «исихия» - внутренняя тишина) – учение Святых отцов о том, как через молчание и внутреннюю молитву ощущать в сердце Божественные энергии и созидать в нем любовь к Богу и ближнему. Исихазм это практика богосозерцания путем молитвенного самоуглубления. Речь здесь идет не о буквальном, физическом созерцании, а о духовном, «внутреннем» зрении. Согласно Новому Завету, «Бога не видел никто никогда» (Ин. 1:18). Однако исихасты исходят из того, что энергии Божии пронизывают мир, и поэтому можно узреть «нетварное» (несотворенное) и невещественное излучение от Бога. Смысл исихазма заключается во внутреннем сосредоточении и перемещении «ума в сердце» путем Иисусовой молитвы. Ключевым текстом из Священного Писания в исихазме являются слова Иисуса Христа «Царство Божие внутри вас есть» (Лк. 17:21).

с карими, чуть раскосыми лукавыми глазами, носом картошкой, вьющимися русыми волосами и короткой бородкой. Где-то он видел эту физиономию.... А, если и не ее, но очень на нее похожую.... Впрочем, лицо типичное, недолго и обoznаться.... Не хватает какой-то важной детали, но какой? Чем больше Антон всматривался в фотографию, тем меньше у него оставалось сомнений: изображенный на ней человек ему не просто знаком – он с ним общался, причем не так уж давно. Но где, когда, при каких обстоятельствах? Память словно заклинило.

Как всегда в подобных случаях он постарался, в первую очередь, отключить рассудок. Этому приему – остановке рассудка – обучил его отец Досифей, обожавший приспособливать древние техники аскетов и исихастов (православных святых, достигших невероятных высот в деле внутреннего совершенствования и богообщения) к нуждам сегодняшнего дня. Он первым объяснил Антону разницу между «оперативной памятью» рассудка-компьютера и базовой, глубинной мудростью сердца:

«Сердце человека, Антон, это великая тайна. О сердце, заметь, а вовсе не о рассудке упоминается едва ли не на каждой странице Библии. Один мой знакомый не поленился и подсчитал – упоминается оно там свыше семисот раз; а мозг – только дважды, да и то один раз – бараний. Кстати, согласно синаксарию о смерти, составленному Святыми отцами (читается Великим Постом на Вселенскую субботу), сердце какместилище Божьей благодати и центр богоподобной человеческой личности умирает в организме последним – только на сороковой день, после всех прочих органов. А рождается оно или, как сказано в том же синаксарии, «живописуется» в утробе матери – первым, на третий день после зачатия....

Следуя пагубной привычке мыслить суетно и поверхностно, большинство из нас считает сердце всего лишь механическим клапаном, кровяным насосом. На самом деле, в Писании ему отводится роль не только центрального органа чувств, но и важнейшего инструмента познания. Это феноменальный генератор высших духовных ценностей и общения человека с Богом; в нем, и только уже во вторую очередь – в крови, хранится душа человеческая.

Что до твоего (и моего) рассудка, то его правильнее всего считать лишь вспомогательным блоком разума: это не более, чем «центральный телеграф» – так его метко охарактеризовал выдающийся совет-

ский хирург, епископ Лука (Войно-Ясенецкий). Рассудок превосходно собирает, хранит и обрабатывает информацию, он полезен в организации жизни, но ничего по-настоящему нового и оригинального произвести на свет он не может. Эта задача ему просто не по силам, не его это функция. Не веришь? Хорошо, давай сделаем вот что: поручи своему «рассудку-ноутбуку» совершить открытие, прорваться в неизвестное, испытать озарение.... Не получится? Уверен? То-то и оно! И думать нечего.... Все открытия происходят иначе: не в момент умственного напряжения, а чаще всего наоборот, когда человек расслаблен или занят чем-то отвлеченным. Менделеев, например, «увидел» свою таблицу химических элементов во сне, и сразу всю целиком. Ньютона осенило, когда на него яблоко упало. Открытие является человеку свыше, как дар с небес, как Божий отклик на его чаяния и труды, как луч, просачивающийся в трещину между мирами. *Просите и получите, стучите и откроют вам.* Но лучше не просто так просить, а с верой в Бога Живаго, которая и горы передвигает. Да ты и сам во всем сможешь убедиться, если возьмешь на себя труд молитвенного усмирения рассудка....

Конечно, он – не враг тебе, твой рассудок. Это, надеюсь, доказывать не надо. Господь создал все во благо, а уж о благе любимого Своего чада – человека, позаботился многократно. Правда, при известной рассеянности и невнимании к тому, что творится в его собственной голове, человек может позволить рассудку, а через него невидимым темным духам, завладеть его сознанием и всю жизнь навязывать «свою» волю. Верный признак подобной беды – засилье навязчивого мышления, страхов и стрессов, мнительности, уныния, вялости, злости, раздражительности и прочих негативных проявлений в сознании индивида. Одним словом, переполнение души или, как говорили Святые отцы, «внутреннего человека» темными страстями-страданиями. Источник всей этой «ментальной грязи» – все тот же рассудок, вернее, его произвольная, пущенная на самотек деятельность. Не об этом ли напоминает нам старец Силуан Афонский, призывая *ум свой держать во аде*, то есть под постоянным контролем, и *не верить себе, пока в гроб не ляжешь?* С утра, учили отцы, поставь стражника у дверей сердца своего, и весь день отражай огненные стрелы (лукавые помыслы), посылаемые невидимым врагом.

Вспомни себя прежнего или любого из своих московских друзей – прости уж, старика, что тревожу твои душевные раны. Наверняка отыщешь у них все или почти все упомянутые мною признаки господства рассудка-слуги над сердцем-господином, диктата тупого компьютера над океаном богоданной мудрости.... Если человек недостаточно умен, решителен, добр и храбр – значит, стоп, внимание! – он уже глубоко поражен этой напастью».

К чести отца Досифея, он никогда не сводил свои «уроки» к чистой теории, а всегда старался каждое занятие дополнять практическими упражнениями, заимствованными у тех же Святых отцов. И всегда требовал испытывать полученные знания «на себе», непременно с предваряющей Иисусовой молитвой, и затем строго проверял, как исполнено его задание. «Одна из важнейших христианских заповедей, – как-то сказал он, – *возлюби ближнего, как самого себя!* Задумайся, Антон, что здесь первично, а что вторично? Вот именно: прежде чем (и чтобы) возлюбить ближнего, человек должен возлюбить себя. Странно? Ничуть! Эгоизм? Нисколько! Главное здесь осознать, что именно нам предписывается возлюбить. Ты уже знаешь, что евангельские и апостольские наставления затрагивают, прежде всего, и главным образом предметы духовного свойства. Возлюбить себя – значит, в этом прочтении – познать свою душу. Не тело – его-то мы как раз более или менее знаем (и не устаем холить и лелеять), а именно душу. Не внешнего, плотского, ветхого и смертного человека, а внутреннего или, как говорил апостол Петр «сокровенного сердца человека». Не познав этого человека-души, не изучив его природы и свойств, способностей и запросов, болезней и способов их лечения, как можем возлюбить его? *Человек – утверждали святые отцы – это тот, кто познал себя.* Опять-таки, о каком «себе» и о каком «познании» здесь идет речь?

Вся святоотеческая мудрость, Антон, есть наука о Боге, человеке, и взаимоотношениях Бога с человеком. Наука о душе, «наука из наук» – по выражению нашего выдающегося соотечественника, богослова и философа Ивана Ильина. Именно эту христианскую научную антропологию, которую себе на беду совершенно не замечает современное общество, мы с тобой и пытаемся изучать. Восполняем, так сказать, пробел в твоём семейном, школьном и университетском образовании...».

Значение аскетических уроков отца Досифея (от греч. «аскеза» – упражнение) Антону, в прошлом профессиональному спортсмену, долго объяснять не требовалось. Никакое фундаментальное знание и умение – будь то в спорте, в науке или в труде – никому, никогда и нигде не дается даром и сразу. Понять умом можно лишь самые общие принципы, самые первичные азы нового дела – для достижения же в нем большего или меньшего совершенства нужно много и упорно трудиться.

И Антон решительно, как солдат, пошел по этому пути. Шаг за шагом – сомневаясь и спотыкаясь, восторгаясь и разочаровываясь – одолевал он первые, самые трудные ступени «духовного делания». Прошло много дней и месяцев, прежде чем он ясно понял: тогда, в келье отца Досифея начал он свое восхождение даже не с подножья горы, именуемой «святость», а со дна глубокой и зловонной ямы, в которой бессознательно и бездарно провел большую и худшую половину своей жизни.

Труднее всего далось ему, как ни странно, различение и признание в самом себе основной болезни современного «внутреннего человека» – нищеты духа. Крепкое тело атлета и скептический ум городского «денди» – пусть и изрядно потрепанного – отчаянно сопротивлялось этой неясной и даже «унизительной» правде о себе, и только больная душа, а через нее – Господь, содействовали мучительному прозрению. Но стоило только Антону сердцем (а не одним только умом) выявить в себе эту поврежденность, эту беду, стоило ему только с ужасом осознать, что ни малейшего, даже справедливого упрека в свой адрес не принимает его «внутренний человек» – весь как один оголенный нерв! – как тут же спала с его глаз пелена глупейшего самомнения. Тогда только душа его, доведенная беспечностью и нерадением своего хозяина до состояния отчаяния, дистрофии и каменного нечувствия, подала, наконец, первые признаки жизни. *Блаженны нищие духом!* ... Осознание Антоном своего духовного ничтожества – не отстраненно-теоретическое, не снисходительное, а с внутренней дрожью, сокрушением и даже страхом Божиим – стало первым действительным его шагом из бездны к свету, от смерти к жизни. *Бог, по словам отцов, спасает нас не без нас* – и Антон скоро почувствовал, ощутил всеми фибрами своей неопытной еще души зарождавшуюся внутри него поразительную синергию. Чувство было

такое, словно первые свои самостоятельные шаги его «внутренний человек» делал не сам по себе, а как бы держась за невидимую длань Небесного Отца, протянутую в ответ на искренний зов о помощи. Духовная беспризорность, в сущности, и есть незнание, непризнание или даже отрицание человеком того онтологического, по сути, факта, что он, *homo sapiens*, – не зверек, помещенный в хаос, а двусоставное творение, созданное по образу и подобию Божию. Что состоит он из тела и души (а не мяса и костей), что наряду с физическими родителями, дарующими ему плотский вид, имеет он еще и Родителя горнего, духовного, имя которому Бог. Именно Господь, всемилостивый и всемогущий, наделяет всех нас плотью, душой и духом в окончательной, Себе подобной полноте, завершенности и совершенстве. Именно Он, по естеству любви и родительской сущности Своей, всегда готов принять под покров тянущуюся к Нему родную душу: грядущего *ко мне не изжenu von*. Он вызывает к своему блудному чаду, смиренно, *«перед дверьми»* его души ждет приглашения войти, молит, как отец блудного сына, впустить его в сердце, не губить себя, жить по благим законам-заповедям; человек же в беспамятстве неверно понятой свободы отвергает эту милость всеблагого Отца, обрекая себя на бесчисленные муки, болезни и смерть.

Антон шел к постижению духа Евангельского не от формального знания. Получив исходный импульс от отца Досифея, он начал как бы перелистывать свою жизнь в обратном порядке, уже в свете откровения Божия. И чем сильнее, чем глубже вчитывался он в строки Нового Завета, тем рельефнее и ярче становилось осознание им тончайших нюансов прожитой в грехе жизни. Вера вживлялась в его сердце как бы «с чистого листа»: не через чей-то чужой пример, а через внутреннее переживание самого себя; не логически, а чувственно, не проповедью и книгами, а переосмыслением своего личного горького опыта. Будучи по природе скептиком и даже, в известной мере, циником, в Евангелии он подсознательно отыскивал – но, как ни старался, так и не нашел! – мировоззренческие «логические» изъяны. Безупречность христианского учения (в отличие от бесчисленных философских школ, поголовно «хромавших» на субъективизм) никак не укладывалась в его голове. Изложенные в Писании истины: о душевно-телесном повреждении людей в результате грехопадения; о нерасторжимом и вместе с тем неслитном сосуществовании зримого и незримого миров с

их специфическими законами; об ангелах и демонах; о божественной благодати и грехе; о проклятии и аде; о причинах духовной гибели людей и чуде воскрешения; о Сыне Божием – Богочеловеке Христе – «втором Адаме» и спасении Им рода людского – все эти истины, будучи антропоцентричны, в то же время не содержали в себе и тени обычного философского умствования. Строго и отстраненно в них проводилась явно не земная, не удобная и не оправдательная для человеческой самости мысль о том, что свободный индивид, возведенный Господом в ранг «царя природы», есть единственный источник всех и всяческих глобальных изменений – как положительных, так и отрицательных. Это его, человека, духовное падение – и ничто другое – вызывает тотальное поражение всего сущего, вплоть до возмущения неодушевленных стихий. Следовательно, и победа над смертью кроется не где-то вовне, а внутри этого человека, что и доказал Христос, *«смертию смерть поправ»*.

В один прекрасный день к Антону пришло (и большего его не покидало) четкое понимание: сила безукоризненной «логики» Евангелия заключается в том, что она надмирна и сверхъестественна. Ибо рождена не землей, но Небом, ниспослана как дар Божий людям, *«сидящим во тьме и сени смертной»*. Поэтому верующему во Христа нет нужды всякий раз утруждать себя «разумными» доказательствами истинности своей веры. Надо просто верить! Радость и покой к нему придут естественным образом – как следствие созвучия его души вселенской гармонии любви, открытой евангельскими заповедями блаженства. И наоборот, стоит человеку впустить в себя зло, как эта дивная гармония исчезает, начинается разрушение самого человека, а уже вслед за ним – расширяющимися концентрическими сферами – и окружающего его вселенского пространства.

В этом контексте очень скоро пришло к нему понимание того, что исполнение заповедей – ничуть не менее жесткий императив, чем соблюдение, например, физических законов бытия. Личный опыт лишь подтвердил и усилил в его глазах правомерность этого тезиса. С этого момента он начал воспринимать Библию как внеземное законодательство, изложенное Христом в форме, максимально приближенной к довольно-таки примитивному *«разумению человеков»*.

Ждало его, конечно, и разочарование. В частности, горечь от сознания того факта, что большую часть своей жизни он провел в пол-

силы, запасы дарованных ему Богом немалых талантов и энергий растратил почти впустую. Фактически, он и не жил вовсе, ибо то главное, что изначально отличало его как человека от животного – способность к богопознанию, вольному творчеству и жертвенной любви, – все это было в нем так или иначе подавлено и растрчено. Словно кукла из папье-маше, он позволял манипулировать собою людям и обстоятельствам, и через них (теперь он видел и это!) – невидимым духам злобы поднебесной. Служил плюшевой игрушкой в их ловких и многоопытных лапах. Как глупый котенок, гонялся он за солнечными зайчиками мнимых целей, ценностей и смыслов, впустую, направо и налево растрачивая бесценные ресурсы отведенных ему времени и сил. Считал себя – то пропащим и ни на что не годным, то крутым и всемогущим; не знал, чудак, что то и другое суть две стороны одной медали, имя которой – гордыня. Знания о себе, столь нужные и востребованные, ресурсы и энергии, которые он, бездумно разбрасывая одной рукой, лихорадочно пытался нащупать другой, – все это, оказывается, всегда было при нем. Даже не сказать, чтобы рядом! Сила и мудрость крылись прямо в нем самом, в его «внутреннем человеке», но путь к этой силе был замурован его собственным невежеством, слепотой и ничем не обоснованной самонадеянностью. А он-то, наивный глупец! Сколько времени бездарно потратил на поиски этих сокровищ в других людях, предметах, ситуациях! Каким же он был близоруким!

Когда уроки отца Досифея, сокрушая остатки былой предубежденности, сомнений и лени, через синтез знаний и опыта соединились, наконец, с его природным естеством и стали неотъемлемой частью его новой личности, – тогда только в полной мере он осознал глубочайший смысл евангельского откровения: *«Царство Божье внутри вас есть»*.

Получая первый опыт и радуясь первым плодам исихастского «умного делания», Антон с воодушевлением и даже некоторой горячностью, которую отец Досифей осторожно и ласково остужал, бросился очищать и спасать своего полумертвого «внутреннего человека» по имени Душа. Не только от рассудочного хаоса и произвола, но еще и от множества духовных травм и болезней, нажитых годами беспутной, неосознанной и беспризорной жизни без Бога. Эта работа над собой: молитвой, покаянием, признанием своего бесконечного несовершенства перед столь же беспредельным совершенством Все-

вышнего, – овладела им без остатка. Он пылал душой, горел рвением. Он рвался в бой, готовый рубить невидимого врага направо и налево. Он чувствовал, что обрел, наконец, ту точку опоры, ту ось, которую никогда не имел в прежней своей жизни, и с которой действительно мог теперь перевернуть весь мир. Он нашел искомый маяк – Бога Живаго, который есть Путь и Истина и Жизнь. Небо над ним очистилось от туч, любовно принимая в свои объятия его уставшую и измученную душу.

Сознавал Антон и то, что у избранного им пути духовной брани есть начало, но нет, и не может быть конца. Ибо идеал, воплощенный в Боге, для человека как творения Божьего практически недостижим: *всяк человек ложь, и нет того, кто проживет и не согрешит*. Тем не менее, даже сознание этой недостижимости идеала, явленного человечеству во Христе, почему-то не только не угнетало его, но, напротив, обнадеживало и воодушевляло. Смыслом его жизни уже не могли служить, как прежде, призрачные и низкопробные плотские удовольствия: душа теперь с негодованием отвергала их, избирая горнее, а тело и воля все увереннее и радостнее повиновались душе, следуя ее велениям. Стержнем его новой жизни стало исполнение заповедей Христовых, и хотя духовный труд оказался тяжелее любых физических нагрузок, бремя его, как и обещал Христос, действительно было легким в сравнении с тем мертвящим свинцовым грузом, который так долго тянул его на дно, а теперь постепенно спадал с его души. С верой в его жизнь прочно вошла надежда и радость бытия. А еще – осознание нового смысла жизни, состоящего в том, что, хотя Бог и недостижим, но человек через любовь в состоянии вечно приближаться к Нему и в этой, и в грядущей жизни – как к единственному Источнику подлинного блага и бессмертия.

... Антон неслышно, одними губами прошептал Иисусову молитву, откинулся на стуле и весь, без остатка погрузился в молчание души. Ему никто не мешал: тихо тикали настенные часы, за широким, покрытым зеленым сукном корпел над какой-то бумагой Мальцев. Из открытого окна доносились звуки сельской жизни. Сколько минут прошло – пять, десять...? Нужная мысль, как обычно, явилась неожиданно: словно роскошная тропиче-

Эврика

ская рыбка, она всплыла в сознание, да так грациозно, так непринужденно и смело, будто все время была тут же неподалеку, прячась до поры в каком-то укромном гроте. Догадка оказалась столь очевидной, столь логичной и гениально простой, что ему немедленно захотелось присвоить себе право обладания ею. Раньше он так бы, пожалуй, и поступил, но теперь, немного разобравшись в асимметричных сопряжениях зримого и незримого миров, телесного и духовного начал, он больше не мог, не дерзал счесть посетившее его (заметим, не впервые) озарение случайным или, тем паче, «своим». Это было бы нечестно с его стороны. Это стало бы проявлением его, Антона Савина, безответственного и даже вызывающего мальчишества пред самым Всевышним, благодать которого обретается долгими трудами покаяния и смирения, а теряется минутной вспышкой гордыни, карающей человеческую душу на каждом шагу, за каждым поворотом «узкого пути», «аки лев рыкающий».

«Слава Отцу и Сыну и Святому Духу...» – генерал перекрестился, и еще раз по-детски искренне подивился могуществу и премудрости божьего Промысла, который неприметно, но заботливо вел его, грешного, по извилистой тропе жизни. В последнее время он почти физически ощущал и действие этой силы, и твердую почву под ногами. Что это – иллюзия, реальность? Открыв душу Богу, он словно действительно выбрался из необозримого зловонного болота, каковым, в сущности, и являлось (за редкими исключениями) его предыдущее существование. Выбрался на сухой берег веры, а, точнее, на ту очень узкую и очень извилистую, невидимую глазу тропу, что, согласно Евангелию, вела его в жизнь. Эту тропу каждому еще надо найти в то время, как «пространный путь», ведущий в смерть, открыт и доступен. Идти по ней самостоятельно, вслепую, не имея надежного поводыря, невозможно. Человек не знает будущего, и, следовательно, каждый его шаг на этом пути приходится в неизвестность. Как быть? Ответ очевиден: вверить этот шаг Тому, кто знает будущее и любит тебя. Отцу духовному. Как этого добиться? Довериться всецело и без остатка Божьим словам – *грядущего ко Мне не изжenu вон* – и ни на секунду не терять молитвенной связи с Тем, Кто есть Путь и Истина и Жизнь. Разве возможны другие варианты? Нет и еще раз нет! Конечно, в беспамятстве и самонадеянности можно вообразить себя царем природы, и смело шагать наугад – куда придется. Но в этом

случае, даже если очень повезет, и будет случайно найдена своя тропа, даже если по той же счастливой случайности удастся сделать по ней несколько правильных шагов, долго ли будет продолжаться это везение, прежде чем нога соскользнет в гибельную топь? Что на этот счет скажет теория вероятности? Искать другого проводника из того, незримого мира? Но ведь и здесь выбор невелик: отказываясь от Бога, человек автоматически – хочет он того или нет – попадает под власть духов злобы, ненавидящих его от начала времен....

Антон научился не только верить в Бога, но и всецело доверять Ему. И чем сильнее, чем глубже становилась его вера, тем надежней он чувствовал себя на тропе жизни. Отныне он не метался в поисках выхода, а просто с молитвой шел вперед. Шел, как говорили отцы, *лишь переступая ногами....* И Господь бережно направлял его, отводя беды и открывая верные пути.

Вот и сейчас помощь пришла как нельзя вовремя. Антон взял со стола давешнюю фотографию, и ручкой, не задумываясь, подрисовал изображенному на ней незнакомцу окладистую бороду и шапку-ушанку. «Недостающее звено» встало на свое место, и генералу во всей красе явился тот простоватый мужичонка в тулупе с автоматом наперевес и засохшим капустным листиком в неопрятной бороде, который год назад остановил их «Ивеку» с сорока юными общинниками на Клинском перегоне, а потом, ничтоже сумняшеся, отправил под пулеметы лесной засады.

«Ну, вот мы и встретились с тобой, «Сократ»! – подумал генерал, – Вот мы и встретились». Ребус разгадан. Мудреная, двухъярусная засада в стилом осеннем лесу под Клином и появление «гостей» в окрестностях Казачьего Дюка – звенья одной цепи. Люди на полигоне – не просто бандиты-гастролеры. Это люди Шпилевого, и теперь их наверняка удастся «пробить» по прошлогодним ориентировкам Центра. История с засадой на шоссе получила, наконец, логическое и ожидаемое продолжение. Правда, роли сторон теперь решительно поменялись. Год назад бандиты были охотниками, а общинники – жертвами. Теперь наоборот: инициатива, информация, выбор тактики – все старшие козыри в распоряжении Армии обороны. Антон даже испытал секундное злорадство от сознания своего преимущества перед противником (впрочем, тут же решительно подавленное им, как, безусловно, бесполезное для души). Им уже овладела решимость – древняя как мир, не-

поколебимая решимость воина и добытчика, защитника своего рода. Он знал, что делать дальше. План сложился в его голове, как только ему удалось опознать бородача

Хлопоты Егора, утро следующего дня

День не задался с самого начала. В механических мастерских, где Егор Чеботарев с друзьями-старшеклассниками проходил летнюю производственную практику, произошло ЧП: ночью кто-то срезал решетку слухового окна, залез на склад запчастей и выкрал оттуда самые ценные инструменты. Бесследно исчезли две болгарки, переносной сварочный аппарат, лазерный уровень, набор разводных ключей, и, что особенно обидно, – несколько пачек тонких электродов, которые ценились на вес золота и выдавались на руки сварщикам только по личному указанию директора мастерских Николая Николаевича Зотова. Кража обнаружилась к обеду, и с этого момента «дядя Коля», он же «Ник Ник» – так за глаза величали директора – сам не свой бродил по оскверненному складу, хватался за сердце,пил валерьянку,почем свет честил семидесятилетнего сторожа Ефимыча, благополучно проспавшего ЧП, и призывал скорую и тяжкую Божью кару на головы неизвестных «басурман», сорвавших плановую подготовку техники – двух тракторов с навесным оборудованием и трех самосвалов «Камаз» – к осенним полевым работам и озимой вспашке.

Что делать? Егору позарез надо было отлучиться с работы пораньше, чтобы до семнадцати ноль-ноль провести очередную смену постов наблюдения на полигоне. Но как отпроситься, и при этом не соврать?

«А-а, будь, что будет!» – решил Егор, потоптавшись с минуту перед кабинетом директора. Так ничего стоящего и не придумав, он просто толкнул входную дверь...

– Чего тебе? – Зотов недовольно и скорбно посмотрел на вошедшего практиканта, всем своим видом демонстрируя нежелание отрываться от пухлой инвентарной книги, лежавшей перед ним на столе.

– Николай Иванович, можно я уйду домой пораньше? А завтра, задержусь и отработаю.

– Что стряслось? Уж, не с Валентиной ли чего? – Зотов знал о болезни матери Егора, периодически навещал ее (они дружили с детства) и помогал, чем мог.

– Да, нет, дядь Коль, дома все в порядке. Это другое – личное. В общем, дела у меня.... Отпусти, а?

– Небось на полигон собрался со своими сорванцами? Ладно, ладно, не сердись, никому не скажу. Ишь, надулся, как мышь на крупу. Это ведь я только тебе с глазу на глаз говорю – не кому попало. Ладно, ступай. Только поосторожней там, вояка, – «туристы» эти, похоже, люди матерые... Ну, чего тебе еще? Чего стоишь? Ступай, а то передумаю!

– Дядь Коль, хотел тебя спросить, а как же ты...?

– Что как? Откуда узнал? Ты про «таежную почту» слыхивал? Нет? Значит, молод еще, зелен, поживешь с мое – непременно услышишь. Другой раз половица у кого в доме посреди ночи скрипнет, а уж вся деревня в курсе. А тут, нате вам! – целый взвод вооруженных мужиков пожаловал – да, про них, почитай, с первого дня все местные шушукались. Ладно, ступай Егор, только младших «витязей» в свои дела, уж будь добр, не впутывай... от греха подальше. И вот еще: у тебя, слышал я, в отряде паренек объявился городской... его еще «Шерлоком Холмсом» кличут. Правильно, Трошев Саша. Ребята говорят – детективами он увлекается, в сыщиков играет, толковый, одним словом. Так ты бы послал его ко мне: пусть поможет нашему участковому на складе – посмотрит, подумает, следы изучит. Может, и заметит чего, на что взрослый и внимания-то не обратит. Уж больно жалко мне, Егорушка, инструмента тонкого, не за себя жалко – за все общество. Ну и, конечно, страх, как хотелось бы в глаза тому босяку поглядеть, который руку на коллективное добро поднял... посмотреть, а потом – да простит мне Бог! – всыпать ему по первое число. Что-то, сдастся мне, не взрослого это рук дело: окошко-то на складе видел? – узкое, и над землей высоко. Чует мое сердце, подросток тут поработал...

К зданию сельсовета Егор летел, как на крыльях. Причина была, конечно, не в строгостях Устиныча. И не в обязательном инструктаже перед вылазкой на карьер. Наш герой рассчитывал хотя бы краешком глаза снова увидеть Лизу. Ему повезло: она была там – стояла у окна в коридоре первого этажа. Белое ситцевое платье и легкая полупрозрачная косынка делали ее похожей на фею, купающуюся в лучах солнечного света. Завидев Егора, она улыбнулась, и с притворным огорчением кивнула на закрытую дверь штаба.

– Не спеши, нет там никого!

– А Устиныч?

– Только что с каким-то лектором из «Подсолнухов» ушел в «инкубатор». А меня тут оставили. – Лиза еще раз улыбнулась, и Егор подумал, какая у нее все же удивительная улыбка – легкая и светлая.

– Знаешь, Лиз, тут такое дело: я и в самом деле спешу: посты надо проверить на полигоне, да и ребят пора менять. Передай, пожалуйста, этот график Устинычу, и скажи, что я забегал, ну, и все такое, как положено

– Конечно, Егор, не волнуйся, сделаю – Лиза помедлила, словно решаясь на что-то, и вдруг резко, всем телом повернулась к нему, посмотрела прямо в глаза и коснулась руки. – Ты только, пожалуйста, будь там поосторожнее, слышишь? ...

Волна неземного блаженства захлестнула Егора. Не помня себя от счастья, он что-то невпопад буркнул ей в ответ, что-то пообещал, и со всех ног бросился на улицу. В одну секунду мир вокруг него совершенно переменился. Оказывается, все эти годы, со времени их первой встречи около дома бабы Даши он жил ожиданием этого, сегодняшнего, лучшего в жизни мгновенья. Боялся признаться даже самому себе – но все время думал, мечтал о ней. И когда зимними утрами со своими «витязями» бегал по лыжне мимо ее окон в тайной надежде угодить ей на глаза; и когда обреченно вглядывался в стайки девчат на сельских праздниках, отыскивая взглядом ее, единственную, и когда побеждал на школьных олимпиадах – а вдруг про его успехи расскажут Лизе? Выходит, все это время он тоже был не одинок – она слышала его зов, мысленно откликалась на него, вопреки всем преградам и расстояниям.....

Егор широко шагал по родному селу. Он ощущал себя другим – могучим, уверенным, цельным. В нем возматерился, распрямлял плечи, самоопределялся новый человек, новый Егор Чеботарев. Взрослый Егор Чеботарев. Однако к восторженной радости первых мгновений краешком примешалась и новая для него тревога: не та сыновняя, что будила по ночам и звала к постели больной матери. Другая – зрелая, мужская, сжимавшая сердце обручем ответственности за эту хрупкую девочку, девушку, которую он, оказывается, любил больше жизни. Егор миновал околицу, остановился и обернулся. Село укрывалось дымкой осеннего тумана. Там, за туманом осталась его Лиза, но он теперь знал: душою она с ним, думает о нем, ждет его.

Инкубатор, вечер того же дня.

В просторном зале новой избы-пятистенки, куда, по решению совета общины, с конца лета переместился лекторий сельского «инкубатора», было тесно и шумно. Прикрыв за собой входную дверь, Антон сразу окунулся в терпкий смоляной запах свежего сруба, шум передвигаемой мебели и гул десятков голосов. Интерьер зала был предельно прост, если не сказать, скуден. Грубо, но добротнo сколоченные лавки и стулья, небольшая школьная парта с доской у дальней стены – место президиума, массивная свежeweыбеленная русская печь, из которой, как тонкие рахитичные руки, вылезали регистры водяного отопления – вот, в сущности, и все убранство. В красном углу – неброский иконостас, подсвеченный лампадкой. Узкие окошки с занавесками почти не пропускали света, но вкупе с добротнo проконопаченными стенами и гладко струганным полом создавали такую атмосферу надежности, чистоты и уюта, что Антона даже на секунду бросило в дрему. Шествуя за широкой спиной Устиныча, генерал ловил на себе любопытные взгляды собравшихся здесь людей, и сам, в свою очередь, пытался оценить «аудиторию».

Судя по всему, здесь присутствовали все возрастные группы и «сословия» дюковского общества: от подростков десяти-тринадцати лет до седовласых ветеранов. Местные, деревенские выделялись подчеркнутой раскованностью манер: – мужики шушукались, бабы и девки лужгали семечки, рассовывая шелуху по карманам, и бойко стреляли глазами по сторонам. Горожане – их было заметно больше – держались кучней и сдержанней. По мере продвижения наших героев к президиуму гомон стихал, и скоро прекратился вовсе, уступив место гулкой тишине.

Идея представить Антона лектором-наставником, прибывшим из «Подсолнухов» для проведения в Дюке цикла православных семинаров «СОС» (самопознание, осознанность, самостояние) принадлежала хитроумному Мальцеву. Генералу эта «легенда» пришлось по вкусу, и вот, по каким причинам.

Во-первых, работу наставника Антон неплохо знал: более пяти лет он вел у себя аналогичный факультативный семинар для молодежи призывного возраста. И хотя в его занятиях присутствовала некоторая профессиональная специфика (акцент на выработку навыков концентрации внимания, выдержки, различения «свой – чужой» и т.п.), об-

щие методики и принципы духовного развития личности посредством православной аскетики и воцерковления, по сути дела, оставались одними и теми же.

Во-вторых, роль «заезжего лектора» обеспечивала генералу безупречную «легенду»: у «гостей» с полигона, помимо конюха Сеньки, вполне могли найтись и другие вольные и невольные осведомители – появление же на селе нового человека без определенных занятий могло вызвать у них подозрения.

Наконец, в качестве лектора «товарищ Савин» мог спокойно передвигаться по всему селу и с кем угодно общаться – хотя бы с тем же Устинычем, отвечавшим в Совете общины за воспитание молодежи и работу «инкубатора».

Об «инкубаторах» стоит упомянуть особо.

...Первые центры адаптации беженцев к жизни православных общин или, как их окрестили в просторечье, «инкубаторы» появились сразу после начала Исхода. А что еще оставалось делать? В поисках пропитания и защиты от бандитов голодные, измученные, отчаявшиеся люди десятками и сотнями, целыми семьями и селами искали помощи и убежища в православных общинах. Поселения росли как на дрожжах. Беженцы готовы были терпеть любые невзгоды и неудобства, ютиться в полуразрушенных домах и наспех выкопанных землянках, питаться впроголодь, работать день и ночь, лишь бы не видеть больше ужасов Исхода. Не гнать же их! Как ни трудно было первым общинникам, какой бы скудной и шаткой ни выглядела их собственная жизнь, святые на Руси обычаи гостеприимства и милосердия соблюдалась повсеместно и неукоснительно. С новичками делились последним, принимали всех без разбору. Сообща поднимали целину, заселяли брошенные хутора и деревни, сбивая их в единые хозяйственные комплексы, из которых впоследствии выросли новые мощные укрепрайоны. Эта бескорыстная готовность жертвовать собой во имя ближнего лучше всяких слов доказывала беженцам истинность православной веры.

Впрочем, резкий рост населения первых общин вызвал трудности не только материального свойства. В мировоззренческом плане переселенцы были очень неоднородны. Лишь немногие из них держались традиционной веры отцов. Основную же массу составляли атеисты или, хуже того, ложно верующие – сектанты и сторонники различных

теософских, космогонических и синтетических лжеучений. Все они в той или иной мере были жертвами демонического телеэкрана – «икон сатаны», – через которую на протяжении нескольких десятилетий «либерального реванша» населению России насильственно (без его на то согласия) прививалась вера в колдунов и магов, гороскопы и НЛО, экстрасенсов, полтергейст и прочую откровенную «бесовщину». Неизвестно, предопределила ли эта политика начало Исхода (по мнению того же отца Артемия, предопределила и притом – в решающей мере), но то, что миллионы людей встретили самое тяжкое в своей жизни испытание, не имея достаточной духовной крепости, было неоспоримо. Жертвы вселенского обмана в равной мере заслуживали, конечно, и порицания, и жалости. Истину они отвергли добровольно, зная уже о ее существовании, однако предпочтя ей сомнительные блага и «удобные» вероучения. Но они уже успели понести свое наказание, свой искупительный крест. Господь милостив, и многих из них, прошедших через очистительный огонь смуты, ждало, хотелось верить, прощение и спасение.... А вот что в этом и в том, загробном мире было уготовано тем поистине адским соблазнителям, через коих в заблудшие души «малых сих» вошло смертоносное жало зла и порока, страшно было даже представить?! Именно к ним – продажным журналистам и продюсерам, беспринципным шоуменам и развратным поп дивам, лживым политикам и циничным олигархам, – сознательно или неосознанно совратившим миллионы душ, обращено грозное Евангельское предупреждение, прозвучавшее из уст самого Христа: *А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновный камень на шею и бросили его в море.*

Отцы-основатели общин понимали: духовно незрелая и, в этом смысле, не вполне здоровая волна переселенцев запросто может захлестнуть и растворить в своей массе небольшие православные общины, только-только вырвавшиеся из той же самой трясины неверия. Уклад, быт и традиции молодых общин еще в должной мере не устоялись, еще не получили нужной обкатки и закалки, не прошли обязательной проверки временем; влияние же языческих стереотипов и навыков, выработанных десятилетиями жизни по дурным страстям, напротив, оставалось весьма ощутимым. Соотношение сил было еще слишком хрупким, а риски слишком большими, чтобы вот так безо-

глядно, «на авось» довериться стихии нашествия братьев-язычников. Катиться вниз много легче, чем карабкаться вверх, а застарелые вывихи и пороки имеют свойство цепко держать в своих сетях неопытные души....

Выход, конечно, нашелся и, как показали дальнейшие события, выход в целом правильный. Совет общины решил, с одной стороны, хотя бы на время отделять «новичков» от «старожилов», размещая их в специально построенных поселениях – центрах адаптации или «инкубаторах»; а с другой – в период этой временной и вынужденной изоляции как можно активнее вести среди «новичков» разъяснительную и миссионерскую работу, создавая духовные предпосылки для последующего их воссоединения с православным ядром. Время, как известно, рождает своих героев. *Дух Святой дышит, где хочет*. Вопреки опасениям скептиков, православный «всеобуч» с первых дней доказал свою действенность. Как семя, брошенное в добрую почву, как соляной кристалл, помещенный в раствор нужной концентрации, так и Слово Божие, донесенное одними страждущими до ушей других, дало скорые, обильные и добрые всходы.

Таким словом и одновременно «спасательным кругом» для православных общин стало наследие Святых отцов Церкви. Это целительное для русской души лекарство прибыло в Россию, к сожалению, с досадным опозданием. Лишь в середине XIX века усилиями Оптиных старцев и славянофилов русскому обществу были явлены нетленные труды Аввы Дорофея, древних египетских пустынников и византийских монахов-исихастов. Появились и аскетические произведения Игнатия Брянчанинова, изложившие святоотеческое наследие на понятном для современных русских людей языке. Апостольское слово достигло, наконец, своей последней исторической гавани – «Третьего Рима», но, увы, времени оставалось слишком мало, чтобы своей глубинной метафизикой оно успело оздоровить и оплодотворить русское сознание, подвергшееся к началу двадцатого столетия глубочайшему обмирщению.

Революция огнем и мечом прокатилась по разуверившейся и потерявшей Бога стране. Следом за ней маршировали ее «отпрыски» – гражданские смуты и репрессии, социальные эксперименты и мировые войны. Безбожный советский режим, как сгнивший плод, пал без единого выстрела, уступив место еще более страшному «либерально-

му проекту», с помощью которого пораженный демонизмом Запад попытался в очередной раз, но теперь уже изнутри взять долгожданный реванш – развратить, расколоть и уничтожить православную Русь. Действуя через своих эмиссаров в высших эшелонах постсоветской элиты («пятой колонны»), мировая «закулиса» с невиданным напором и размахом развернула в России программу уничтожения русской культуры и русского духа. Во всех без исключения сферах государственной и общественной жизни, прежде всего, в области образования и воспитания, развернулась активнейшая деятельность саботажного и подрывного характера. По тысячам направлений одновременно, синхронно, слаженно и финансово изобильно в русское сознание начали впрыскиваться потоки духовного яда, лжи и разврата. Парализованная и насквозь коррумпированная власть фактически являлась либо проводником убийственной для России политики Запада, либо равнодушным наблюдателем того, как стремительно убывает, деградирует и умирает великая нация, за которую она, эта власть, несла священную ответственность перед историей и Богом.

Тогда-то из забвения, из мрака всеобщего отчуждения и ожесточения воссияла древняя мудрость... и вековые истины, изложенные Святими отцами, тогда-то они начали вливаться в души простых людей, производя там свою очистительную и оздоровительную работу. Мудрость Отцов проложила незримые, но прочные мостки переправы, по которым духовно беспризорные россияне – бедные и богатые, простые и знатные – совершили свои первые шажки к вере, к жизни, к Богу.

Методики и приемы миссионерского служения отрабатывались общинниками буквально на ходу. Они подсказывались, с одной стороны, состоянием самих духовно беспризорных, а с другой – озарениями свободного и смелого творчества, черпавшего вдохновение из вечно живого источника – Евангелия.

Опыт показал: чтобы вывести духовного беспризорника из состояния «каменного нечувствия», сначала, по завету апостолов, необходимо некоторое время отпаивать его «теплым молоком» (разумеется, в духовном смысле): несчастный, образно говоря, еще находится в реанимации: он недвижим и слеп, опутан ложными представлениями, как сетями. На ноги он встанет еще не скоро, а пока нуждается в регулярном, правильно подобранном – по составу и дозировке – интенсивном

духовном лечении: питании, заботе, ласке, молитве. Форсировать этот процесс вредно и опасно.

Именно такими «духовными лечебницами» и стали для тысяч беженцев первые «инкубаторы». В них с верой в благое вспомоществование Божие бережно и терпеливо разъяснялись атеистам азы православного самопознания, впоследствии сведенные в общий курс «СОС – спасите наши души!».

Странный разговор

В то время, как Антон занимался просветительством в Казачьем Дюке, Крис, готовясь к предстоящей операции, «просиживал штаны» в первом отделе майора Громова. Помещение, где он работал над бумагами, отвечало всем требованиям секретности: метровые армированные стены из бетона исключали всякую возможность прослушивания (даже с применением суперсовременных технических устройств, остававшихся в распоряжении некоторых федеральных и частных спецслужб); массивные несгораемые сейфы хранили индивидуальные папки из картона, вид которых не изменился за последние сто лет; молчаливый персонал отличался особой выучкой и привычкой не задавать лишних вопросов и забирать у офицеров папки с материалами, не заглядывая внутрь. Все здесь дышало строгостью и тишиной. Лишь мерно гудел вентилятор под потолком – секретный отдел находился под землей, точно под залом совещаний командного состава Армии обороны. Обслуживал полковника О'Нила не кто-нибудь – сам майор Громов.

– Что-нибудь еще? – спросил майор, забирая у Криса очередную порцию шифрованных телеграмм из Центра.

– Пожалуй, только оперативную карту Казачьего Дюка и окрестностей.

– Сию минуту. Распишитесь вот здесь и здесь, пожалуйста. – Громов протянул Крису потрепанный журнал регистрации переписки с Центром, и показал, где поставить подпись. – Кстати, хотел вас спросить, на какое число, если не секрет, планируется операция «Захват»? Я к тому, что Центр настаивает на последней неделе октября, а Антона Ильича до сих пор нет, и ответить Центру нечего. Неувязочка получается!

– Отбейте Центру подтверждение предлагаемого им срока, мажор. Последняя неделя октября, о'кей. Телеграмму я подпишу: Бог не вы-

даст – свинья не съест – так, кажется, в России говорят? Думаю, с подготовкой мы управимся в срок. А вам надо хорошенько подумать, кого из радистов взять с собой «в поле»: командный пункт мы разместим вот здесь – в двух километрах от полигона. Здесь же будет находиться полевая радиостанция. Надо подготовить аппаратуру для активного радиоперехвата и возможной дешифровки передач противника. Все ясно?

– Слушаюсь, товарищ О'Нил. А можно личный вопрос?

– Вальяйте, why not? – Крис выглядел оживленной, чем обычно, и, если бы Антон увидел его в эту минуту, он немало подивился бы своему другу: обычно замкнутый и немногословный, американец охотно поддерживал разговор с посторонним, в общем-то, для него человеком. Ничего подобного за ним доселе не водилось.

– Вы ведь родом из Сан-Франциско?

– Yes, из Фриско. – подтвердил Крис, не удивляясь вопросу майора: тот имел доступ к личным делам всех офицеров штаба, и, конечно, должен был знать подобные детали.

– А я, верите ли, в бытность мою вторым секретарем нашего посольства в Вашингтоне – это было еще при Советах – частенько навещался в тамошнее консульство. Замечательный город!

– Надо же, не знал. И что входило в ваши посольские обязанности?

– Ну, теперь уже большой тайны нет – сколько воды утекло! Работал я на «контору» – КГБ то есть. Отвечал за военно-техническое «сотрудничество», а, по сути, за промышленный шпионаж, агентуру, связи с профильными американскими службами. Да-а, времена были – не чета нынешним. Мощь! Держава! Холодная война! Вспомнишь – аж дрожь берет! Было чем гордиться! Взять тех же американцев: ненавидели они нас, «красных», по полной программе, но в то же время боялись и уважали. На приемах у посла отбоя не было от сенаторов и глав корпораций. Один Саймон Монтелла чего стоил?

– Кто, кто? – переспросил Крис – You said, Саймон Монтелла? Я не ошибся?

– Он самый. С виду никогда не скажешь: обычный человек, каких тысячи. В толпе пройдет – не заметишь. А в действительности, по нашим данным, – матерый разведчик, участник десятков спецопераций ЦРУ по всему свету. Бывал у нас почти на каждом приеме. Хитрый

лис! Он, кажется, родом тоже из Сан-Франциско.... Хотя тут я могу ошибаться – столько лет прошло. Вам, случаем, не приходилось сталкиваться с ним? Или, может быть, слышали это имя?

– Н-нет, не припомню такого – как-то неуверенно ответил Крис. – А с чего вы взяли, что я должен его знать?

– Да, ни с чего. Просто, думаю, а вдруг где-нибудь пересекались пути–дорожки. Мир-то тесен. У нас в те годы этим Монтеллой целый отдел в Москве занимался. Правда, я так и не понял, чем он был так интересен Центру? По слухам, за ним скрывалась целая сеть агентов, изучавших наши ядерные объекты и технологии. Поговаривали о каких-то миллиардных контрактах на поставку урана, к которым он, якобы, имел непосредственное отношение. Конечно, все это по большей части домыслы, но, как говорится, нет дыма без огня. Интересно, где он сейчас, Мотелла этот?

– А...? Что? – последний вопрос Громова, казалось, вывел Криса из глубокой задумчивости. – Где сейчас Монтелла? Так кто ж его знает? God knows. Мир в огне. В Штатах все полетело к чертям. Может, и нет его уже на свете, этого вашего Монтеллы, а, может, живет себе где-нибудь в Бразилии, в середине тропического леса, и в ус не дует.

– Так, я пойду, товарищ полковник, принесу карту-то?

– Какую карту? А-а, карту? Давай.

Майор ушел за картой, а Крис еще долго сидел в глубокой задумчивости, рисуя кружки и треугольники на листке чистой бумаги, и, когда карта, наконец, прибыла, весь листок был исчеркан, и на нем не осталось ни одного живого места....

Инкубатор (продолжение)

... «Братья и сестры, друзья, – Антон откашлялся, прочитал про себя Иисусову молитву, и, как всегда перед началом нового семинара, ощутил легкий холодок волнения, – всех нас здесь свела одна общая горькая судьба. И каждый, поверьте, каждый рано или поздно задаст себе вопрос: почему это случилось именно со мной? Прежняя жизнь рухнула, ничто в ней уже не держит, не застит глаза, и мы можем, мы должны признать: что-то в ней – в той, прошлой жизни, а значит и в нас самих – было не так. Иначе, чем еще объяснить катастрофу? И где зародилась беда – в окружающей нас страшной действительности, или все-таки внутри нас – под-

линных «творцов» этой действительности? Мир, в котором мы жили, оказался во власти зла. Зло растлило и разрушило его до основания. Но, согласитесь, это зло явилось к нам не из окружающей природы, не из дальнего космоса. Раковой опухолью оно выползло из черствого, ожесточенного и опустошенного сердца человека – каждого человека, живущего на земле. Шесть миллиардов «я» сообща породили Исход – результат окаменения души, очерствения сердца и помрачения разума человечества. Не Бог виноват в этом! Наш с вами христианский Бог есть любовь, и только любовь, и ничего, кроме любви. Любви до креста, до полного самоотречения во имя предавших и истязавших Его людей. Вина лежит только на нас. Она целиком наша. Мы забыли Бога и его законы, отгородились от Него похотью плоти, похотью очей и гордостью житейской. Бог же по любви к нам и из уважения к нашей безграничной свободе не может стать преградой на нашем пути, даже если мы отдаем предпочтение не Его, а нашим собственным, по сути, волчьим законам. Если теперь, пройдя адские муки, мы хотим не только выжить, но и что-то исправить, если мечтаем оставить нашим детям хотя бы маленький лучик надежды, мы обязаны принять на себя всю полноту ответственности за случившееся. И за то, что уже было, и за то, что только еще предстоит. Всю ответственность до конца – не перекладывая ее на людей или обстоятельства.

Сделать это не так просто, как кому-то может показаться. Путь предстоит нелегкий. Все мы – и вы, и те, кто разделил с вами пищу и кров, признавая в вас своих братьев и сестер, – все тонем в одном и том же смердящем болоте иллюзий и ложных убеждений. Разница между нами лишь в том, что одни уже видят твердый берег спасения и потихоньку выбирают на сушу, а другие по-прежнему барахтаются в трясине, даже не сознавая этого и не зная, как им поступить, куда идти. Без дружеской помощи, без поддержки извне никому не спастись. Давайте же возьмемся за руки, чтобы вместе просить Бога помочь нам выбраться из проклятой топи нашей прошлой жизни.... Вы спросите, с чего начать? Об этом и пойдет речь на нашем семинаре. Вопросы есть?»

– Товарищ лектор, можно чуть подробнее о содержании семинара, это, я думаю, всех интересует – обратился к Антону интеллигентного вида мужчина лет пятидесяти, сидевший с женой и дочкой на втором ряду. – Представляюсь: Тетюхин Леонид Борисович. Мы с семьей из

Питера. До приезда сюда работал в педагогическом университете на кафедре философии. Профессор, доктор наук.

– Рад знакомству, Леонид Борисович. Постараюсь кратко ответить на ваш вопрос. Семинар наш состоит из трех частей, каждая рассчитана на три – четыре полуторачасовых занятия. В первой части, ее буду вести я, мы поговорим о самопознании. На первый взгляд кажется, что здесь неясного? Сократ устами оракула взывал: «Познай себя!». Святые отцы нашей Церкви были еще более категоричны: *человек – утверждали они – это тот, кто познал себя*. Конечно, здесь имеется в виду не тело, а душа, дух наш – то сокровенное внутреннее психическое пространство и естество, которое определяет и наше каждодневное самочувствие, и все дела наши, и, не удивляйтесь, состояние мира, в общества, природы, космоса. Мы, православные люди, следуя заветам Откровения, исходим из первичности и главенства духа над материей. Человек, совершая зло, грешит не только против себя – в более широком, если хотите, вселенском масштабе он нарушает гармонию бытия и сущего, которое и есть Бог (*Аз есмь сый - Я есть сущее*). Чем масштабнее и чем ужаснее совершаемое человеком зло, тем, соответственно, сильнее и исходящее от него как из духовного источника невидимое разрушительное воздействие на все сферы и уровни бытия. Проще говоря, мы имеем тот мир, который создаем сами, буквально вылепляем каждой своей мыслью, словом, поступком. И эту данность невозможно ни каким-либо образом изменить (ибо она от Бога), ни стыдливо прикрыть фиговым листком личного благополучия или невежества. В этом смысле религиозное, православное самопознание это, прежде всего и в первую очередь, признание феноменальной личной ответственности не только за себя и свое ближайшее окружение, но и за все мироздание... и не важно, чем в настоящий момент оно для нас условно ограничено – самочувствием, кругом друзей или вселенной.

Впрочем, помимо этих, так сказать, теоретических аспектов, есть еще и широкий круг вопросов вполне практического свойства. Что такое душа? Какова ее природа, функции, свойства? Как поддерживать ее здоровье, защищать от вредных и чуждых ей воздействий? Как пользоваться скрытыми в ней ресурсами и возможностями, ибо пользуется современный человек, дай Бог, пятью процентами своего потенциала....

– Так уж и пятью! Вы, конечно, имеете в виду резервы мозга, не так ли?

– Нет, дорогой Леонид Борисович, позволю себе с вами не согласиться. Не мозга. Даже совсем не мозга! Мозг наш, согласно учению Церкви и Святых отцов, – лишь часть, и притом не самая важная часть человеческого организма. Когда наука говорит нам, что человек использует максимум три-четыре процента мощности своего мозга (и тем, конечно, льстит его самолюбию, оставляя надежду на будущее прозрение), она исходит из той ошибочной посылки, что мозг – главный и единственный орган, ответственный за познание. Я не буду сейчас далеко углубляться в эту тему. Скажу только, что те несколько процентов, которые мы (благодаря пяти органам чувств) способны воспринимать как деятельность мозга, – мышление, язык, творчество, общение и тому подобное, – ни в коем случае не исчерпывают той поистине громадной работы, которую в действительности ведет мозг, но ведет незаметно, как бы за границами нашего восприятия. Я имею в виду, например, управление сложнейшей вегетативной системой организма. Но и это не самое важное. Самое важное – что функция познания, как будет показано на семинаре, сконцентрирована не в мозге, не в рассудке человека, а в сердце его. Но это отдельный вопрос....

– Скажите, уважаемый, – с места поднялся восточного вида мужчина, – я, к примеру, мусульманин. Мы переехали сюда всем селом из Казахстана. Среди нас есть и евреи, и буддисты. Как нам быть, и можем ли мы здесь остаться с вами, если ваша община православная?

– Хороший вопрос. Только сначала ответьте и вы мне: когда вы прибыли в Казачий Дюк, кто-нибудь интересовался у вас, какого вы вероисповедания?

– Никто. Приняли, разместили, дети в школе учатся, мы работаем...

– Вот видите! Вы сами ответили на свой вопрос. Община существует не для одних только православных. Господь наш, Иисус Христос, учил любить ближнего и видеть в каждом человеке брата и сестру без различия пола, возраста, взглядов и убеждений. Видеть в ближнем самого себя. Несением тягот друг друга (опять-таки не сказано в Евангелии, чьих конкретно тягот) исполняется закон Христов,

то есть достигается наше личное, как православных, спасение. Это, так сказать, с одной стороны.

С другой, есть категория единоверия и единомыслия. Ее тоже надо чтить и уважать. Православная община в своей повседневной жизни придерживается ряда моральных правил и устоев, именуемых заповедями божьими и отраженных в ее Уставе. Эти нормы в том или ином виде присутствуют во всех основных религиях мира, их соблюдение не противоречит ни исламу, ни буддизму. Не укради, не лги, не прелюбодействуй, чтти отца и мать, не лжесвидетельствуй и другие – эти нравственные законы являются квинтэссенцией здравого смысла и здравого же образа жизни. Ведь законы Божьи не запрещают и не мешают человеку жить достойно и счастливо: *Бог благ, и Он есть любовь ко всему сущему.*

В этом широком смысле православная община есть сообщество разных, хотя по преимуществу и православных людей. Она ни в коем случае не требует от вас обращения в свою веру, участия в своих службах, своих таинствах и так далее. От вас требуется только соблюдение тех ее базовых уставных положений, которые не идут вразрез с общемировой религиозной практикой.

Иное дело – внутренняя церковная жизнь. Здесь у нас, как и у вас, есть безусловное право защиты и отправления своей веры. Господь и Бог наш Иисус Христос для нас есть Альфа и Омега, и Он пришел, чтобы по Своей божественной любви спасти от смерти и мучений не только нас, уверовавших в Него, но в перспективе и все человечество, когда оно добровольно вверит себя Его любви. Что касается семинара, то он строится, как я уже говорил, на Евангелии и трудах Святых отцов. Большая часть наших занятий носит гуманитарный характер, посвящена вопросам скорее антропологии, нежели богословия, хотя, конечно, методологически мы опираемся на восточно-христианскую традицию. Если вы или ваши дети хотят лучше разобраться в основах православия и его догматах (чтобы лишний раз убедиться в его миролюбии и человеколюбии), – милости просим. Если же ваши религиозные чувства не позволяют вам это сделать, никто вас насильно заставлять не станет. Напомню: в России за всю ее тысячелетнюю историю с момента Крещения не было зафиксировано ни одной войны на религиозной почве. И это при том, что православие являлось правящей, государствообразующей религией.

И наоборот, больше всего верующих – как православных, так и не православных – пострадало в периоды воинственного безбожия и либеральной бесовщины, прикрытой так называемой религиозной толерантностью...

Если других вопросов нет – Антон оглядел зал, но поднятых рук больше не заметил – перейдем к первому занятию на тему «Мысли и эмоции». У всех есть блокноты? Предлагаю записать следующее...

На обратном пути в контору Мальцев долго молчал, пристально, словно видел впервые, поглядывал на Антона, что-то напряженно обдумывал, и, наконец, выпалил:

– Знаешь, Антон Ильич – ей Богу, не ожидал от тебя такого. Ду-мал, генерал, вояка, и все такое....

– То есть сапог кирзовый? – Антон весело усмехнулся.

– Ну, почему сразу сапог?... – Мальцев замаялся. – Я ведь и сам такой же сапог. А, знаешь, Антон Ильич, я уж, грешным делом, для себя в душе решил, что учиться мне на этом свете больше нечему и некогда, а теперь вижу – ан, нет, и мне не вредно кое в чем подрабаться. Ты вот что, расскажи-ка ты мне как-нибудь на досуге, только, пожалуйста, не при всех, а так, с глазу на глаз и поподробнее, об этих самых «прилогах» и «непрощенных мыслях». Сил нет бороться с ними, окаянными. Другой раз такой хоровод в голове закрутят – сна, как и не бывало, хоть из дома в ночь беги! Так ты их, значит, советуешь... наблюдать? Как рыбок за стеклом? И молиться Иисусовой молитвой? Попробую сегодня же. А тогда уж, извини старика, если вопросы у меня появятся, к тебе побегу. Ишь ты – мой же рассудок мною командует! Не бывать этому! И на следующее занятие я, пожалуй, к тебе тоже приду, только тетрадку бы не забыть...

Так, за непринужденной беседой они добрались до сельского штаба Армии обороны.

– Все в сборе? – Мальцев, кряхтя, занял «командирское» кресло в уже знакомом нам кабинете, жестом пригласил Антона расположиться по правую от себя руку, и строго, поверх очков посмотрел на Лизу.

– Почти все, Федор Устинович. Нет Егора – он предупредил, что обходит посты «витязей» на полигоне, и еще Сергея Юрченко – командира третьего отряда: бабушка у него неожиданно расхворалась, а родители уехали с бригадой на пасеку. Звать остальных?

– А чего еще ждать? Зови.

Лиза вышла в коридор, и уже через минуту вернулась в сопровождении трех командиров «витязей». Мальцев представил друг другу участников совещания, и передал слово Антону.

– Буду краток, ребятки – сказал генерал. – Дело нам предстоит непростое. Операция, которую мне поручено провести здесь, в Казачьем Дюке, носит кодовое название «Захват»...

* * *

За неделю до операции, «Подсолнухи» 20 октября 2022 года

Это был прекрасный день золотой осени – когда остатки убывающего летнего тепла встречаются с первыми осенними заморозками.

Антон открыл глаза и с удовольствием потянулся. В этот момент на тумбочке у изголовья раздался еле слышный щелчок, и через секунду запищал электронный будильник. Ровно семь утра. Светает. «Странно, – сквозь уходящий сон подумалось ему, – чем старше становишься, тем точнее работают внутренние часы: просыпаешься за секунду до будильника. Чудно!»

Его «генеральская заимка» на окраине «Подсолнухов» представляла собой просторную избу без перегородок – лишь с небольшой прихожей и незамысловатой, отгороженной занавеской кухонькой в углу. Посреди большой комнаты красовалась массивная русская печь. Топили ее редко: как и все прочие дома в центральной усадьбе, изба Антона обогревалась централизованно. Но и элементом декора ее тоже назвать было нельзя. Скорее – резервным источником тепла. Рядом с заимкой, под дощатым навесом хранился годовой запас сухих дров, и в промозглые дни, когда больная спина досаждала Антону особенно сильно, он любил, натаскав березовых поленьев, разжечь великаншу-печь и любоваться игрой пламени в ее топке, а потом, растянувшись на теплых полотах, до дурмана, до испарины пропитывать тело благодатным жаром, ощущая, как теплые кирпичи растворяют и изгоняют мучительную ломоту.

Сейчас в комнате царил предрассветный полумрак. Легкие блики от занавесок играли на потолке. Белым размытым пятном угадывалась в полутьме «великанша». Было тихо, и только мерное тиканье часов, редкие пересвисты птиц за приоткрытым окном, да ровный шум ве-

ковых сосен разбавляли или, лучше сказать, заполняли эту тишину. Птичий гвалт его успокаивал – со времен первой Чеченской войны Антон не выносил гулких, звенящих тишиною предрассветных часов, таивших в себе самое страшное, что может случиться на передовой, – угрозу внезапной атаки. После одной из таких атак под Хасавюртом он потерял половину взвода, и получил второе по счету пулевое ранение в грудь. От огромного волосатого абрека, на счастье посчитавшего его убитым.

Сбрасывая остатки дремы, он привычно прислушался к себе. И тут же уловил в душе неясную тревогу. Машинально бросил взгляд на висевший напротив его «лежбища» солидных размеров монитор, со всех сторон, как елка, обвешанный индикаторами контроля. Эта система была его детищем и тайной гордостью. Командный сервер, надежно укрытый в подземном бункере главного штаба Армии обороны, в режиме реального времени собирал и первично обрабатывал данные о состоянии режима безопасности во вверенном ему укрепленном районе размером едва ли не с добрую Францию. Информация о наиболее важных происшествиях напрямую поступала к военному и административному руководству общины. Бывало (и не так уж редко), что Антона посреди ночи будил пронзительный зуммер экстренной тревоги – прорван периметр, попытка нападения на блокпост... чего только не было? Ну, а дальше – по обстоятельствам: «побудка» в итоге могла обернуться и ложной тревогой, и... многодневной войсковой операцией – так случалось, когда в их края проникали крупные вооруженные банды.

Сегодня все на экране выглядело более или менее буднично: мигали два датчика, однако, судя по характеру сигналов, ничего страшного они не предвещали. Прямо с дисплея Антон считал краткие донесения о ночных происшествиях.

Та-а-а... Пожар на машинно-тракторной станции в усадьбе Рюховское, жертв и разрушений нет, потушен собственными силами. Есть.

Второе – посерьезней. Выявлены следы нарушения периметра безопасности на северо-западном участке укрепленного района, километрах в трех от села Аксаково. Предположительно – группа до двадцати человек. Жители предупреждены, гарнизон и добровольцы подняты по тревоге, идет активное прочесывание местности, на место готова вылететь штурмовая группа капитана Макеева.

Антон удовлетворенно хмыкнул, и вывел на экране значок «к» – контроль. С этого момента все должностные лица, так или иначе причастные к этому событию, обязаны докладывать о любых существенных изменениях ситуации в главный штаб Армии обороны с пометкой «лично генералу Савину». По опыту он знал: нарушители, кем бы они ни оказались, будут блокированы в течение ближайших двух-трех часов – в сущности, только этот вопрос и имел сейчас для него значение. Такого рода рядовые прорывы, даже вооруженные, чаще всего пресекались силами местного ополчения. Но подстраховка никогда не помешает: за «мелочами» могли таиться неприятности и по крупней. Вспомнилась ему, в частности, прошлогодняя история с таким же, как сегодня, вроде бы незначительным нарушением периметра в районе села Спас. В тот день крупная банда, маскируя свое вторжение под осеннюю миграцию лосей и кабанов, вероломно напала на одно из центральных поселений укрепрайона. Это был первый за многие годы случай, когда противник отважился прямо и нагло посягнуть на объект, охраняемый Армией обороны. Ту атаку успешно отбили, но «знак Божий» был воспринят со всей серьезностью. Атеист счел бы подобное происшествие чистой случайностью. Православное же сознание, напротив, признавая за человеком свободу воли, тем не менее, во всем усматривает еще и действие Промысла Божия. В общине были уверены: Господь не попустил бы подобного искушения, если бы система безопасности находилась в полном порядке. Это было явным предупреждением свыше! Следующего, более жесткого сигнала никто ждать не собирался: по настоянию Антона и при всемерной поддержке Совета общины режим безопасности укрепрайона был кардинально усилен. Силами группы программистов и инженеров на свет явилась электронная охранная система «Сова». В дополнение к ней – стационарные посты вокруг усадеб, мобильные патрули и дозоры, а также обязательное ежедневное дежурство добровольцев.

Покончив с оперативными сводками, Антон неторопливо «перелистал» на дисплее изображения центральных площадей основных усадеб: Забелье, Лукино, Спас, Становищи, Рюховское... всего шестнадцать. Всюду спокойно. Поселки нехотя пробуждались, перемигивались огоньками окон, легкий ветер гонял сухие листья по мостовым, в динамиках слышался ленивый дежурный лай сторожевых собак. Улицы и площади были еще пусты. Утренние сумерки никак не желали

отступать. Стылый ветер раскачивал верхушки деревьев, предвещая скорые холода.

Осмотр «хозяйства» возвратил память Антона в те, не столь уж давние времена, когда все только начиналось. «Подсолнухи» были еще небольшой полуразрушенной, отсталой деревней – одной из тысяч в тогдашней России. Сколько сил и творческой энергии, сколько споров и бессонных ночей потребовалось тогда им, небольшой группке энтузиастов, чтобы «по уму», сочетая принципы разумной достаточности и хозяйственной эффективности, без ущерба для окружающей среды спланировать и спроектировать будущие поселения. Все вопросы – сотни и сотни – решались с ходу, по сути, «с чистого листа». Нужного профессионального опыта и соответствующих навыков ни у кого из общинников «первой волны», почитай, не было. И взять-то было не откуда: чем жили дореволюционные русские деревни никто из них, молодых энтузиастов, естественно, знать не мог, а пример советских колхозов и, тем паче, редких фермерских хозяйств периода «либерального реванша» не представлял сколько-нибудь серьезной практической ценности. От тех времен остались одни лишь апокрифы: в них деревня представлялась то беспросветным царством тьмы, то идиллической пасторалью... Антон и его товарищи не склонны были доверять ни тому, ни другому.

Как они выбрались тогда из возникшего «исторического» вакуума – случайно ли попали в яблочко, или Господь многомилостиво вразумил? – так и осталось загадкой. Только те, первые проекты застройки оказались на редкость удачными. И не только в плане разумного размещения объектов жизнеобеспечения – даже в выборе типов жилых домов и технологии строительства. За основу взяли идею двухуровневого псковского семейного дома девятнадцатого века с кирпичным первым этажом и рубленой крышей-мансардой. Нижняя часть дома собиралась из производимого на месте пенобетона; верхняя представляла собой, на первый взгляд, обычный русский сруб. Но только на первый. Изюминкой было то, что после первичной рубки и сборки готовые отцилиндрованные бревна проходили тщательную и качественную сушку, что позволяло сразу, не дожидаясь длительной усадки, пускать дом в эксплуатацию.

«Отче наш, иже еси на небесех!... – опустившись на колени и стараясь удерживать внимание в верхней части сердца, Антон дважды

прочитал главную православную молитву. Он чувствовал, что с каждым богоданным словом мозг его словно бы очищается, а тело сбрасывает вес и наливается свежей тугой силой. Иногда – он знал за собой эту слабость – ему отчаянно не хотелось по утрам молиться, и тогда он машинально и малодушно искал подходящих оправданий. Но с годами пришло понимание: молитва не прихоть, а жесткая необходимость. Зарядка для души, для «внутреннего человека». Без нее и день пойдет кувыркком, и сердце будет не на месте, и ошибок не избежать. В утреннем моционе нуждаются оба тела – и плотское и духовное. Только при этом условии в грядущие дневные «скорби и гнев» вступит действительно цельная личность, воин Христов, причастный силе и премудрости Божьей, а не жалкий биологический организм с мозгом-компьютером в голове.

После обязательного утреннего правила – троекратного Отче наш, Богородицы и Символа веры – он кратко и покаянно, теперь уже своими словами назвал все свои вчерашние, вплоть до мельчайших, срывы и проступки, прося у Господа прощения и укрепления души и тела. Затем помянул усопших родителей, и с каким-то особым облегчением и даже удовольствием вручил Всевышнему бразды правления своею сегодняшней жизнью: «... и пусть будет на все воля Твоя, но не моя. Господи, Ты знаешь мои пути лучше меня, Ты лучше меня ведаешь, что мне полезно, а что нет! Очисти меня, грешного, *яко николиже сотворих благое пред Тобою*, и благоволи послать мне сегодня то, что сочтешь для меня полезным». Не забыл он и испросить заступничества Божия за родную общину и всех православных христиан.

«Наверное, это все-таки был шум сосен» – окончательно решил он, припоминая недавний всплеск душевного волнения.

То была его личная тайна. О ней знала только мама, но она умерла более десяти лет назад – слава Богу, еще до начала ада Исхода. Собственно говоря, даже не тайна – скорее, глубокое и острое личное переживание, картинка из детства, сопровождавшая его – бывает же такое! – всю сознательную жизнь. Давным-давно, сколько ему тогда было – полтора – два года от роду? – маленький Антошка лежал на открытой веранде летнего детского сада в подмосковном Кратове. Он не спал, как положено, а напряженного вслушивался в скрип и шелест сосен, изо всех сил стараясь не прозевать звука приближающейся электрички, которая везла к нему из далекой Москвы родите-

лей с долгожданными пряниками и конфетами. Сердце заходило от восторга, каждая клеточка маленького его тела тонко вибрировала от напряженно-сладостно-тревожного ожидания. Это острое чувство сопровождало потом каждое его пионерское лето, каждые две недели, каждый родительский день. Перестук колес всегда возникал внезапно, ниоткуда, словно падая с небес. Вот он гулким эхом отдается где-то вдали. Вот нарастает, смешиваясь с грустным и ворчливым перешептыванием и поскрипыванием сосен. Вот взмывает ввысь, и вот... заполняет собой весь мир, сотрясая все его детское существо и намертво впиваясь в подсознание, чтобы потом будоражить и терзать память до самой старости. Шум сосен.... Опять этот шум сосен! Каждый раз, когда Антону где-либо доводилось слышать этот звук, да еще в сочетании с гулом движущейся электрички, в душе начинали мощно вибрировать все те же, что и полвека назад, струны тоски и волнения. Генерал и любил это чувство, и неосознанно тяготился им: как всякий сильный и властный человек он избегал стихийных, пусть даже и скрытых от посторонних глаз, проявлений собственной слабости и уязвимости. Возможно, потому, что эти эмоции не поддавались его личному контролю, а исходили от сил, явно превосходящих его волю и разум.

Воспоминания детства окончательно развеяли остатки утренней тревоги. Совершив обычный моцион с обязательной зарядкой и обливанием ледяной колодезной водой (только это и позволяло ему держать в форме поломанное и израненное тело), Антон наскоро перекусил, оделся и посмотрел на часы. Без двух минут восемь. В самый раз! Раздавшийся у крыльца лихой визг тормозов и короткий нетерпеливый гудок вызвали у командира одобрительную улыбку. «Молодец, Сенька!» Генерал одернул гимнастерку, проверил ремни портупей, критически оглядел себя в зеркало, перекинул через плечо куртку-камуфляж, и вышел на крыльцо.

Новенький, с иголки американский армейский джип, урча и отплевываясь сладким дизельным дымом, «гарцевал» на лужайке перед домом. Он обладал несколькими замечательными качествами, но главными из них были: безотказный, «с полтычка» и при любой погоде заводившийся движок, две пониженные передачи, превращавшие его, если надо, в вездеход, и солид-

В штабе АО

ная броневая защита передка, крыльев и дверей. Таких «аппаратов» в дивизии насчитывалось всего три. Почти год назад их по случаю удалось выменять у предприимчивого (проще сказать, жуликоватого) натовского интенданта в Варшаве, где группа старших офицеров Армии обороны ПВУР вела непростые переговоры с западными коллегами по режиму и обустройству границы. Пока генералы хмурились и пыхтели над картой, Крис с безразличным видом обходил казармы и склады «партнеров», кое-где щелкая фотоаппаратом «на память»; здесь-то он и столкнулся нос к носу с быстроглазым и понятливым интендантом-поляком. «Они сошлись, вода и камень...». Сделка склеилась в мгновение ока: сообразив, что «русский американец» по складу все-таки ближе к американцу, чем к русскому, и торговаться не склонен, бравый интендант, ничтоже сумняшеся, «уступил» ему три новеньких джипа (которые почему-то хранились не на казенном складе, а в частном гараже по соседству) за полпуда остродефицитного псковского копченого сала, картошку в количестве тридцати мешков, и ящик ядреного первача, который в иные, более мирные времена вполне мог бы носить фирменную марку «Подсолнухи».

Бартер прошел без сучка и задоринки. Продовольствие бесследно исчезло под прилавками шумных и грязных варшавских рынков, а машины были получены прямо на границе – в целости и сохранности, да еще и с комплектами документов, среди коих дотошный Сенька обнаружил даже пятилетнюю гарантию «Дженерал Моторз». Правда, грубоватый Крис тут же остудил радость товарища: американский автогигант, по его, Криса, сведениям, прекратил свое существование еще во время второй Великой депрессии 2015 года и вызванной ею же второй гражданской войны: «За такую гарантию я бы и цента не дал, ребята, be sure, а вот vehicles (машины) – первый сорт! Экзотические иномарки на ура были приняты дивизионными механиками. Впрочем, погоды они не делали: основу автопарка Армии обороны составляли привычные ГАЗы, УАЗы, Уралы и другие образцы советского военного автопрома, которые даже придира Крис высоко ценил за проходимость и неприхотливость.

... Куда подавать, Антон Ильич? – обычно неунывающий Сенька сегодня был отчего-то грустен, и генерал привычно ощутил теплое, почти отцовское чувство привязанности к этому пареньку с судьбой, чем-то напоминавшей его собственную.

– Давай-ка для начала в штаб, сержант. А там посмотрим, что день грядущий нам готовит.

Штаб первой ударной дивизии Армии обороны Псковско-Великолукского укрепрайона располагался на центральной улице «Подсолнухов» в одноэтажном кирпичном здании бывшего сельпо. Подъезды к нему блокировались бетонными надолбами, задний двор – мощным трехметровым забором, увенчанным «колючкой» и сторожевой вышкой. По уровню защиты и огневой мощи штаб АО напоминал небольшую крепость, и вполне мог выдержать месячную осаду и даже прямой удар артиллерии. Подобные укрепленные бункеры в обязательном порядке возводились в каждой центральной усадьбе – с них, собственно говоря, и начиналось строительство любого крупного поселения. Штабы оснащались подземными укрытиями, рассчитанными на сто-двести человек, автономными запасами оружия, продовольствия и воды, средствами связи и оповещения, и почти всегда – подземными ходами, позволявшими защитникам при необходимости скрытно уйти в лес. Как и монастыри в мятежной Москве, эти мини-крепости служили последними оплотами и убежищами на случай вторжения превосходящих сил противника. Конечно, вся хитрая, многоуровневая система безопасности укрепрайона (разведка, контрразведка, раннее оповещение, патрулирование и проч.) была устроена так, чтобы практически исключить возможность подобного вторжения, включая и внезапное. Но, как говорится, готовься к худшему – лучшее само придет. Вот и отрабатывались сценарии «худшего»: возводились мощные редуты и доты с пятикратным запасом прочности, проводились учения гражданской самообороны, издавались строгие приказы командования АО: «...В случае захвата противником центральной усадьбы, – говорилось в одном из них, – всем уцелевшим надлежит собраться в штабе, и держать оборону до прихода помощи извне».

Жестко? Это как посмотреть. Такие приказы шли не просто от ума – их диктовала сама жизнь, сам дух смутного времени.

С первых дней Исход представлял собой крайне уродливое, не имевшее исторических аналогов социальное явление – потому и способы выживания, продиктованные этой тягучей и похожей на торфяной пожар – то утихавшей, то без видимых причин разгоравшейся – смутой, были далеки от классических. Опыт православных общин (и

не только «Подсолнухов») показал, что стихии хаоса, выраженной в отсутствии четкой линии фронта и явного врага, легче и проще было противостоять методами мобильной партизанской войны. Первые общинные воинские подразделения, по сути, и представляли собой партизанские отряды, готовые в любой момент скрытно и быстро перебазироваться, с ходу вступить в бой или устроить хитроумную засаду. Пригодился, конечно, и опыт таких, как Антон и Крис, ветеранов «горячих точек»: они обогатили дедовский опыт лесной войны современными «штучками» вроде прыгающих мин, электронных «сторожей» и приборов ночного видения. Слава Богу, в современном вооружении и боевой технике у православных общин, недостатка не было: под их прямой контроль, как уже отмечалось, отошли брошенные властями склады Северо-западного военного округа, и проблема состояла не столько в том, как воспользоваться этими арсеналами, сколько в необходимости их защиты от мародеров и бандитов.

Постепенно, по мере численного и хозяйственного роста православных общин разобщенные отряды партизан начали сливаться в более крупные объединения. Позже на этой основе возникли и регулярные части, взявшие на себя функции народной оборонительной армии: отсюда и название – «Армия обороны», и ее символ – меч, вонзенный в землю, на фоне восходящего солнца. Впрочем, фактически изменилась лишь внешняя форма общинного войска. Суть же его – дух героизма, инициативы, и высочайшей ответственности каждого командира и бойца за порученное дело – остался прежним. То была, в подлинном смысле слова, армия нового типа. Ее прообразы периодически возникали в истории, особенно в годину потрясений – стоит хотя бы вспомнить ополчение Минина и Пожарского, ... но срок их жизни, как правило, был невелик. Между тем, Армия обороны существовала с добрый десяток лет – да еще каких лет! – и она явно не собиралась сходиться со сцены. Напротив, именно в ее рядах возродились, казалось бы, навсегда утраченные традиции непобедимых суворовских чудо-богатырей, на знаменах которых было начертано «Бог с нами – победа будет за нами!». Именно эта армия, возможно первая в мировой истории, отбросила как ненужный балласт все и всяческие сословные, национальные и иные различия, все идеологические «измы», вообще все, что прежде исподволь, но неотвратимо разъедало самую основу сословного войска, подрывая его победный дух, а в дальнейшем и

сами его победы. Армия ведь это не просто часть общества – это слепок с его коллективной души, концентрированное выражение его действительного духовного состояния. Поэтому страсти, во все времена мешавшие людям достигать образа и подобия Божия, обретать истину в Боге-Любви, и жить по Его заповедям, с такой силой и остротой проявляли себя именно в той, старой, сословной армии.

Армия обороны с первых дней существования приобрела качественно иные черты. На смену палочной дисциплине пришла неизмеримо более надежная и эффективная дисциплина духовная, сознательная. Это имело и важное практическое значение: вместо громоздкого «аппарата насилия», каковым неотвратимо становилась любая военная машина, нацеленная на подавление и агрессию, община получила в свое распоряжение мощный и эффективный инструмент отражения внешней угрозы. Вера во Христа не ослабляет и не сковывает тела и духа воина. Напротив, человек только тогда и становится свободным, сильным, действительно непобедимым, когда побеждает внутри себя главного своего врага – страсти свои, свой пассивный, зависимый, безвольный, влекущий в геенну образ жизни. Не зря же великий русский полководец А.В. Суворов любил повторять: «Неверующего солдата учить – что пережженное железо точить!»

У армии нового типа был и еще один секрет – впрочем, не секрет даже, скорее, скрытое достоинство и преимущество, недоступное ни одному сословному воинству: эта армия была подлинно народной. Армия православного народа! Все в общине – и стар и млад – считали себя солдатами по духу, и при необходимости каждый готов был занять свое место в строю. Служба была не формальной обязанностью, а почетным долгом – к ней готовились, о ней мечтали, ею гордились. Только в безумную годину Исхода и только в православной общине в полной мере удалось восстановить незаслуженно поправанное и оболганное при либеральном режиме звание русского солдата и русского офицера.

...Отказырав охраннику на входе, Антон быстро проследовал к залу совещаний – там его уже дожидались старшие офицеры дивизии. Краткие доклады начштаба и руководителя объединенной службы разведки, а также селекторные

Новые подробности

отчеты уполномоченных по усадьбам, не заняли много времени: обстановка всюду была нормальной. Исключение составлял только Казачий Дюк с его загадочными «визитерами».

– Товарищ генерал, разрешите обратиться? – Молоденький шифровальщик из секретного отдела майора Громова вытянулся в струнку в дверях зала заседаний.

– Валяй, обращайся.

– Получена «отбойка» из центра и краткое сообщение из Аксаково (Антон вспомнил утреннее происшествие). С чего начать?

– Давай с Аксаково, только самую суть. Кратко.

– Из местного штаба АО радируют: ночная тревога – ложная: в периметр просочилась группа беженцев. Ее уже приняли и обустроили. Детали сообщат дополнительно.

– Хорошо, дальше....

– Шифровка из центра. Получена сегодня в восемь тридцать утра. («Центром» для всех девяти укрепрайонов России являлась Московская Троице-Сергиева Лавра, где с началом Исхода сосредоточилось духовное, политическое и военное руководство православного народа).

– В восемь тридцать... – машинально повторил генерал, принимая из рук шифровальщика объемистый пакет – Ладно, ступай, и попроси майора Громова подобрать мне всю переписку по Казачьему Дюку.... Всю, не забудь! Включая и то, что нам по этому вопросу радировали «соседи» и «федералы». Справки от аналитиков Центра пусть тоже не забудет приложить – короче, все до последней буквы. Жду его у себя с докладом через полчаса. Совещание окончено, все свободны – это уже присутствующим офицерам.

В кабинете Антон вскрыл секретный пакет и на глазок прикинул объем основного текста, подписанного заместителем Лавры владыкой Климентом: ничего себе телеграммка – целых три страницы! Что там еще? Та-ак, письмо владыки Феогноста, справки....

Сначала шифровка. Повернувшись к окну, Антон углубился в чтение. А почитать было чего! На основании разведданных, полученных из разных источников, Центр сообщал:

1. Группа наемников, проникшая в окрестности Казачьего Дюка, относится к крупному межрегиональному бандформированию, возглавляемому бывшим полковником ФСБ России А. Шпилевым (сфера деятельности – Центральная Россия и Сибирь).

2. Установленная цель группы – полигон 3245/ц, расположенный в двух километрах от Казачьего Дюка. В советские времена он использовался как сверхсекретная лаборатория и испытательная площадка для разработки боевых ядерных материалов и технологий, прежде всего, плутония-239. После распада СССР полигон был законсервирован. Работы на нем прекратились. Тем не менее, вплоть до 2015 года он сохранял статус строго охраняемого объекта. После начала на территории России и других стран гражданской смуты почти вся документация, касающаяся объекта 3245/ц и проводимых на нем работ, исчезла: уничтожена или похищена неустановленными лицами. Последнее обстоятельство не позволяет достоверно судить о том, все ли ядерные материалы удалось вывезти к 2015 году, а также могла ли какая-то их часть (и какая именно) остаться на объекте.

3. Наиболее вероятной Центр считает ту версию, что наемники Шпилевого проникли на полигон в целях поиска остатков «продукции» секретной лаборатории, а также сохранившейся научной документации.

4. В этой связи генералу А. И. Савину предписывается принять срочные и решительные меры к задержанию «визитеров», установлению (желательно, по горячим следам) их личностей, истинных целей и результатов поисков на полигоне.

В телеграмме также отмечалось, что в состав группы предположительно могли входить «иностранцы граждане» – таковых надлежало «любой ценой» брать живьем. Центр обоснованно допускал, что Шпилевой мог действовать не столько по своей инициативе, сколько по поручению некоего иностранного «заказчика», который вполне мог внедрить в группу наемников своего явного или тайного осведомителя. Получение любой информации о «заказчике» и его представителях также определялось приоритетной задачей.

В конце телеграммы выражалась благодарность генералу Савину, уполномоченному Мальцеву, а также юным «витязям» из Казачьего Дюка за оперативное опознание «Сократа», ускорившее расследование событий вокруг полигона.

Помимо шифровки, в доставленном от Громова пакете Антон обнаружил короткую записку от владыки Феогноста и информационную справку о плутонии-238.

Епископ, в частности, писал: «...В монастыре, Антон Ильич, дела идут еще, куда ни шло, а вот в городе.... Что-то уж очень беспокойно

у меня на душе в последнее время. Это чувство трудно передать словами. Словно над Москвой сгущаются грозовые тучи. Словно чья-то лихая и злонамеренная рука день за днем подрубают ту хрупкую стабильность, на которой держится наше скудное и временное здешнее житие.

Невзгоды и страх перед будущим толкают оставшихся в городе жителей на все более и более дерзкие поступки – на бунт, на преступление.... Увы, это снова и снова со всей остротой ставит перед нами задачу подготовки эвакуации гражданского населения московских обитателей. Решение еще не принято, но ты и в твоём лице Совет общины, должны знать: это решение не за горами, оно может состояться в любой момент. Если обстановка окончательно выйдет из-под контроля, хаос зажмет нас в огненное кольцо. Гарнизоны из числа монахов-воинов и дружинников, разумеется, останутся на месте и смогут еще долго держать оборону. Быть может, годы. Они будут стоять до последнего, оберегая монастыри: без них, без этих опорных пунктов мы окончательно утратим стратегически важное присутствие в столице, а это, как ты понимаешь, в нынешних условиях смерти подобно! Но женщины, дети, старики – вправе ли мы подвергать их жизни смертельной опасности? Можем ли упустить шанс на их спасение?!

Почему я в очередной раз заостряю твоё внимание на этом вопросе? Во-первых, чтобы раньше срока не поднимать шума: чем уже круг осведомленных, тем организованнее и спокойнее пройдет подготовка к эвакуации. Да и недругам нашим ни к чему знать о наших планах. Во-вторых, чтобы ты понимал скрытую от глаз подоплеку происходящих событий: я имею в виду (не удивляйся!) события вокруг вашего Казачьего Дюка. Чутье пожившего и выдавшего виды человека подсказывает мне: засада в лесу и появление тех же самых людей на бывшем ядерном полигоне это не просто звенья одной цепи. Это нечто большее, нечто, по своему глубинному смыслу и значению выходящее далеко за рамки одного укрепрайона, не говоря уже об одной отдельно взятой деревушке. Дело, Антон, не в бывшем чекисте Шпилевом – это зверь опасный, но нам он вполне по силам. Куда более серьезная потенциальная угроза исходит, как мне кажется, от тех кругов (доморощенных или иностранных – со временем разберемся), которые из-за кулис манипулируют полковником, используя в своих интересах его алчность и амбиции. Чего хотят эти силы? Как далеко простира-

ются их замыслы? Не нацелены ли они, в том числе, и против наших общин, которые за последние годы заметно окрепли, и кое у кого, надо полагать, вызывают приступы зависти и злобы? Не знаю, друг мой, не знаю, что и подумать. Святые отцы учат нас отстраненному, созерцательному восприятию любого земного события или явления. Они говорят: *не хули и не принимай*. Ибо, по скудости своей, мы не в состоянии сразу понять, от кого исходит данное событие – от Бога ли или, по Его попущению, от темных бесплотных сил. Но, хочешь, верь – хочешь, нет, чует мое стариковское сердце – намучаемся мы еще со всей этой историей. А тут, как назло, еще и массовая эвакуация подоспела!

Полагаюсь на тебя, Антон. Полагаюсь на душу твою, мудрую не по годам, опыт и командирский талант. Слушайся Бога – Он направит и подправит тебя в нужный момент. Помнишь у Отцов: *«Не враг силен – мы слабы!»* А слабы мы, когда в беспамятстве и гордыне, по собственной своей дурной (иначе и не назовешь!) воле, уподобляясь детишкам несмышленным, вырываемся из крепкой и любящей длани Господней, и тем самым добровольно подставляем себя под разящие удары «огненных стрел» врага. *«Бог спасает нас не без нас!»* – величайшая мудрость Отцов.

Прости старика: все сказанное здесь для тебя, конечно, не ново. Но поверь, напоминание не лишне. По себе знаю, как невероятно трудно бывает человеку держать себя в постоянном духовном тонусе: не рассеиваться, не расслабляться, не поддаваться действию искушений и соблазнов, фантазий и помыслов, внушаемых врагом, поддерживать чистоту души и, как следствие, – активную связь (религию) с Богом. *Блюдите, как опасно ходите!* – взывает к нашей немощи апостол Павел. *Без Бога ничего мы не можем*. В моменты внутренней разболтанности и беспечности, когда кажется (именно кажется – это слово я подчеркнул бы дважды!), что все в порядке, все у нас получается и все под контролем, – именно в такие моменты духовная связь с Творцом может незаметно ослабнуть и даже прерваться; и мы, уже не чая себя, остаемся один на один с сатаной лютым. А он, как известно, пощады не знает.

Тебе, Антон, как военному христианину, предстоит нести особый крест. Твое профессиональное служение Господу осложняется тем, что страсти – эти болезни ветхого человека – облепляют и истязают воина как назойливые мухи – днем и ночью. Он всегда на передо-

вой двух сражений – духовного и телесного. Он идет по краю обрыва – в непосредственной близости от тягчайших искушений, и этим, конечно же, пользуются лукавые враги. Хотя они и отпали от Бога, но ангельский свой ум и другие способности, в известной мере, сохранили. За многие тысячелетия своей потусторонней темной жизни в непрестанной борьбе с людьми бесы досконально изучили физические и психические слабости человека, разработали целый арсенал способов воздействия на его тело и нервы, мозг, чувства и волю. Так как явные и наиболее пагубные страсти мы, худо-бедно, способны еще различить (также и вред от них), то эти невидимые темные создания стараются намеренно все смешать и спутать в наших головах. Порочным переживаниям придаются тонкие и многогранно-изысканные формы, при необходимости усиливается действие одних страстей и искусственно ослабляется действие других. Дабы окончательно сбить душу с толку, бесы то ввергают ее в уныние, то, наоборот, придают ее страстным возбуждениям возвышенные образы и значения, красивую наружность и проч. Несть числа их уловкам, лукавству, лжи и всевозможным способам обольщения, цель которых всегда одна и та же – погубить ненавистного человека.

Нам же надо знать одно: сами мы, без помощи Божьей не способны одолеть лукавство бесов. Но мы можем, мы обязаны неустанно прилагать волевые усилия к борьбе с ними *«во вся дни живота своего»* – а не только во время падений... и призывать, призывать имя Господне на помощь. Только Он, по покойной молитве нашей (а не мы сами по себе, и никакой другой человек), может обеспечить победу в этой непримиримой борьбе.

Обращаюсь к тебе, друг мой: не оставляй ни на минуту сердечной Иисусовой молитвы – она и взбодрит, и направит, и защитит тебя на всякий час. Да пребудет с тобой благодать Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков!»

«Да, брат, – вздохнул Антон, дочитав последние строки письма владыки Феогноста, – дожил ты до светлых денечков! Владыка, даже находясь в Москве, за пятьсот верст от «Подсолнухов», понимает состояние твоей души лучше, чем ты сам. И он тысячу раз прав: я и впрямь успокоился, разомлел, расслабился. Поверил предательскому затишью. Молиться стал меньше и хуже – с прохладцей, с мыслями отвлеченными...».

Антон знал за собой эту молитвенную недостаточность и недобросовестность. Знал ее за ним и наместник – вот и предупреждал, напоминал деликатно, стараясь упредить возможную беду. Незримая духовная связь, соединявшая их сердца все эти годы, вновь помогла – принесла обоим добрые плоды. Генерал почувствовал прилив спокойствия, сил и уверенности. Владевшая им, хотя и прикрытая показной активностью, апатия последних дней оставила, наконец, его – то ли под действием вразумляющих слов владыки, то ли под незримыми лучами его молитвенной помощи. Ватная пелена спала с души. «Господи, Иисусе Христе, Сыне божий, помилуй мя грешного!» – начал он произносить святыя слова. Не устами, не умом одним, нет, всем сердцем своим, и сердце ответно затрепетало, наполняясь живительным теплом, ясностью и уверенностью, даруемыми благодатью Святого Духа. Эти мгновения были бесценны. Они стоили всех его успехов, знаний и наград, стоили самой жизни его.... Но даже и осознанная готовность к самопожертвованию не имела теперь решающего значения, ибо собственная жизнь Антона давно не принадлежала ему одному. Когда-то он был солдатом «красной империи» – возможно, одним из последних. Теперь и до конца своих дней, он – воин Христов, и только один Полководец отныне ведет его в бой, только Он знает его истинные пути, определяет решения и отсчитывает оставшиеся сроки.

... «Та-а-к, теперь к плутонию» – генерал открыл последнюю справку и вновь погрузился в чтение.

Кое-что о ядерном оружии и ядерных материалах он, конечно, знал: изучал сначала на военной кафедре в МГИМО, затем, более предметно, на курсах ускоренной спецподготовки в Псковской воздушно-десантной дивизии, куда угодил в начале 80-х годов, в самый разгар афганской войны. Тогда на войну он не попал – Бог миловал. Зато пришлось изрядно попотеть на марш бросках, стрельбищах, тренажерах и борцовских коврах, форсированно, с сотней таких же, как он, переводчиков с арабского и фарси, проходить курс парашютно-десантной подготовки, и совершать прыжки АН-2 и ИЛ-76. Научился стрелять, взрывать и убивать ударом ладони. На всю оставшуюся жизнь запомнил мудрое высказывание вечно пьяного врача медсанчасти: «Лишний удар о землю, ребятки, еще никому здоровья не прибавлял!». В справедливости этого утверждения Антон убедился на собственном горьком опыте: два последних ночных прыжка с ИЛ-76 в ветреную

погоду обернулись для него серьезной травмой позвоночника. Что-то там внутри хребта сместилось и сплющилось. Потом боль вроде бы утихла, отступила на время. Бурные политические баталии в Москве девяностых годов, Чечня и последовавшее за нею тяжелое многолетнее похмелье как-то не располагали к серьезному лечению. А болезнь тем временем все прогрессировала, все наступала, все давила и терзала его кости, напоминая о себе мучительными бессонными ночами и болевыми, до слез, спазмами, особенно в промозглое московское межсезонье. Когда он окончательно скатился на дно и подсел на наркотики, дело дошло практически до полной инвалидности; лишь бегство в «Подсолнухи», посты и молитвы, бани и травы отца Досифея вкупе с ежедневными, сначала щадящими, а потом до пота, зарядками вернули ему ощущение тела. Боль так до конца и не прошла. Она застилалась в суставах и мышцах. Но и он сжился с ней, изучил ее повадки, безошибочно угадывал ее приходы, знал, как и чем ее встретить. В известной мере он даже был благодарен этой своей боли – она, как заноза в душе, не позволяла ему ни на секунду утратить контроля. Она дисциплинировала и сдерживала его неугомонный нрав, и, быть может, служила той незримой, но крепкой уздой, которую Божий промысел однажды набросил на его заносчивую и разболтанную душу, чтобы... исцелить и уберечь от худшего.

Антон встал, в задумчивости прошелся по кабинету, машинально подтянул увесистые гири на старинных напольных часах, сделал парую тройку растягивающих упражнений, и снова вернулся к чтению.

Итак, плутоний-238. «Редкая гадость» – так, кажется, характеризовал этот изотоп бомбового 239-го плутония полковник Алифанов – заместитель начальника кафедры военной подготовки МГИМО, ответственный за курс под общим названием «Оружие массового поражения» и именовавший своих подопечных студентов, включая и Антона, не иначе как «балбесами». Правда, именовал, любя. «Балбесы» полковнику отвечали взаимностью – за доброту и врожденную интеллигентность, которые он каким-то непостижимым образом сумел сбереечь даже в суровой армейской среде советского образца. На занятиях полковник Алифанов не скрывал своего отвращения к излагаемому предмету. Перечисляя поражающие факторы ядерного взрыва – обычно они изображались на реальной карте Западной Европы в виде эпицентра и разноцветных концентрических кругов – он хмурился, хмы-

кал, кривил рот или вдруг ни с того ни с сего начинал глупо иронично улыбаться – в общем, вел себя, мягко говоря, не вполне адекватно. Когда начальство делало ему на этот счет соответствующие внушения, он изображал покаяние и отнекивался туманными намеками на психические последствия своего «личного участия» в Семипалатинских испытаниях первой советской ядерной бомбы. Впрочем, других чудачеств за ним не водилось, и на кафедре полковника терпели.

Из содержания справки внимание генерала привлекли две характеристики плутония-238, которые вполне могли объяснить возможный интерес к нему со стороны «неустановленных кругов».

Первое – это чудовищная токсичность изотопа, сравнимая, разве что, с нашумевшим в начале 2000-х годов полонием-210 (предположительно именно им в свое время был отравлен в Лондоне беглый полковник ФСБ Литвиненко). Килограмма порошкового плутония-238 при условно-равномерном его распылении с воздуха теоретически хватило бы для уничтожения всего человечества – шести миллиардов человек.

Второе – колоссальная разрушительная сила: шесть килограммов «гадости» по взрывной мощности равнялись двумстам тысячам тонн тринитротолуола.

И все-таки чего-то важного в справке не хватало. Что-то явно отсутствовало. Но что? А-а, понятно...! Антон поднял трубку, и через коммутатор попросил срочно соединить его с учителем химии местной школы Игорем Николаевичем Острцовым. Мнению этого человека он безоговорочно доверял: за скромной личностью школьного педагога скрывался его давний друг, доктор физико-математических наук, физик-ядерщик и в недавнем прошлом один из крупнейших в России специалистов по военно-космическим технологиям.

– Антоша, ты что ли? Здорово, пропащая душа! – послышался в трубке глуховатый голос Острцова, в котором угадывались нотки любопытства. – Что у вас там стряслось? Меня чуть не силком с урока сорвали: говорят, вызов из штаба, срочно, бегом... –

– Все в порядке Игорь Николаевич, не волнуйся, ничего у нас, слава Богу, пока не сгорело. Вопросик имеется, а ответ на него, кроме тебя, никто дать мне не сможет. Умники из Центра таких вещей просто не знают: в справочниках-то ничего такого не накопишь. Тут нужна консультация специалиста-практика. Ты слышишь меня?

– Не тяни, Антон Ильич, давай по существу.

– Растолкуй мне, пожалуйста, дорогой Игорь Николаевич, какой объем может занимать плутоний-238? Это раз. И два – в какой «упаковке» он хранится и транспортируется?

– Ну, ты даешь прикурить! С утра пораньше, и такие задачки ставишь.... Прямо обухом по голове. Ладно, ладно, не сердчай. Понимаю, что звонок твой неспроста. Вот что я тебе пока вкратце доложу: в советские времена эту «продукцию» хранили в специальных капсулах, покрытых никелевым составом. Штука довольно тяжелая – как бы тебе это лучше объяснить? К примеру, шарик плутония-238 – ты ведь о нем спрашиваешь? – величиной с куриное яйцо весит больше шести килограммов. Перевозка его в штатной упаковке особых трудностей не вызывает, радиоактивный фон тоже не должен, по идее, превышать нормы. Вот, пожалуй, главное.... Ответил я тебе? Если да, то извини, старик, побегу – пора к детишкам. Веришь, с ними я, пожалуй, снова почувствовал себя по-настоящему востребованным. И даже более востребованным, чем когда-то в Академии наук.

– Постой, Игорь Николаевич, еще секунду. Ответь, пожалуйста, сколько примерно плутония-238 могло одновременно храниться на рядовом опытном полигоне времен СССР? Или это глупый вопрос?

– Почему же глупый, Антон? Вовсе не глупый. Очень даже правильный вопрос. Могу не просто предположить, а сказать тебе довольно точно. Из соображений безопасности (думаю, с адскими свойствами этой «штуковины» ты уже знаком) больше одной – двух тонн на складах обычно не держали. Его всего-то тогда на весь Союз наработали, если мне память не изменяет, тонн двести. Не больше. Ну, и глупцы же мы были! Верили в «светлое будущее» человечества, думали жить вечно. Такую мину подвели под будущее собственных детей! Прости, Антон, старика: задело за живое.... Ну, бывай, дружище. Найдешь минутку-другую, жду на огонек. Пропустим по чарке, вспомним молодость лихую. И Люся будет тебе рада.

– Обязательно забегу, Игорь Николаевич. Спасибо тебе за помощь – ты даже представить себе не можешь, как меня выручил. Люсеньке – от меня нижайший поклон. С Богом.

«Дело ясное, что дело темное, – подытожил разговор с Острцовым генерал, – похоже, времени у тебя, Антон Ильич, не просто мало – его совсем нет. Или, что еще хуже, время давно работает против тебя». В

свете данных, сообщенных профессором, ситуация вокруг Казачьего Дюка становилась все более сложной, масштабной и взрывоопасной.

Нажал кнопку вызова дежурного, он приказал срочно разыскать Крису.

Успехи Криса

Тот вошел в кабинет через пару минут, будто все это время ждал за дверью, хотя на утреннем совещании, насколько помнил Антон, отсутствовал. Впрочем, ничего удивительного в этом не было: американец не отличался торопливостью, но при этом обладал феноменальным даром в нужный момент оказываться в нужном месте. Иногда Антону казалось, что, приняв однажды умом и усвоив сердцем фундаментальные законы духовной жизни, в буквальном и строгом, до буквы, их исполнении Крис продвинулся намного дальше него, Антона Савина. Правда, как и все прочее в своей личной жизни, эту внутреннюю работу над собой американец наглухо закрыл от посторонних глаз. В словах и действиях он не спешил не потому, что был ленив или апатичен: за всю свою долгую и богатую на впечатления фронтовую жизнь Антон не встречал более отважного, умелого, инициативного и надежного бойца. Просто Крис не любил лишних движений, как не любил и лишних слов; непостижимым и никакому разумному объяснению не подвластным образом американец умудрялся как бы заранее «знать», где и когда ему надлежало быть, и что конкретно делать. Это подсознательное чутье, по мнению отца Досифея (давно и с интересом следившего за духовным прогрессом «русского американца»), вероятно, проистекало из достигнутой Крисом, благодаря молитве и посту, искомой всеми исихастами «тишины ума» – способности человека воспринимать тончайшие сигналы Божьих повелений на фоне, по сути, аскетического бесстрастия. Исихазм или умение достигать состояния прямого богообщения, как писал еще в средние века один из основателей этой школы святитель Григорий Палама, отнюдь не являлся уделом одних только монахов-отшельников. Эта заоблачная высь в некоторой мере доступна и избранным мирянам, правда, единицам – тем, кому удастся, следуя точным и строгим указаниям Святых отцов, неустанно понуждая себя к жизни по заповедям, отречься от собственной воли и выстроить в собственной душе своего рода «внутренний монастырь». Внешне при этом исихаст почти не меняется. Он может

заниматься любой светской деятельностью, занимать любой «этаж» в общественной иерархии. Но внутренне.... Внутренне такой человек совершенно изменяется. Он становится новым, обретает дары Божьей благодати – недоступные другим способности, энергии и ресурсы. Всецело веря себя Богу, «отлепляясь» от мира сего, он вовсе не утрачивает с этим миром содержательной связи – нет, он, скорее, перестает тратить силы, время и нервы на заведомо ложные, виртуальные или откровенно вредные «предприятия», поглощающие почти все или почти все жизненные силы неосознанных людей. Чем, кроме безумия, можно объяснить, например, присущие большинству из нас бесконечные рассудочные терзания и страхи по поводу того, что уже прошло или что еще не наступило? Или наше досадное неумение удовлетворяться малым и жить строго настоящим? Или страстное и праздное желание заглянуть в будущее, которое (ну, разве же не ясно!) надежно закрыто от нашего взора (и закрыто, заметим, для нашей же пользы)? Подобно наивному котенку, самозабвенно прыгающему за солнечным лучиком, иной высоколобый интеллектual пытается силами своего довольно-таки скудного ума найти решение одновременно десяткам задач и жизненных коллизий, хотя ясно должно бы быть даже и ему, что потенциал мозга весьма и весьма ограничен. Мало того, каждая из этих задач, которые мы порой столь дерзко пытаемся решать, помимо внешней, явной и видимой своей стороны имеет еще и скрытую внутреннюю или духовную суть; такая задача (явление, процесс) одной своей гранью пребывает в настоящем, а другой непременно обращена в темное и непредсказуемое будущее. Человеческому мозгу без веры, то есть без помощи и подсказок со стороны Предвечного Разума, сотворившего все и вся, включая и самих нас – интеллектualов и простаков, – объять и постичь эту реальность попросту невозможно. Признание человеком факта своего интеллектualного слабосилия и необходимости «подсказок» свыше – и есть, по сути, зачаток иерархического смирения. Отрицание же одного факта в каких бы то ни было формах ничем иным, кроме чистого безумия, считать нельзя! Будущее доступно наблюдению только с высоты вечности, из сфер, подвластных Духу Святому, из другого измерения, где настоящее, прошлое и будущее слиты в один таинственный континуум. Но тот мир до поры закрыт для человека – разве не так? Признавая бытие Божие и – через очищение души – соединяясь с Ним, пребывая в Нем, человек, даже

оставаясь страстным, тленным и смертным, может надеяться на то, что Господь, по неизреченной милости своей и в меру полезности, приоткроет ему завесу будущего. Но не в режиме спиритического сеанса, который, если куда и заведет, так только в сети к бесам. Нет! Господь промышляет о верных себе, направляя их стопы по безопаснейшим, кратчайшим и полезнейшим для них путям. В свою очередь, подобное благое Божье участие в судьбе человека становится возможным лишь там и тогда, где и когда сам человек открыт Богу, ощущает себя смиренной и ничтожно малой клеточкой Тела Его, сознает свое пред Ним несовершенство и свою действительную относительную «малость», молитвенно взывает к спасительной помощи Божией. Нечего и говорить, что установление связи (религии) между частью и целым, клеткой и организмом, конечностью и бесконечностью, человеком и Богом не может являться актом простым, линейным и одномоментным. Как часто мы со всех ног спешим в храм, когда гром уже грянул, и остаемся глухи и безразличны к Господу, когда все у нас, «как у людей»! Кого винить в том, что мы растрчиваем драгоценное и столь краткое время своей земной жизни на суды-пересуды о недостатках других или строительство мнимого и преходящего земного благополучия, упуская при этом одну за другой неоценимые возможности позаботиться о том, что действительно важно и что ценнее всего мира и всей вселенной... – о собственной грешной душе. Между тем, разве не очевидно, что именно душа, ее должное наполнение это и есть единственный реальный итог прожитой нами жизни (не тело же?!), что именно она, ее состояние, ее, если угодно, здравие, в конечном счете, и определяет судьбу каждого из нас как ЗДЕСЬ, так и ТАМ?

Ничего другого, кроме трепетного и скрупулезного приготовления души к смертному переходу у нас нет. Ничего другого и быть не может, если мы хоть немного дадим себе труда осознать свое предназначение в этом мире.

Другого пути действительно не существует! Другой путь это путь глупого и бездарного самомнения, иллюзий самолюбования и самонадеянности. Дорога в никуда, движение вверх по лестнице, ведущей вниз. Всякий раз, произнося «я», человек на шаг отдаляется от Бога – видимо, эту истину раньше и лучше других усвоил и впитал душою молчун Крис. От этой «печки» и началось его восхождение к поразительной эффективности и внешне необъяснимой удачливости.

....— Выступаем, boss? — как всегда в точку попал Крис, пройдя в кабинет и заметив кучу документов на столе Антона.

— Завтра, хотя лучше бы еще вчера...

— Казачий Дюк?

— Он самый.

— Группу Макеева берем?

— Всю, родимую, плюс «вертушку». Отправь «отбойку» Устинычу: пусть начинают подготовку, только, Боже упаси, без самостоятельности.

Антон глазами проводил глазами американца, и развернул на столе оперативную карту укрепрайона, в правом верхнем углу которой жирным фломастером было обведено — «Казачий Дюк».

Операция под кодовым названием «Захват» началась.

Побег Егора — за сутки до операции

Егор очнулся и сразу понял: он в плену. Лежит на земляном полу в каком-то деревянном сарайчике, руки и ноги туго связаны. Сквозь щели между досками пробивается тусклый свет — следовательно, еще не ночь.

Сколько он пробыл тут без сознания — час, два, пять? Превозможная боль и головокружение, юноша постарался восстановить в памяти события последних часов. Все шло гладко, даже слишком гладко. Он скрытно обошел четыре секретных дозора «витязей», расположенных вокруг лагеря наемников, выслушал краткие донесения дозорных и передал им присланные из деревни воду и еду. Отозвал доблестных братьев Ершовых, заменив их Колькой Рябовым и Сергеем Шмелевым по кличке «Шерлок Холмс» — тем самым пареньком, которого Николай Николаевич Зотов просил подключить к расследованию кражи в мастерских (прощаясь, Серега успел доверительно сообщить Егору, что «дознание идет по плану, и уже есть кое-какие подвижки»).

Что было потом? Потом знакомой тропой он вышел на опушку леса, где в кустах бузины, увитые диким плющом и лесной малиной с незапамятных времен ржавели три нефтяные цистерны. Время было — он еще успел поглядеть на часы — что-то около пяти пополудни. Подходя к цистернам, не заметил ровным счетом ничего подозрительного — ни тени, ни шороха... ничегошеньки! Последнее, что осталось в памяти, — резкий толчок в бок, глухой удар, и... крошечная тьма.

«Это ж надо оказаться таким олухом, — корил себя Егор. — А еще «витязем» назвался, другими вознамерился командовать! Влип на ровном месте, как кур в ошип!... Ладно, что есть — то есть. Соберись лучше с мыслями, после драки кулаками не машут. Давай по порядку. Первое — молитва. «Отче наш, иже Еси на небесех...». Есть! Второе — веревки на ногах и руках. Третье — осмотреться».

Освободиться от пут оказалось на удивление просто. Хотя руки были стянуты за спиной, он без особого труда, как учили инструкторы на занятиях по спецподготовке, подтянул ноги к подбородку и рывком продернул их сквозь кольцо рук. Есть! Нашел торчащий из стены острый гвоздь, и с его помощью растянул тугие узлы бельевой веревки. Тем же способом высвободил ноги. Первая часть задачи выполнена!

Сквозь щель в стене осторожно посмотрел наружу. Взору его предстал лагерь наемников, только теперь он наблюдал его не в бинокль и не со стороны, а изнутри. Вокруг освещенной бликами вечернего солнца лесной полянки уступом расположились пять армейского образца брезентовых палаток. Одна, ближняя к Егору, размером больше остальных — видимо, штабная.

В центре полянки — тлеющий костер с кучей хвороста. У костра сидят двое — один спиной, другой в пол оборота к Егору: первый — в брезентовом плаще с опущенным капюшоном, из-за которого выглядывал мощный затылок с короткой стрижкой, слегка прихваченной сединой; второй — в черном ватнике и лыжной вязаной шапочке, высокий, худощавый, с бледным, невыразительным, анемичным лицом. Разговаривают тихо, но и то небольшое, что долетало до ушей Егора, заставило его целиком обратиться в слух.

— Слышь, «философ», что-то Грома с ребятами давно не видно.

— Тебе-то, что за забота, Шило? Твое дело — за костром глядеть да пленного в дровнике стеречь. — Произнеся эти слова, человек в брезентовом плаще обернулся, и Егор увидел его лицо — загорелое, скуластое, с аккуратно подстриженной окладистой бородкой и широко расставленными серыми глазами. Эти глаза, казалось, глядели прямо в душу Егора, и он даже вздрогнул и невольно отпрянул от щели в стене — так испугал его этот немигающий жесткий взгляд.

— А чего его стеречь-то, задохлика? Не скоро еще очухается. Главное, чтобы в деревне его не хватились. Когда Рыжий его в лесу при-

кладом огрел, я поначалу подумал: все, кранты пацану.... А он, вишь ты, живучим оказался! Да и какая теперь разница? Гром вернется, допросит его по всей строгости, а там все одно – в расход. Не с собой же его назад тащить?

Задав этот риторический вопрос, худощавый по кличке «Шило» смачно сплюнул, зевнул, с хрустом потянулся, улегся на землю и затянул ворчливую тираду про постылую жизнь в лесу, строгие порядки, заведенные Громом, сухой закон «на спиртное и баб», чайника-профессора, пропадающего день и ночь под землей, неисправную рацию, наряды вне очереди, опостылевшие консервы, «зануду Андерсена», помыкающего ими всеми, как рабами, и прочая и прочая. Юноша едва дышал. Столько важной информации! Он даже начал шепотом повторять некоторые фразы из монолога Шилы, закрепляя в памяти не только упоминаемые им имена и клички, но и самые, казалось бы, незначительные детали, касающиеся наемников: все могло в дальнейшем пригодиться – пролить свет на их пребывание в лесу.

– Закрой пасть, Шило, ишь, разговорился, сявка! – Бородач тревожно огляделся по сторонам и подбросил хворосту в костер. – Терпеть не могу вас, блатных: то набычитесь, как звери – слова от вас не дожدهшься, а то трещите, как сороки. Тебя разве не предупреждали рот держать на замке? И у деревьев могут быть уши. Вот покончим с делами, вернемся в отряд – будут тебе и бабы, и «бабки», и кофе, и водка, хоть залейся. А не заткнешься, гляди, укоротит Гром язык твой бескостный. Иди, вон, лучше проверь, как там пацан себя чувствует. Да пошевеливайся – дважды повторять не стану!

Явно напуганный перспективой объяснений с Громом по поводу «языка без костей», Шило нехотя поднялся с земли и вразвалку направился в сторону Егора.

Времени было в обрез. Кое-как обмотав веревками руки и ноги, Егор улегся на пол сарайчика и затаил дыхание, стараясь точно воспроизвести позу, в которой пришел в себя.

За дверью слышались шаги. Щелкнул навесной замок, скрипнула щеколда, и прямо перед носом Егора остановились пыльные кирзовые сапоги Шилы. Сапоги постояли, потоптались на месте, затем один из них лениво пнул юношу в бок. Егор благоразумно стерпел – не пикнул и не шелохнулся. В сарае было темно, и уловки с путами бандит,

похоже, не разглядел. Он увидел то, что захотел увидеть. Пленник на месте, без сознания – чего еще? Минута – другая, и сапоги, развернувшись, исчезли из поля зрения Егора. Дверь снова скрипнула, а вот замок... щелчка запираемого замка на этот раз почему-то не последовало. Судя по всему, бандиту стало лень возиться с тяжелым амбарным засовом, и он решил просто подпереть дверь снаружи. А почему нет? Пленник-то и так никуда не денется!

– Ну, что там? – поинтересовался бородач.

– Не бойсь, «философ», на месте он, твой сопляк. Лежит, где уложили, отдыхает и не шевелится.

– Ладно Шило, «багаж» собрал, как Гром велел?

– Это ты о контейнерах, что ли? Ну, собрал, дальше что? Начальнички! Слушай, дядя, а что там – в этих «банках»? Чего вы все так трясетесь над ними? Часом, не золотишко ли – уж больно тяжелы!

– На этот раз бородач, похоже, разозлился по-настоящему. Он встал во весь рост и угрожающе двинулся на чересчур любопытного уголовника. Как ни странно, тот – при всей невыгодной для себя разнице в весовой категории – ничуть не испугался, а лишь по-волчьи ощерился, вжал шею в плечи и, слегка сгорбившись, бочком пошел навстречу противнику. В руке его, успел заметить Егор, блеснуло лезвие невесть откуда взявшегося ножа....

...«А ну-ка, брэк, горе-вояки, все по углам!» – раздался резкий, как выстрел, властный голос из темноты, и на поляну вступил Гром собственной персоной в сопровождении трех до зубов вооруженных наемников. (Егор узнал его по характерной прическе ежиком и высеченному из камня квадратному лицу «идеального солдата» из американского боевика).

– Что за шум, а драки нет? – Гром присел на пенек и повернулся к бородачу – Докладывай, Петрович. Только кратко.

– Да, ерунда, командир, повздорили мы тут маленько с Шилом. По житейским, так сказать, вопросам.

«Странно, – подумалось Егору, – с какой бы стати «философу», еще секунду назад готовому, кажется, убить Шилу, теперь скрывать истинную причину их ссоры? Не иначе, как он и сам боится попасть под горячую руку Грома, если тот узнает о болтовне Шилы. Получается, вся соль в этих самых контейнерах. Хорошо бы разузнать, где они и что в них!»

Но сначала надо было как-то выбраться из сарая. С Громом шутки плохи, да и сомнений относительно своей дальнейшей судьбы после откровений Шилы у юноши не осталось.

Стараясь не шуметь, он подполз к выходу из сарая и толкнул грубо сколоченную дверь. Закрыта. Осмотрелся. Одна из нижних досок двери показалась ему подгнившей, и он, подцепив ее пальцами, что было сил потянул на себя. Доска поддалась, и с громким хрустом неожиданно переломилась надвое. В двери образовалась продолговатая дыра. Егор замер от ужаса – ему показалось, что сейчас сюда, на этот звук сбегутся все наемники. Бросившись к своему «наблюдательному пункту», он прильнул к стене – на полянке, слава Богу, никого не было видно. Ни одного человека. Все разбрелись, кто куда, и только из штабной палатки доносились невнятные звуки, похожие то ли на разговор группы людей, то ли на сеанс радиосвязи.

«Господи, Иисусе Христе, спаси и помилуй мя!». Егор вернулся назад, и обломком доски сквозь образовавшийся просвет попытался столкнуть тяжелую суковатую ветку, которой Шило снаружи придавил входную дверь. Раз, другой... не выходит! Доска все время соскальзывала – не хватало длины рук. Егор стиснул зубы, сколько мог вытянул руку и, не глядя, толкнул. Ветка соскочила с двери, путь на свободу был открыт....

Что дальше? Снова, как и тогда, на карьере, он стоял перед легким выбором. Бежать, бежать, куда глаза глядят! – призывал напуганный до полусмерти разум. Любой другой на его месте так бы и сделал. Что он может – мальчишка против десятка вооруженных головорезов?

Но он же «витязь», он разведчик, воин! Оплошности и ошибки – с кем их не бывает? Его задача – максимально изучить обстановку, запомнить в лицо всех действующих лиц, включая и загадочных «профессора» с «Андерсеном». А самое главное, если удастся, отыскать место хранения пресловутых «банок» с неизвестным, но таким ценным для пришельцев содержимым. (Ясно, что именно за ними они сюда и явились!). Только после этого он сможет, не краснея, смотреть в лицо своим товарищам....

Семь вздохов – семь выдохов. Решение принято. По-пластунски выскользнув из своего укрытия, Егор нырнул в густой подлесок. Короткими охотничьими перебежками, на носках, чтобы ветки не хру-

стели, чутко прислушиваясь, он первым делом пробрался к штабной палатке. «Повезло, что у них нет собак!» – подумал он на ходу. Стало совсем темно – это играло ему на руку. В палатке зажегся свет, отразившийся неясным пятном на брезентовом холсте. Изнутри доносились три голоса: Грома он узнал сразу по хриплому басу, голоса его собеседников Егору раньше слышать не доводилось....

В то время, как Егор героически сражался в лагере наемников, двумя километрами к югу от полигона, на опушке березовой рощи завершалась подготовка к финальной стадии операции «Захват». Склонившись над картой района, Антон давал последние указания командирам спецназа Армии обороны и добровольцам из Казачьего Дюка.

На исходном рубеже

...– Сверим часы, товарищи. Начало операции – в семь ноль – ноль. Внешнее кольцо окружения обеспечивают добровольцы. Особое внимание нам надо обратить на возможные пути отхода противника – дорогам и лесным тропам. Уходить «гости» могут как группами, так и поодиночке. Вот здесь, здесь и здесь – Антон карандашом указал места на карте – развернуты наши стационарные вооруженные посты, каждый в составе не менее пяти человек с автоматическим оружием и собаками. В усиление к ним придается еще не менее двадцати мобильных групп, в задачу коих входит свободное патрулирование и прочесывание местности; лучше всего, чтобы люди в этих группах с виду походили на беженцев или местных крестьян. Задача: всех чужих без разбора задерживать и препровождать в Казачий Дюк. Все ясно?

– Документы проверять? – уточнил Мальцев (По случаю «войсковой операции» brave старшина нарядился в новенькую, с иголки военную гимнастерку и разместил на груди весь свой «боевой иконостас» – ордена и орденские планки).

– Не просто проверять, но и – с извинениями, конечно, – временно изымать. Дальше, как я уже сказал, препровождать всех задержанных в сельский штаб Армии обороны. Повторяю и подчеркиваю для всех еще раз: с сегодняшнего дня и вплоть до приказа о снятии «карантина» из района полигона без нашего ведома не должна выскользнуть ни одна живая душа. Ни одна! Прозеваем хотя бы одного нужного нам человека – сорвем всю операцию! Внешнее кольцо окружения, в этом

смысле, имеет не меньшее значение, чем штурмовая группа. Бандитов на полигоне не так уж много – по нашим сведениям, от десяти до двенадцати человек. Постараемся накрыть всех сразу, одним махом. Но, как говорится, и на старуху бывает проруха. От проколов в нашей работе никто, к сожалению, не застрахован. Вот эти-то возможные проколы и надо попытаться залатать с помощью внешнего кольца.

Теперь к группе захвата.... Коля – Антон повернулся к сухощавому загорелому офицеру с капитанскими знаками отличия, сидевшему тут же, за общим столом, – задача перед твоими орлами ставится такая: к шести сорока скрытно выйти на исходный рубеж, без звука снять охрану, и с ходу атаковать лагерь. Осложняющих момента – два. Во-первых, мы должны действовать предельно аккуратно. Среди наших «подопечных» может оказаться несколько гражданских лиц, представляющих, так сказать, повышенный интерес для Центра – их нужно взять живьем. Любой ценой, но живьем. И, во-вторых, твои бойцы должны учитывать – на полигоне хранится «товар», из-за которого, собственно говоря, весь сыр-бор. «Товар» может выглядеть по-разному, но, скорее всего, это несколько емкостей, небольших цилиндров, контейнеров, канистр или чего-то в этом роде. Очень тяжелых. Обращаться с ними надлежит нежнейшим образом – как с любимой девушкой. Боже упаси, память или нарушить герметичность! Внутри – самая, что ни на есть, ядовитая зараза.

– А что там? – оживился Устиныч.

– Прости, батя, но открыть этого пока не могу. Не имею права. Военная тайна. Придет время – узнаешь.

– Информации о противнике маловато, Антон Ильич, – посетовал капитан – он же командир штурмового взвода спецназа Армии обороны Макеев Николай Петрович – работать придется, считай, вслепую. Вооружение, система охранения... утренний туман опять же.

– Знаю, все знаю, Петрович, а что прикажешь делать? Насчет информации – тут я с тобой согласен, но не вполне. Знаем мы о них, в общем-то, не так уж и мало. «Витязи» нам помогли – план лагеря на столе перед вами – как на ладони, почти все бандиты сфотографированы. Согласно данным внешнего наблюдения, среди наших «подшефных» профессиональных военных немного – от силы шесть-семь человек. Для твоих орлов это семечки – руками передают. Остальные – уголовники и гражданские. Все решит фактор внезапности.

Ну, и, разумеется, надо постараться максимально тихо убрать посты внешнего охранения.

– А мины? – не отставал Макеев.

– Мне ли тебе объяснять, как быть с минами? Пойдете, как положено, след в след, впереди саперы. Не думаю, что у них найдутся «лягушки» (прыгающие противопехотные мины).

– Тогда, Антон Ильич, добавь нам лишних минут десять на разминирование.

– Хорошо, принято. Внимание всем! Штурмовая группа входит в лес в шесть тридцать.

– А штаб?

– Что штаб? Мы с Крисом и связистами пока остаемся здесь... (Антон увидел недоуменный и протестующий взгляд американца, но только досадливо отмахнулся), повторяю, штабная группа координирует ход операции отсюда. Толчею в лесу создавать ни к чему (это опять Крису). Руководители отрядов внешнего оцепления обо всех заслуживающих внимания фактах по рации докладывают Устинычу, командир штурмовой группы держит связь непосредственно со мной. «Вертушка» – в резерве: от нее в лесу все равно толку никакого. Вопросы?

– Антон Ильич – вмешался в разговор радист – простите, что прерываю, но только что получена радиограмма: в Казачий Дюк с задания не вернулся один из командиров «витязей» Егор Чеботарев. Дозорные в лесу сообщили, что очередной обход постов Егор провел в обычное время и в штатном режиме. Тем не менее, парень в селе до сих пор не объявился, и о нем ничего не известно уже более трех часов. Не исключено, что он захвачен в плен и удерживается в лагере наемников.

– Вот вам, други мои, и третий осложняющий момент. Егор – тот самый паренек, что первым обнаружил «гостей» на полигоне. Я еще тогда его приметил. Толковый. Вот ведь жалость! Крис, пляши! Ты все-таки идешь в лес с передовой группой. Позаботься об этом парне – фотографию получишь у Устиныча. Эх, мне бы с вами, да вот рана проклятая – никак заживать не хочет! Все! Баста! Если других вопросов нет, за работу....

В сопровождении повеселевшего Криса и меланхоличного капитана Макеева Антон вышел из штабной палатки. Вечерело. Солнце не спеша закатывалось за кромку голубого леса, в распадах и овражках начал сгущаться туман. Лес затихал, готовясь отойти ко сну. Ночная

свежесть наполнялась пряными запахами опавшей листвы, грибов, и еще чего-то неопределимого, что по осени рождает непередаваемы и волнующий аромат русского леса.

Обошли палаточный городок. Вот бойцы Макеева готовят к бою оружие. Из медпункта доносится звон склянок и скрип передвигаемых ящиков с оборудованием для мобильной операционной. От полевой кухни во все стороны разносятся дразнящие ароматы ужина – гречневой каши с тушенкой. Вертолетчики, как обычно, колдуют над своей «техникой». В походном «храме» – палатке с переносным алтарем – отец Досифей исповедует молодых солдат.

Дивизионный священник, конечно, уже в курсе предстоящей операции. Он и готовится к ней на свой лад – читает молебен о даровании победы над врагом. Служба накануне боя – особая, ни с какой другой несравнимая.

Кто не страдал от неспособности молиться, не испытывал сухости и охлаждения, проистекающих, как правило, от рассеяния мыслей и слабости веры? Известная устойчивость и повторяемость бытия внушает всем нам ложную уверенность в завтрашнем дне. И мы начинаем то моделировать виртуальные страхи, бездумно возлагая на себя бремена грядущих бедствий, то самонадеянно планировать следующий день, месяц, год, забывая о том простом и каждому разумному человеку, несомненно, известном факте, что на самом деле никто не знает, что произойдет с ним хотя бы через секунду. Мы ничего об этом не знаем, и каждый наш шаг фактически приходится в неизвестность. Как принимается решение – и крупное, государственное, и маленькое, бытовое? Мы полагаемся либо на собственный опыт, либо на советы и рекомендации со стороны. Но, признаемся честно: и то, и другое основано вовсе не на знании того, то будет (мы уже установили, что это знание нам недоступно), а все на том же абсолютно нелепом допущении, что прошлое в том или ином виде непременно повторится. А если нет!? Не зная, что произойдет через мгновение, человек принимает ответственные, порой судьбоносные решения фактически наугад: в этом смысле он напоминает слепого и глухонемого, стоящего в кромешной тьме неизвестно где, и делающего шаг, не ведая, куда он придется, – то ли на твердую почву, то ли в пропасть, то ли в омут морской. Конечно, несчастный может себя подбадривать рассуждениями о своем прошлом опыте или советах третьих лиц (в сущности

ничем от него не отличающихся), но положение от этого ничуть не меняется: шаг следует в никуда. Если повезет, наш слепой останется жив, и сделает еще несколько шагов. Если нет... . Человек не знает даже, когда умрет: *«внезапно Судия придет и деяния каждого обнажатся...»*. В народе говорят: хочешь рассмешить Бога – расскажи Ему о своих планах – пословица, хоть и по-человечески заземленная, но вполне образная.

Играя на струнах человеческого тщеславия и склонности людей к самообольщению, лукавые духи всячески уводят наше внимание от этих очевидных и разящих фактов бытия. Почему? Если бы человек постоянно признавал, что каждый его шаг грозит неведомой опасностью, а, возможно, даже смертью, он наверняка бы все силы души направил на то, чтобы подстраховаться и действительно, а не мнимо узнать, куда делать этот шаг. Но кто может нам в этом помочь? Кто это действительно знает? Очевидно, один Господь, который пребывает в вечности и по-настоящему любит человека. Осознав это, наш слепой разум просто вынужден будет задаться следующим насущным вопросом: как установить с Ним связь, как вверить Ему свою судьбу, уповав на Его предвечную мудрость и человеколюбие? Вопрос вовсе не праздный! Вопрос вопросов! Вопрос жизни и смерти! Единственный по-настоящему важный – *во вся дни живота – вопрос!* Все прочее, чему мы посвящаем столько сил, времени, энергии в нашей суетной и бестолковой жизни, тут же отойдет на второй или третий план. Иерархия ценностей бытия перевернется, как ей и положено – с головы на ноги, основанием вниз, и жизнь снова обретет полноту, надежность и предсказуемость.... О, если бы так!

Реальная угроза, которую несет в себе предстоящий бой, как губкой, стирает суетные мысли и развеивает ментальные иллюзии. В непосредственной близости от черты, отделяющей жизнь от смерти, человек невольно сосредотачивается и как бы отцентриковывается: все мысли, чувства и воля его сливаются в один момент истины, в одну реальность, не покидающую его никогда и ни при каких обстоятельствах, – в душу. *Душа же человеческая – по природе христианка*. В судьбоносные моменты жизни даже самое упрямое неверие в бытие Божье рассыпается в прах. И тогда под бомбами, лежа на дне окопа и глядя в лицо «костлявой», солдат вдруг в последнем порыве сердца воскликнет: «Господи, спаси!»

Совместная молитва перед боем никому из бойцов не гарантировала и не могла гарантировать выживание. Пути Господни неисповедимы, и, в конечном счете, важно не то, когда и как Всевышний Судия благоволит призвать ту или иную душу, а то, какой она, душа, предстанет Ему в этот «внезапный» для каждого смертного момент. Покайнием и молитвой верующий воин готовится не к смерти, а к жизни, ибо всецело уповает на обещание Спасителя: *Я даю им жизнь вечную, не погибнут вовек; и никто не похитит их из руки Моей*».

В то же время общая молитва в православном войске была не просто церковным ритуалом. Ветераны Армии обороны отлично знали (и учили молодых), что молитвенное правило, как ничто иное, наполняет тело силой и отвагой (*Дух подкрепляет нас в немощах наших*). Оно очищает сердце от страха и сомнений, изматывающих мышцы и нервы бойца и нередко предопределяющих его поражение задолго до начала самой схватки. Оно же наделяет его неизъяснимым «знанием пути» – тех молниеносных действий и решений, которые наилучшим образом защитят его в суматохе борьбы с лютым врагом. Бесстрашие православных воинов никогда не имело ничего общего ни с самурайским презрением к смерти – следствием ежедневных психопатических самовнушений, ни с наркотическим безрассудством варягов, ни со слепым вожделением райских кущ мусульманскими фанатиками. Это бесстрашие для верующих во Христа имело, и всегда будет иметь своим единственным основанием неусыпную заботу о чистоте души и упование на человеколюбие и милосердие Христа – Спасителя, *пришедшего в мир не праведников спасти, но грешников*.

Антон шел по палаточному городку и размышлял... – нет, не о застрашном бое! У боя своя логика и своя правда: война план покажет! Он размышлял о странных, причудливых изгибах и поворотах своей судьбы, ведомой Промыслом, который в его, Антона Савина, благо перевернул, перелопатил и переиначил всю его жизнь. И, наконец, забросил сюда, в эти окраинные и безлюдные места, чтобы в очередной раз испытать качество его свободы и силу его веры в Бога и людей. Как ни странно, от этих мыслей на душе стало покойно и радостно. Наверное, от ощущения нужности и полезности теперешнего своего бытия – и не только себе одному, а множеству близких и далеких, знакомых и незнакомых, молодых и старых людей. Как здорово все-таки, что он оказался угоден Господу, и что Тот, кто есть «все во всем», не

допустил его вполне заслуженной гибели в сточной канаве собственных грехов и заблуждений, а поднял, призвал, оживил и поставил на путь служения!

– Let's have a pray, boss – потянул его за рукав Крис, напоминая о начале молебна.

Наступила ночь. Впереди – немного: вечерняя служба, ужин и короткий, рваный сон перед схваткой. Что-то день грядущий нам готовит?...

– Wake up, boss! Очнись! Егор вернулся!

Голос американца доносился откуда-то издалека, словно поднимался из глубокой шахты. Голос был наполнен тревогой, и Антон, наконец, начал соображать, что ночь прошла, и пора вставать, но ватные объятия утренней неги не желали отпускать своей законной добычи, а тело, пренебрегая сигналами насильственно разбуженного мозга, свинцовой массой вжималось в землю как в пуховую перину. Впрочем, все хорошее когда-нибудь кончается....

– Сколько сейчас? – прохрипел он, сбрасывая остатки сна.

– Три сорок утра.

– Кто вернулся, откуда?

– Да проснись ты, shertyaka! – Крис уже сообразил, что американцы на Антона действуют слабо, и прибег к проверенному русскому крепкому словцу. – Егор вернулся, ну, тот самый парень, помнишь? Да проснись ты, наконец! «Витязь» из Дюка – тот, что вчера исчез. Вернулся он, сбежал от бандитов. Пришел в деревню, а оттуда – прямиком к нам. С кучей важной информации. Требуется тебя – лично и срочно. Говорит – ждать нельзя. До подъема, правда, еще далеко, но я решил, а вдруг у парня действительно есть что-нибудь важное. Ну как, продрал, наконец, глаза? Звать его?

– Ладно, Крис, будет тебе, уж и покемарить уж нельзя начальству лишнюю минутку-другую. Зови, конечно, этого Егора. А заодно пригласи ко мне сюда майора Громова из первого отдела.

Крис отправился выполнять поручение. Антон скатал рулоном спальник, служивший ему подстилкой, и (удобно все-таки спать одетым!) выглянул из палатки. Морозный утренний туман живо напомнил

Операция «Захват» — 27 октября 2022 года

травмированной спине и ломаным костям о капризном нраве своей госпожи – северной русской осени. Не помогла ни стеганая десантная куртка, ни махровый свитер, подаренный матерью на сорокалетие. Холод царапал и щипал лицо, бесцеремонно лез под одежду, словно желал сказать: рано, рано ты, брат, вылез из тепла палатки, ночь еще не прошла, марш назад! И Антону вдруг страстно захотелось покурить – как будто дым сигареты мог защитить его от промозглого утра.

– Товарищ генерал, разрешите обратиться? – из тумана вынырнули две фигуры. При ближайшем рассмотрении – Крис с Егором.

– Валяйте, обращайтесь?

– Егор Чеботарев. Прибыл из Казачьего Дюка по приказу товарища Мальцева. Для доклада. – Юноша отдал честь и вытянулся по стойке смирно.

– Вольно, Егор Чеботарев. Сделаем так, друзья, – возьмем на абордаж штабную палатку и, пока все спят, попьем горячего чайку и выслушаем твой доклад. Заодно и обсудим его.

– Товарищ генерал, я должен сначала кое-что сообщить вам с глаз на глаз.

– Это еще что за конспирация! От Криса у меня секретов нет. Так что давай, выкладывай, что там у тебя, не стесняйся.

– Это по поводу бандитов в лесу... – Егор кратко поведал о своих мытарствах в лагере наемников, пленении и последующем побеге. Затем, уже более подробно – о подслушанном разговоре Грома с двумя неустановленными собеседниками (Егор был уверен, что ими и были те самые неуловимые «профессор» и «Андерсен»). В частности, в этой беседе Гром упомянул о некоем «источнике» в штабе Армии обороны, от которого, по его словам, за последний год поступило немало «весьма ценной информации». Ни фамилии, ни каких-либо явных примет «источника» в разговоре не упоминалось, во всяком случае, Егор ничего такого не слышал, но, похоже, что речь шла не о рядовом сотруднике.

– Это что ж получается, товарищ генерал, они с самого начала знали, что за ними следят?

– Выходит, что знали. Но ты погоди, погоди, парень, не гони лошадей, дай-ка сначала сообразить, что к чему. То, что ты узнал, не просто важно – я бы сказал, архи важно. Но все равно айда в штаб – а то зябко тут, да и утро скоро, а оно, брат, мудренее вечера.

В штабной палатке Егор еще раз, но теперь уже более обстоятельно, изложил факты и наблюдения, добытые им в лагере наемников. Антон с Крисом делали пометки в блокнотах, уточняли расположение дозоров и огневых точек бандитов. Упомянул Егор и о пресловутых «банках», из-за которых сначала чуть не подрались, а затем едва не поплались головами Шило с бородачом....

– Каким таким бородачом? – живо заинтересовался Антон – Этим?

– Он самый, товарищ генерал, – подтвердил юноша, увидев фото «Сократа». Он у Грома что-то вроде правой руки.

– Ну, а «банки» эти, часом, не попались тебе на глаза?

– Сами «банки» я не видел, а вот место, где они спрятаны, кажется, знаю. – Егор подтянул к себе нарисованный от руки план лагеря бандитов, на секунду задумался, а затем уверенно, в правом верхнем углу вывел кружок. – Это тут, сразу за палаткой Грома, Там замаскированный вход в старый дот... или в подземное укрытие. Я еще подумал: дот старый, обшарпанный, а дверь у него новая, стальная. То есть не совсем, чтобы новая, – вырезана автогенном из куска металла. (Вот, кстати, для чего они, Антон Ильич, инструмент и электроды из мастерских стащили!). И еще: около этой двери круглые сутки стоит часовая. Рацию, и ту так строго не охраняют. А тут – сразу и дверь стальная, и охранник с автоматом. С чего бы это? Кстати, товарищ генерал, они пару раз упоминали о каком-то «багаже».

– Что именно говорили?

– Ну, что, дескать, надо его доставить по назначению. Все семь «мест».

– Так и сказали: «семь мест»?

– Я хорошо расслышал. Еще удивился: кругом лес, причем здесь багаж?

– Но в цифре семь ты уверен? Ничего не перепутал?

– Точно семь. Я еще подумал: везучее число.

– Молодец, «витязь»! От имени командования Армии обороны объявляю тебе благодарность – за храбрость, смекалку и наблюдательность! Ну, а теперь признайся, только честно: страшно было?

– Было немного, но только вначале, товарищ генерал. А потом помолился, подумал, сообразил, что делать, – и даже интересно стало.

– Куда уж интересней!... По краешку ты, брат, прошел, по самому лезвию ножа. А что молился в трудную минуту, молодец! Я всегда мо-

люсь – и когда мне плохо, и когда хорошо. И Крис тоже, и другие. Это здорово, если рядом с тобой друзья. А когда нет никого – вот хотя бы, как приключилось с тобой, что тогда? Если по-настоящему верить, ты и в этом случае не один. И никогда не останешься один. Господь всегда в твоём сердце, и всегда к Нему можно припасть, испросить совета, помощи, защиты. И, что самое главное, – получить искомое! Помнишь в Евангелии: *просите и получите, стучите и откроют вам?*...

– Разрешите войти? – раздался сиплый, немного простуженный голос из-за полога палатки.

– Входите.

В палатку, пригнувшись, вошел немолодой, лысоватый, полный человек лет пятидесяти, с заспанным и явно недовольным лицом.

– Майор Громов, начальник первого отдела, прибыл по вашему приказанию.

– Проходите, Савелий Маркович, располагайтесь, и, пожалуйста, без лишних церемоний. Перейдем прямо к делу. Необходимо оперативно направить в Центр и продублировать в «Подсолнухи» шифровку следующего содержания: «Ввиду важных обстоятельств, открывшихся на месте, начало операции «Захват» переношу с семи на пять часов утра сегодняшнего дня. Общий план боевых действий и сопутствующих мероприятий, согласованный ранее, оставляю в силе». Дата, подпись. Записали? Все понятно? Исполняйте!

– Но как же так, Антон Ильич, как же так? Ведь готовились-то к семи. Люди спят еще. Командиры не в курсе... – Майор явно занервничал. Закрыв блокнот для черновиков, он не спешил уходить, а в растерянности топтался на месте, вытирал испарину со лба и как-то странно, просительно заглядывал в глаза Антону.

– Не беспокойтесь, Савелий Маркович. Так надо! Люди у нас опытные, и не такое повидали на своем веку. Объявим побудку, и глазом моргнуть не успеете – все, как один, в строю стоять будут. Вы ступайте, майор, делайте свою работу, а нашу оставьте, пожалуйста, нам. Да, и вот еще что. С подтверждением об отправке телеграммы придете доложить лично мне – я вам кое-что еще надиктую.

Майор отправился восвояси, а Антон задумчиво посмотрел на Криса. Тот утвердительно кивнул, брезгливо поджав губы. Вызвали ординарца, и, как ни упирался Егор, тот проводил его в медпункт на «дежурный осмотр». В сопроводительной записке, тайно переданной

начальнику медпункта Вере Леонидовне, предписывалось обеспечить командиру отряда «витязей» Егору Чеботареву «полноценный отдых» (на словах, через ординарца Антон уточнил: таблетку снотворного и сон до упора).

– Крис, слушай сюда! – взволнованно сказал Антон, дождавшись, когда они остались одни. – Сейчас, может быть, не время, да и говорить мне об этом неприятно, но откладывать нельзя: реакция Громова на решение перенести начало операции мне что-то сильно не понравилась. Дай Бог, чтобы я ошибался. Вижу, и ты того же мнения. Что-то с ним не так. Займись этим немедленно. Проверь, имеет ли наш майор прямой доступ к передатчику?... Насколько я помню, согласно инструкции – не должен иметь. В эфир выходит только дежурный радист. Сделаем вот что: пригласи к себе радиста и, под страхом смерти, прикажи ему, прикажи от моего имени, ни на шаг, ни на секунду, ни под каким предлогом не отходить от рации вплоть до окончания операции. И никому ни слова. Это приказ! И еще – переговоры, только остороженько, с глазу на глаз, с контрразведкой: с сего дня пусть они негласно присмотрят за майором. Интересует все: его прошлое, связи, передвижение, контакты. Докладывать мне лично.

– Are you sure, Anton?

– Да, я уверен, Крис. Не утверждаю, не могу утверждать, что Громов – предатель, но в свете полученной сегодня информации, с учетом наших с тобой – помнишь? – синхронных наблюдений и давних сомнений я просто обязан сделать все, что в моих силах, чтобы пресечь канал возможной утечки информации. Не мне тебе объяснять, сколько мы уже потеряли и сколько еще потеряем времени, сил, жизней наших товарищей, если не выявим «крота» в своих собственных рядах!

По команде Антона, палаточный городок Армии обороны ожил, зашевелился, затопал сапогами, заговорил командирскими голосами. Заспанные повара на скорую руку готовили горячую еду – как говорится, то ли ранний завтрак, то ли поздний ужин. Удивленные командиры подразделений собрались в уже знакомой штабной палатке, теряясь в догадках.

«Товарищи, – сказал Антон, дождавшись тишины, – наши планы существенно изменились. Выступаем (он посмотрел на часы) через сорок минут. Время атаки – пять ноль-ноль. Казачий Дюк уже в курсе. Диспозиция и основные задачи, поставленные перед каждым из вас,

остаются прежними. Несколько новых вводных для штурмовой группы и разведчиков.

Первое: в лагеря противника – план перед вами – находится объект под условным названием «старый дот». Это здесь. Всем видно? Хорошо. Отныне это наша главная цель. Задача – с ходу прорваться к объекту, и взять его под надежную защиту. Имейте в виду: для противника это тоже объект первейшего значения, и он может, нет, даже скорее всего попытается либо вывезти содержимое дота, либо, на худой конец, уничтожить его. Ни то, ни другое мы допустить не имеем права. Любой ценой. Повторяю, любой!

И еще: ранее поставленная задача по обнаружению и аресту гражданских лиц, находящихся в лагере бандитов, остается в силе. Уточнение: один из них предварительно установлен. Это иностранец, для нас он представляет чрезвычайный интерес. На этом все! Если вопросов больше нет, за дело!

... Лес встретил штурмовую группу утренней свежестью, густым туманом и напряженной предраассветной тишиной. Антон шел в передовой группе (не удержался-таки, не усидел в штабе!), как всегда, в связке с Крисом, метрах в ста позади разведчиков, задачей которых было «по-тихому» снять посты внешней охраны. «Грамотно идут, – невольно позавидовал навыкам своих бойцов генерал, – ни веточки под ногами не хрустнет. Орлы!».

На часах пять ноль-ноль. Огибая лагерь наемников с юга, они вышли к разрушенной столовой, где Егор всего два дня назад инспектировал братьев Ершовых. «Тс-с-с...» – раздалось из кустов, и Антон сквозь клочья тумана у поваленной березы разглядел двух сержантов из штурмового отряда. Один из них склонился над телом человека восточной наружности, в горле которого торчала рукоятка десантного ножа, другой знаком предупреждал – не спешите, еще рано! Через секунду оба растворились в бетонно-арматурных джунглях полигона.

Справа по курсу раздалась глухая хлопки. «Началось! Бьют из автоматов с глушителем – значит, все в порядке, значит, бьют наши, значит, все-таки удалось застигнуть противника врасплох!» – обрадовался Антон. И прибавил шагу. Через минуту-другую ответно застрекотали автоматы бандитов. Раздался взрыв гранаты. Антон и Крис что было сил рванули вперед. Вот они, первые палатки! Слева от американца мелькнула чья-то тень. Ударил выстрел. Пуля пролетела мимо,

срезав ветку над головой американца. Нагнувшись, Крис всем телом выбросился вперед и ударом головы в живот сбил с ног вероломного врага. Им оказался невзрачный человечек в куртке и спортивной шапке. «Сдаюсь, сдаюсь, – хрипел он, преодолевая боль, – не убивайт. Я есть подданный Швеции!» Не обращая внимания на эти завывания, Крис деловито перевернул задержанного на живот, заломил ему руки и крепко связал. Обернулся к Антону – тот тоже не терял время даром: прикрывал другу спину и одновременно вслушивался в звуки боя, стараясь разобраться, что к чему.

«Прими этого пленного, и, смотри, глаз с него не спускай!» – рявкнул Антон подоспевшему на выстрелы сержанту из группы оцепления, и, не дожидаясь ответа, бросился вслед за Крисом. На бегу про себя отметил: стрельба вроде бы пошла на убыль.

Вот и первые палатки. За ними – деревянный сарайчик и поляна, столь подробно описанная Егором. Впечатление такое, будто здесь только что прошел смерч. Изрешеченные пулями полотнища палаток разбросаны, как попало, возле одной – два трупа в камуфляжной форме, на кострище – еще один в дымящемся ватнике. Если верить описанию Егора, это, похоже, тот самый «Шило». Кажется, еще жив, но без сознания. Дальше, дальше, вперед! Вот и штабная палатка. Как ни странно, она почти не пострадала. Перед входом, привалившись к сосне, стонет разведчик с окровавленной ногой, возле него с йодом и бинтами хлопчет санитарка. «Они там, внутри, – хрипит раненый, – там этот, Гром и другие. Остальных ловят по лесу. Вроде никто не ушел...».

«Крис, двигай в лес. Отыщи мне Макеева. Передай ему – Андерсена, похоже, взяли. Теперь главное – не упустить второго, как его бишь? – «профессора». Пусть обыщет каждый закуток, каждый кустик, каждую норку. И еще раз передай постам внешнего оцепления – никто не должен уйти. Слышишь? Ни одна душа! Никто!»

Впервые за утро они разделились. Крис растворился в лесу, Антона же сейчас больше всего волновала судьба плутония. Завернув за штабную палатку, он сразу наткнулся на «объект». Действительно похоже на старый дот. Самодельная, грубо сваренная железная дверь открыта нараспашку. Возле двери – боец. Вытянувшись стрункой, докладывает: «Товарищ генерал, объект номер раз принят под охрану. Попыток подрыва не было. Контратака отбита силами штурмовой группы. По-

тери с нашей стороны – три человека: один убит, двое тяжело ранены. Доложил рядовой Степанов».

– Что это у тебя?» – спросил Антон, указывая на окровавленный рукав солдата.

– Так, пустяки, товарищ генерал. Сквозная. До свадьбы заживет!

– И сколько же тебе лет, жених?

– Двадцать один, товарищ генерал.

– Родом откуда?

– Псковский, местный, из Пустошки я.

– Хорошо. Внутри кто-нибудь есть?

– Никого. Только цилиндры. Тяжеленные! И еще два зеленых деревянных ящика – как из-под снарядов.

– Сколько всего цилиндров?

– Шесть штук.

– Шесть, ты не ошибся?

– Точно – шесть, сам пересчитывал.

– Пойдем, глянем.

В темном, сыром и абсолютно пустом подвале дота, напротив узкой щели, служившей когда-то бойницей, выстроились в ряд шесть (сомнений теперь не было) одинаковых серебристых цилиндров, похожих на пузатые туристические термосы из нержавеющей стали. Если здесь когда-то и был седьмой цилиндр – седьмое «место» в лексиконе наемников, то в данный момент он отсутствовал. Кроме них, в дальнем углу виднелись оба упомянутых бойцом ящика. Открыв крышку одного из них, Антон увидел уложенные рядками, хорошо знакомые ему еще с Чечни стандартные «лягушки» – пластиковые прыгающие мины, используемые в спецоперациях. «Пригодится, – машинально отметил он, – хотя странно: они вроде бы знали об операции, а минами почему-то не воспользовались.... Чудно!»

Но сейчас ему было не до размышлений о странностях в поведении бандитов. Генерал поспешил к контейнерам и попробовал один из них на вес – и впрямь тяжелый, тянет килограмм этак на двадцать, никак не меньше. Такой в кармане не унесешь. Ну что же, было ли здесь «седьмое место» или не было его? – разбираться теперь ему, Антону Савину. И разбираться досконально, до кишок, до полной и окончательной ясности, так, чтобы поверить самому и еще суметь убедить в этом Центр.

Между тем, звуки выстрелов окончательно стихли, и на поляну потихоньку начали подтягиваться разгоряченные бойцы. Вскоре пришел и Крис, подталкивая перед собой – кого б вы думали? – нашего старого знакомого «Сократа». Правда, на этот раз бородач и не думал «валить Ваньку», как год назад в осеннем лесу под Клином. Поник, поблек наш «философ», потерял лицо, как говорят китайцы. Издалека признав Антона, он совсем скис, и Крису пришлось чуть не волоком тащить его последние метры. Одним словом, «Сократ», проходивший у бандитов под кличкой «философ» (бывают же такие совпадения!), находился на грани нервного срыва. Пропустить такой благоприятный момент для допроса «с ходу» было бы, по понятным причинам, непростительной глупостью.

Крис ухватил коварный замысел Антона на лету, стоило только тому незаметно кивнуть на пленного, два мертвых тела у палатки, и при этом лукаво подмигнуть.

– Что с ними, кто их? – спросил он генерала, указывая на трупы и разворачивая «Сократа» таким образом, чтобы тот мог вдоволь налюбоваться на своих бывших поделщиков.

– Не признавались, гады. Пришлось пустить в расход.

– А этого, куда?

– Смотря, как вести себя будет, а пока – на допрос.

«Давай, шевелись, bastard! Черо застыл? Move your ass! What the hell are you waiting for?» – заорал, что было мочи, Крис и втолкнул полумертвого от страха «Сократа» в пропитанный порохом (тому показалось, что еще и кровью) бывший штаб наемников. Следом вошел Антон. В палатке за столом сидел капитан Макеев с обычным своим угрюмым видом и закатанными по локоть рукавами. В углу очень кстати стонал тяжелораненый Гром и навзничь лежал (санитары еще не унесли) еще один бандит – убитый. Обстановка для психологического допроса – лучше не придумаешь.

– Фамилия, имя, отчество – тихо спросил Антон.

– Я все скажу, все, не сомневайтесь! Я никого не убивал! Я все скажу!

– Итак?

– Еремин Александр Митрофанович, 1981 года рождения, русский, женат, проживаю...

– До биографии твоей, господин Еремин, мы, Бог даст, еще доберемся. Это в случае, конечно, полной искренности и готовности со-

трудничать с Армией обороны. Ты ведь и сам понимаешь, сколько за тобой водится разных грешков, не так ли?

– Спрашивайте, я все скажу!

– Где «профессор»? Его нет ни среди убитых, ни среди пленных. Сколько мы насчитали тех и других, товарищ Макеев, а? Одиннадцать? А сколько всего было людей в лагере? Ну, Еремин?

– Двенадцать, гражданин начальник, ровно двенадцать! Семь военных, включая меня (хотя я не военный, верьте мне, и я еще докажу это!), трое бывших зэков, и два гражданских – «профессор», как вы верно изволили выразиться, и иностранец по фамилии – а может прозвищу? – Андерсен, но откуда он, этот Андерсен, я, ей Богу, не знаю.

– Ладно, Бога и Андерсена пока оставим в покое. Сейчас меня интересует «профессор». Что тебе о нем известно?

– Честно? Почти ничего. Гром нам категорически запретил общаться с гражданскими. Даже говорить с ними. Этот «профессор» (так его звали за глаза ребята, но он, насколько я знаю, не возражал) с утра до ночи копался под землей. Чего уж он там искал, неизвестно, только однажды ночью они с Громом вывезли на тачках и поместили в старый дот – я покажу, где это, – какие-то контейнеры серого цвета.

– Сколько их было всего?

– Вообще-то никто из нас в натуре их не видел, точнее, не должен был видеть. Таскали они эти штуки в темноте, пыхтели, как негры на плантациях. В жизни бы не поверил, что Гром, который палец о палец бесплатно не ударит, способен так упираться. Потом, как они, значит, перетаскали эти контейнеры в дот, на другое утро замуровали вход железной дверью и поставили часового. Но я-то все видел! Я в ту ночь дежурил по лагерю. У меня на глазах все и происходило.

– Так сколько?

– Контейнеров-то? Семь было контейнеров, ровно семь, господин офицер.

– Когда и куда потом делся этот «профессор»?

– А вы меня не расстреляете?

– Будешь говорить правду, останешься жив. Слово офицера.

– Буду, гражданин начальник, обязательно буду. Какой мне смысл врать! Сегодня ночью ушел «профессор». Провожал его Гром. Я их видел издали, со спины. Ушли на север, в сторону села, как его?

Казачьего Дюка. Больше, вот те крест, ничего не знаю. Куда, зачем он ушел? Ничего не знаю.

Собственно говоря, Антон узнал почти все, что хотел. Ситуация предельно осложнялась. Несмотря на удачную и почти бескровную операцию, в самой главной для них задаче – захвате контейнеров с боевым плутоном – образовалась огромная зияющая дыра. Исчез, и притом исчез в неизвестном направлении, целый контейнер радиоактивной «дряни», способной уничтожить миллионы людей. Надо действовать безотлагательно!

«Этого – в Казачий Дюк, под строгий надзор – приказал Антон капитану Макееву, краем глаза отметив несказанное облегчение на лице «Сократа». – Смотреть за ним в оба – уж больно ловок! Пусть живет, пока не начнет врать. Всем командирам – срочно собраться у меня».

«Сократа» увели. На носилках вынесли и Грома, который своими жалкими стопами так успешно подыграл на допросе – нагнал страху на малодушного «Сократа». Офицеры остались одни.

– Что ж, товарищи мои дорогие, думаю, картина всем вам предельно ясна. С этого момента и до того счастливого часа, когда отыщется, Бог даст, пропавший седьмой контейнер, мы с вами живем в режиме чрезвычайного положения. Наша последняя, но, признаюсь, весьма слабая надежда – внешний контур оцепления. Если «профессора» взяли, дальше мы с вами можем смело идти по домам. Если нет?... Но не будем сразу о грустном. Сложность ситуации состоит еще и в том, что никто из здесь присутствующих (Антон сделал паузу и обвел глазами своих коллег) не вправе разглашать то, чему мы сегодня стали свидетелями. Никому! Даже жене! Даже папе с мамой! Соответственно, всем нам будет очень трудно объяснять своим подчиненным, почему они должны, не смыкая глаз, искать этот треклятый контейнер.

Часа через два, когда были получены отчеты от всех постов и групп внешнего оцепления, худшие опасения Антона, увы, начали сбываться. Каким-то непостижимым образом «профессору» удалось-таки просочиться сквозь плотный и, казалось бы, непроницаемый заслон. Единственная зацепка, оставшаяся в их распоряжении, – упоминание о некоем священнике, ехавшем на телеге с бидоном молока мимо Казачьего Дюка. Дело было ближе к ночи, и назвавшийся отцом Евсеем батюшка охотно объяснил дозорным, что спешит из соседнего села Анисьино, с последней дойки в село Забелье, что в трех верстах от

Дюка, чтобы успеть доставить молоко для больной внучки. Бидон на всякий случай открыли – действительно молоко. Батюшку отпустили на все четыре стороны, сделав лишь отметку в журнале.

Антон теперь почти не сомневался – это был он, «профессор», собственной персоной! Во всей, так сказать, красе! Перепроверить, конечно, имело смысл, но и так можно было биться об заклад – ни про какого такого отца Евсевия в Забелье никто, наверняка, и слыхом не слыхивал, и все это «липа», изобретательно, даже талантливо состряпанная «профессором», чтобы эвакуировать хотя бы один контейнер из опасной зоны. Каков, однако, артист! Виртуоз! И надо же – ушел не чистым полем (там его наверняка бы задержали), а напрямик через Казачий Дюк! Контейнер, вероятнее всего, был спрятан на дне бидона с молоком. Лихо, смело – ничего не скажешь!

Оставалась, правда, еще одна неясность – она же, возможно, и потенциальная зацепка. Это тот самый пресловутый «крот» в штабе Антона, вероятнее всего успевший предупредить Грома и «профессора» о готовящейся операции. Через него, если повезет, можно попытаться вытянуть весь клубок. Дело за «малым» – вычислить и взять с личным «засланного казачка», а затем заставить его работать на себя. Впрочем, всему свое время. Пока же, увы, приходилось констатировать: «источник» Грома сделал-таки свое черное дело. Слава Богу, что хоть удалось застать бандитов врасплох: не ожидали они атаки раньше срока, даже мины, и те, вон, не распаковали. А не то не избежать бы тяжелых потерь. Эх, дела! Оправдывайся теперь перед Центром!

Генерал устало присел на поваленное дерево. Рядом пристроился Крис. Оба молчали, думая, вероятно, об одном и том же. Каждый, исходя из опыта прожитой жизни, признавал: одна операция кончилась – другая тут же и началась. Каждый проигрывал в уме варианты дальнейших действий, готовясь в дружеском споре предложить лучший, то есть кратчайший путь к истине. Каждый признавал свою личную ответственность перед лицом той угрозы, которая внезапно нависла над всеми ними в виде этого пропавшего контейнера. Над их общиной. Над тысячами и тысячами неизвестных им людей, перемалываемых жерновами Исхода в эти «последние дни».

Игра не кончилась. Игра только начиналась. И она обещает быть очень даже непростой – скорее всего, даже намного сложнее и опаснее, чем все их теперешние предположения. Но ведь они с Крисом

не просто солдаты. Они православные воины, и, как таковые, в любой, самой, казалось бы, безвыходной ситуации они вправе молитвенно уповать на то, что все испытания посланы им не случайно, а даны свыше – по воле Божьей или по Его попущению. И не бывает испытаний, превышающих силы испытываемого. И не их дело оспаривать пути Божьи. А дело их – каждый день, каждую секунду прожитой жизни исполнять волю Того, кто однажды, раз и навсегда призвал их следовать за Собой, вернул в воинский строй и обязал к священному служению.

Занимался восход. Напуганное ночным переполохом лесное «население» понемногу приходило в себя, возвещая об этом соответствующими писками и свистами. Не обращая больше внимание на возмутителей тишины – неугомонных человеков, оно приступило к своим повседневным заботам о хлебе насущном. Скоро, очень скоро последние следы операции «Захват» будут поглощены и стерты ненасытным лесом.

«Так вот где, оказывается, окончилась прошлогодняя экскурсия в мегаполис! Надо же такому случиться!» – вдруг сообразил Антон. Он даже покачал головой, поражаясь причудливой замысловатости и непредсказуемости, с которой Промысел вяжет узоры человеческих судеб. «Сократ» и Шпилевой, Гром и «профессор», владыка Феогност и Крис – сотни индивидуальных узлов-судеб уже связались и переплелись на его глазах в причудливый, одному Всевышнему понятный узор.... И это в течение одного только минувшего года!

Сколько же их еще свяжется, этих узлов и узоров, принимая во внимание остроту и динамику лихо закрученной интриги?

– It's all over? Boss! – Крис снова почувствовал, когда можно подвести черту.

– Not yet, my friend, not yet! Все еще впереди.

(Окончание первой части)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ретроспектива будущего	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЛЕСНАЯ ЗАСАДА	10
«Сократ», 12 октября 2021 года	10
Непредвиденная остановка	15
Крис православный	20
Молитва Антона Савина	22
Предчувствие	28
Почему экскурсии?	31
Рождение первых общин	33
Крах мегаполисов	39
Засада	42
Первые просветы	49
Антоновы думы (продолжение)	51
ГЛАВА ВТОРАЯ. ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К БОГУ	56
Юность генерала Савина	56
Встреча с «Пичугой»	62
Чеченский трамплин	72
Предвестие старца Адриана	74
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. В МОСКВЕ	82
На въезде в Москву, октябрь 2021 года	82
Настя	92
На постое у дяди Миши, днем ранее	96
Новоспасский монастырь, первый день в столице	105
«Призраки» Сеньки Ларина	118
Отъезд из Москвы, тремя днями позже	135
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ОПЕРАЦИЯ «ЗАХВАТ»	138
Казачий Дюк – Лиза, год спустя	138
Русское чудо трезвения	147
Егор Чеботарев, утро того же дня	159

«Витязи» России	163
Семь вздохов – семь выдохов	167
Будни Устиныча	171
Антон Савин – утро следующего дня (за две недели до «Захвата»)	174
Азы исихазма*	177
Эврика	185
Хлопоты Егора, утро следующего дня	188
Инкубатор, вечер того же дня.	191
Станный разговор	196
Инкубатор (продолжение)	198
В штабе АО	209
Новые подробности	213
Успехи Криса	223
Побег Егора – за сутки до операции	226
На исходном рубеже	231
Операция «Захват» — 27 октября 2022 года	237

